

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ISSN 0132-1366

№

Слав

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

2011

«НАУКА»

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2011

МАРТ •

АПРЕЛЬ •

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Содержание

СТАТЬИ

<i>Кочегаров К.А.</i> (Москва). Отношения Запорожской Сечи с Речью Посполитой, Портой и Крымом в последние годы жизни кошевого атамана Ивана Серко	3
<i>Сазонова Л.И.</i> (Москва). К истории создания «Рифмологиона» Симеона Полоцкого	19
<i>Афанасьева Т.И.</i> (Санкт-Петербург). Служба «на бездождие» в славянских служебниках и требниках XI–XVI веков	36
<i>Глушковский П.</i> (Варшава–Москва). Фаддей Булгарин в мире идентичностей Российской империи	46
<i>Агапкина Т.А.</i> (Москва). Символика и обрядовые функции танца и хоровода в традиционной культуре славян	56
<i>Крашенинникова Ю.А.</i> (Сыктывкар). Из наблюдений над символикой цвета в русских свадебных приговорах	71

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Шевчук И. И.</i> (Брест). Минский период в жизни Н.Н. Дурново	78
<i>Робинсон М.А.</i> (Москва). «Заявление профессора Н.Н. Дурново»	86
<i>Стыкалин А.С.</i> (Москва). Юрий Крижанич. Взгляд со Старой площади (декабрь 1954 года)	101

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Гаврюшина Л.К.</i> Р. Станкова. Сръбската книжнина през XIII в. (контекст и текст)	107
<i>Анисимова Д.Ю.</i> Slovník súčasného slovenského jazyka. I zväzok.....	110

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Тематика XV Международного съезда славистов.....	113
--	-----

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Таирова-Яковлева Т.Г.....	116
---------------------------	-----

ЮБИЛЕИ

Толстая С.М. К юбилею Людмилы Александровны Софроновой. Похвальное слово	120
Сухачев Н.Л. К юбилею Онуфрия Винцелера	122

НЕКРОЛОГИ

Памяти Лидии Егоровны Семёновой.....	124
Софронов М.В. Памяти Татьяны Николаевны Молошной.....	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

*Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а,
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2011 г.
© Редколлегия журнала «Славяноведение»
(составитель), 2011 г.

© 2011 г. К.А. КОЧЕГАРОВ

ОТНОШЕНИЯ ЗАПОРОЖСКОЙ СЕЧИ С РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ, ПОРТОЙ И КРЫМОМ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ КОШЕВОГО АТАМАНА ИВАНА СЕРКО

После Чигиринских походов 1677–1678 гг. Османская империя предприняла усилия по расширению системы крепостей в низовьях Днепра, одновременно пытаясь установить свой протекторат над Запорожской Сечью. Это привело к попыткам кошевого атамана Ивана Серко найти поддержку у польского королевского двора. В результате возник проект соглашения перехода части запорожского казачества под власть Речи Посполитой, оставшийся неосуществленным по ряду причин.

After the Čigirin War of 1677–1678, the Ottoman Porte was making efforts to reinforce the system of fortresses in the Low Dnepr and, at the same time, trying to establish its protectorate over the Zaporozhyan Sech. It led to the attempts of the kosh-ataman (*koševoj ataman*) Ivan Serko to win support of the Polish royal court. This resulted in a draft-agreement, which implied that a group of the Zaporozhyan Cossacks would come under the sway of the Polish-Lithuanian Commonwealth. However, this project had not been ratified for a number of reasons.

Ключевые слова: Запорожская Сечь, Иван Серко, Османская империя, Речь Посполитая, Россия.

После заключения Журавненского мира Речи Посполитой с Османской империей (1676) связи королевского двора с Запорожской Сечью ослабли. Это произошло не только потому, что заключив мир с турками и татарами, польский король Ян III более не нуждался в запорожцах как боевой силе, которую он всегда высоко ценил, но и из-за тех препятствий, которые всячески чинило сношениям Сечи с Речью Посполитой русское правительство и украинский гетман Иван Самойлович.

Журавненский мир 1676 г. оставил Россию один на один с такими грозными противниками, как Османская империя и Крымское ханство. После битв за Чигирин 1677–1678 гг. военные действия воюющих сторон приобрели вялотекущий характер. И Москва, и Стамбул зондировали возможности заключения мира. Именно к этому времени относятся попытки польского королевского двора наладить тесные отношения со знаменитым кошевым атаманом Иваном Серко. В литературе встречались лишь самые эпизодические и часто не очень точные упоминания об этих контактах [1. С. 217, 222–223; 2. С. 572; 3. С. 482–483], не дававшие представления ни об их масштабе, ни о результатах, ни о длительности. Тем более не было попыток выяснить предпосылки и причины польско-запорожских связей 1679–1680 гг.

Кочегаров Кирилл Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Важным фактором возобновления запорожско-польских отношений стало обоюдное стремление к миру России и Османской империи. Немаловажную роль, хотя и не решающую, сыграл в этом провал попыток Ивана Серко самостоятельно договориться с турками и татарами.

Сношения с Крымским ханством всегда имели большое значение для Запорожья. Однако перед самым началом и во время борьбы за Чигирин непосредственных контактов с низовым войском стал искать и сюзерен крымского хана – Оттоманская Порты, понимая, что позиция Сечи может повлиять на исход русско-турецкого конфликта. Эмиссаром Порты в сношениях с запорожцами выступил Хуссейн Мурза Муравский (Моравский) – татарин-липка¹, военный и дипломат, оставивший любопытный след в событиях, развернувшихся на украинских землях в 1670-х годах. В 1667 г., будучи ротмистром коронных войск, Муравский был выслан королем Яном Казимиром с дипломатической миссией в «южные страны». С началом польско-турецкой войны 1672–1676 гг. многие татары-липки перешли на сторону турок. Среди них был и Хуссейн Муравский, участвовавший как переводчик в польско-османских переговорах и заключении Бучачского мира 1672 г. Где-то в 1674 г. Х. Муравский стал беим Бара, который в ноябре того же года был взят войсками Яна Собеского. Король не только сохранил Муравскому свободу, но даже вновь принял на военную службу, а в 1675 г. выслал послом к крымскому хану Селим-Гирею. Но проницательный татарин-липка не оценил королевских милостей и вернулся на турецкую службу [4. S. 265, 272–277, 290–294] (см. также [5. S. 136–140]). Польский посол в Стамбуле (1677–1678) хелминский воевода Ян Гнинский, во время своей миссии встречавшийся с Х. Муравским, отмечал, что тот в ходе польско-турецких переговоров консультировал османских дипломатов касательно Бара и Подолии, за что получил поместья под Адрианополем [4. S. 295–296] (см. также [6. S. 67, 128, 159]).

Дальнейшая судьба Хусейна Муравского до настоящего времени была малоизвестна историкам. Польский исследователь Ян Перденя отмечал (без указания источника), что в 1676 г. Муравский был назначен беим Казыкермена – крепости, игравшей стратегическую роль по защите устья Днепра от проникновения казацких чаек в Черное море. В его задачу входило недопущение помощи запорожцев польским войскам в кампании 1676 г. путем заключения соглашения с Сечью [7. S. 454].

Однако и в последующие годы Х. Муравский не только руководил обороной низовьев Днепра от запорожских казаков, но и выступал как эмиссар Порты по украинским делам. В июле 1677 г. татарин Умерко, сбегавший из Казыкермена, поведал в Малороссийском приказе в Москве, что в крепости «начальным человеком Усеин (Хуссейн. – К.К.), бей Моравской, а наперед де сего служил он полскому королю у полских липских татар ротмистром, и переехал на салтаново имя из полсково города Бара в то время, как салтан турецкой Каменец-Подольской взял». Умерко сообщил о перемирии, заключенном Сечью и Крымом, в знак которого Иван Серко послал на полуостров двух казаков «в аманаты». Примечательно, что, хотя хан отправил казаков обратно, заявив им, что готов жить с запорожцами «в миру без аманатов», те направились не домой, а в Казыкермен, где остановились на достаточно длительное время. С ответной миссией от хана к И. Серко поехал высланный ранее (видимо вместе с «аманатами») кошевым атаманом на Крым толмач в сопровождении толмача из Казыкермена [8. Стб. 198, 201]. Эти косвенные свидетельства активного участия казыкерменского бея в заключении крымско-османской стороной перемирия с Запорожской Сечью подтверждаются и другими данными.

В конце октября 1677 г. гетман И. Самойлович сообщил прибывшему к нему царскому дипломату Василию Михайловичу Тяпкину, что возвращавшийся

¹ Липки – польско-литовские татары.

из-под Чигирина крымский хан заключил перемирие с Иваном Серко на три года, после которого запорожцы помогли татарам переправиться через Днепр. Вскоре хан направил в Сечь своих послов для подтверждения договоренностей, обещая прислать низовым казакам «многие хлебные запасы», порох, самопалы и свинец. От имени Порты же эти переговоры продолжил находившийся в Казыкермене Хуссейн Муравский, которому, по словам гетмана, из Стамбула было прислано 30 тыс. червонных «для прекупления того Серка с казаками в подданство турецкое». По сведениям Самойловича «тот бей Моравской бывал полской татарин, и учен многим школам и языком, и с ним Серком съезжался, и поставя полки свои в поле, каждой на своем месте, а сами сседши с коней, отошли далеко, взявся за руки и ходили меж кусты». В результате Серко якобы «подарки от того бея принял и присягнул на подданство турецкому султану» [8. Стб. 330]. В декабре 1677 г. находившийся в Стамбуле польский посол Я. Гнинский сообщил о появлении там Х. Муравского, который заявлял, что привез заключенный с И. Серко договор о перемирии («*armistitium autentyczne*»). После этого при Стамбульском дворе начали даже рассматривать возможность провозглашения И. Серко гетманом на «османской» части Украины вместо Юрия Хмельницкого. Муравский, видимо, должен был сыграть в осуществлении этих планов немалую роль. Сам Я. Гнинский, впрочем, сомневался, что знаменитый кошевой атаман настолько доверит Порте, чтобы принять это предложение [6. S. 271–272]. В апреле 1678 г. Самойлович сообщал в Москву, что взятый в плен татарин рассказал, что Серко якобы писал в Очаков и Белгородскую орду, предупреждая о возможных набегах посланных гетманом казачьих отрядов, одновременно направив посланцев к султану, «прося себе знамен на гетманство» [8. Стб. 571] (см. также [8. Стб. 595, 602]). Учитывая вышеприведенное свидетельство Я. Гнинского, можно утверждать, что эти и другие поступавшие в Москву в течение года данные о сотрудничестве кошевого с Портой не были совсем голословными.

Ведение Сечью переговоров с Портой или Речью Посполитой вовсе не означало полный разрыв с Москвой и Батуриным или прекращение мелких казачьих набегов на Крым и нападений на татарские отряды.

В ноябре 1678 г. Иван Серко, жалуясь в письме И. Самойловичу, что многие сечевики ушли к Ю. Хмельницкому, отмечал, что здесь не обошлось без Хуссейна Муравского, чей агент переманивал казаков [8. Стб. 700].

Запорожско-турецкие переговоры не получили дальнейшего развития, несмотря на достигнутое соглашение о перемирии (не продлившемся впрочем долго). Видимо в какой-то момент И. Серко отказался от своих планов (о реальности которых мы также не можем сказать со стопроцентной уверенностью) стать гетманом Украины под протекторатом султана. Поэтому во второй половине 1678 г. запорожские казаки возобновили против Крыма и турок военные действия [9. С. 287–289]. Они продлились до ноября, когда кошевой сообщал гетману о предложении Крыма заключить перемирие на три месяца с целью обмена пленными. В ответ Серко направил в Крым толмача Данилу [8. Стб. 700]. К тому времени в Сечи находилось около 600 человек полоняников [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 146. Л. 39].

В 1679 г. турецко-татарская сторона главные усилия сосредоточила на укреплении и расширении системы оборонительных фортов в низовье Днепра, стремясь полностью заблокировать выход запорожцев в Черное море [9. С. 290–292; 11. С. 329–331]. Эти действия турецко-татарских войск не грозили большой опасностью южным границам России и Украины, зато вызвали немалое беспокойство казаков Запорожской Сечи и их кошевого Ивана Серко.

В феврале 1679 г. запорожцы разбили на «крымском шляху» татарский отряд в несколько сот коней и убили посланца от великого везира к Х. Муравскому. В руки сечевых казаков попали «листы и чертежи Днепра реки со всеми ево островами и лозниками, и полевыми речками от Очакова даже до Кодака, на каких

местах имеют городки строить». В перехваченных письмах Усеин-бею (Хусейну Муравскому) поручалось руководство сооружением новых крепостей на Днепре. С посланцем, который вез письма, Муравский должен был обсудить, «что на строение городов надобно камня, кирпичю, извести» и к какому времени все это должно быть доставлено, чтобы в текущем году «совершить то дело без порухи». Встревоженный И. Серко, сообщая об этом гетману, просил его согласовать с русским правительством скорую присылку на Сечь крупного московско-казацкого отряда, выслать запорожцам воинские запасы и принять меры по укреплению Кодака [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 9. Л. 2–6]. Самойлович в ответном письме убеждал кошевого, что низовому войску «ненадобно [...] ни мало о том сомневаться и о целости своей», обещая, что царь приготовил в этом году для обороны Украины вдвое или втрое больше войск, нежели в прошлом. Кроме того, гетман, опираясь на дошедшие из Молдавии вести (как он уверял, из надежных источников) считал, что этим летом османы основные свои силы направят под Киев. Поэтому он убеждал Серко, что известия о намерении турок строить на Днепре новые крепости – не более чем дезинформация, цель которой отвлечь внимание русско-украинской армии от Киева, чтобы застать его врасплох, неготовым к обороне [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 10. Л. 6–10]. Довольно быстро выяснилось, что расчеты гетмана были ошибочны.

Для русско-украинских войск военная кампания 1679 г. против турок и татар свелась к оборонительным мерам, предпринятым в районе Киева [11. С. 326–329]. На Запорожскую Сечь были посланы небольшие отряды русской пехоты и украинских казаков. Русскими стрельцами, посланными на Сечь из Киева в количестве 470 чел. командовал стольник Василий Федорович Перхуров [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 14об.–16]. Это предопределило неудачу скромных русско-украинских сил помешать укреплению турецкой обороны низовьев Днепра.

1/11 августа отряд стольника В.Ф. Перхурова, уменьшившийся к тому времени до 260 стрельцов, и запорожцы (700 казаков) под предводительством И. Серко в очередной раз двинулись к турецким фортам. Прибыв на место 5/15 августа, русско-украинский отряд обнаружил там большое скопление турецко-татарских войск. «Видели есмы достроенный на косе у острова Таванского городок таков, как и первые, около которого великое множество войска турского, – свидетельствовал И. Серко – в том острове и судов военных колико сот у берега их, занеже по первом нашем к ним походе с моря прибавлено им посликов, орды также, как и перво, так и ныне в поле на залоге». Турецкие отряды под командой нескольких пашей расположились на острове Тавань в новопостроенном каменном форте с шестью башнями. Кошевой, считая, что силы слишком не равны, отказался не только от нападения на турок, но и от попыток взять языков. «И кошевой атаман Иван Серко на тех пашей не ударил и на орду, а мне одному делать нечего», – сокрушался В.Ф. Перхуров в письме к И. Самойловичу, написанном 8/18 августа, по возвращении из неудачного похода. Царский стольник сетовал, что обещанных подкреплений ему до сих пор не прислано, провиант заканчивается и ему остается только «помирать з голоду» со своими двумя сотнями солдат, поскольку высланный им 19/29 июня отряд (50 чел.) под командой сотника Прокофия Бобоедова за «хлебными запасами», которые были оставлены у Кодака, у «первого порога», до сих пор не вернулся. «А промыслу против неприятеля нет, и казаки все пошли в рознь, битца не хотят, дважды под городки ходили, а ничего не учинили», – продолжал он, сообщая, что на коше осталось менее 400 запорожцев. Считая, что ему нет смысла далее оставаться в Сечи, В.Ф. Перхуров просил у гетмана распоряжения вернуться со своими стрельцами в Киев. Перхуров вторил Григорий Старосельский – казак, прикомандированный гетманом к русскому отряду. Он сообщал, что во время последнего похода, из которого «ни с чем назад пришли есмы», В.Ф. Перхуров «на счастье тех ратных московских людей, которые при нем есть, и все войско хотело какой-нибудь промысл около неприятеля хотя б

для языка чинити», но И. Серко «на то не поволил», а по возвращении из похода «болшая половина войска хочет итить на Русь, а мало что их при коши останетца для скудости запасов и для того, что весь Низ неприятели у них отняли, отнюдь не имеют, где добыватца». Сам кошевой атаман оправдывал свою пассивность бдительностью неприятеля, который «гораздо в великой на воде и на поле осторожности, и некоторыми мерами не могли есмы языка взяти». Переправа татар у И. Серко, не знавшего, куда они двинутся дальше, вызывала тревогу, поэтому он просил гетмана прислать в Сечь обещанное им казацкое войско под командой своего сына Семена Самойловича, или, на худой конец, хотя бы меньший отряд. Кошевой упрекал гетмана, что если бы войска прибыли в Сечь вовремя, «подлинно б тот неприятель на том острове не городок свой ставил, но и сам бы на острове не постоял, где и по се время турки конные и пешие наметы розставя, стоят, и не ведаем, куда по нашем отходе обратятца» [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 10–20].

Гетман И. Самойлович в ответном послании просил стольника, чтобы он еще «задержался» в Запорожье, куда уже двигаются 1,5 тыс. казаков миргородского полка и столько же солдат [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 10–14]. В течение августа неприятель практически не появлялся в районе Сечи. Лишь 10/20 августа, по свидетельству В.Ф. Перхурова, под Сечь приходили татары, но «никакова урону государским людем не учинили». Посылавшийся стольником вверх по Днепру отряд П. Бобоедова 9/19 августа привел в Сечь шедшие туда подкрепления – отряд стрелецкого полуголовы Ивана Гвоздева численностью в 200 чел. [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 48–50об.]. 20/30 августа на кош прибыли конные миргородские казаки под командованием Якова Корицкого. Вместе с ними 25 августа/4 сентября запорожцы направились «на ближние татарские шляхи». Однако на следующий день в Сечи появился бежавший из турецкого войска некий Афанасий Елисеев. Он сообщил, что значительные отряды турок и татар, расположившиеся на р. Ингульце, намеревались «подлинно добывать Сечи запорожской и уже в то время приблизились к сече за четыре мили». И. Серко, по его собственному признанию «ведая, что малолюдствию нашему во обороне от такой великой противной силы не могло б сие место удоволити» ушел из Сечи с запорожцами и с отрядом Я. Корицкого «за Днепр к речке Лободихе», где на другой день к казакам прибыл еще один бывший «невольник», который сообщил, что турки действительно переправляются через Ингулец, но лишь потому, что уходят с Украины [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 42–44, 50об.–51об.]. Чтобы проверить слова выходцев из турецкого плена кошевой атаман, выслал на разведку четырех казаков. «И прилучилось им [...]», – сообщал Серко гетману в письме от 31 августа/10 сентября, – видеть немалую силу, идущую вверх Ингульца [...], которых множество оком неокинут» [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 47об.–48]. В «старой» Сечи остался лишь царский стольник со своими солдатами, посчитав, что рассказам А. Елисеева о приближении двухсоттысячного турецкого войска Агмет-паши «верить нечему». В послании И. Самойловичу от 2/12 сентября он сообщал, что хотя запорожцы и отряд Корицкого «сошли на остров серед Днепра – Лободиху, опасаячись [...] неприятельского приходу», турки и татары пока возле коша не показывались, а посланные И. Серко казаки привезли, как считал Перхуров, успокоительные известия, что войско Агмет-паши «идет помаленку, переходя с места на место в верх реки Ингульца».

«А из Сечи не уступлю, разве будет безмочство, как придет паша со всеми своими потугами» – уверял В.Ф. Перхуров гетмана. Уверенности ему придало полученное 28 августа/7 сентября письмо («с порогу Ненасытца») от полковника Мартына Болтвина, двигавшегося в Сечь с 1,5 тыс. солдат. «А хлебные запасы изняли нас, купит не добудешь» – сетовал Перхуров, заканчивая свое письмо [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 48–50об.]. «Господина кошевого особой дружбы никоею мерою к велможности вашей выразумети не можем, – добавлял в конце письма Г. Старосельский, – еще неведомо где неприятеля слышав, с коша ушел и гос-

подина Корицкого с собою взял [...], толко мы [...] з бедными людми ратными на коше прибываем» [10. Ф. 124. Оп. 1. 1679 г. Д. 21. Л. 50об.–51].

В течение всего года кошевой атаман последовательно добивался от Крымского ханства проведения обмена пленными (прошлогодние усилия результатов не дали). Еще в апреле 1679 г. бежавший из Сечи в Крым татарин сообщал в Бахчисарае, что «говорил де атаман Серко с казаками, чтоб с крымским ханом переписка учинить, чтоб хан указал крымским татарам невольников своих крымских татар у них казаков окупить и на мену татар на казаков розменить» [10. Ф. 123. Оп. 1. Д. 60. Л. 45–46]. А 13/23 мая в крымскую столицу прибыли сечевые казаки с предложением заключить перемирие для обмена и выкупа пленнх [10. Ф. 123. Оп. 1. Д. 60. Л. 46об.–47].

По свидетельству В.Ф. Перхурова и Г. Старосельского множество пленнх турок и татар умирали из-за плохого содержания и распространявшихся среди них болезней, заражая при этом и казаков. Это заставляло запорожцев с удвоенной энергией искать мира с ханом, стремясь поскорее обменять имевшийся у них «ясырь», число которого с каждым днем сокращалось, на своих томившихся в неволе товарищей или получить за полоняников выкуп. «А того ясырю уже много померло», – писал гетману Г. Старосельский, сообщая, что запорожцы «думают с неприятелем примирився, окуп чинить» [10. Ф. 124. Оп. Д. 21. Л. 14об.–17]. 28 июня/8 июля с одним из полоняников И. Серко направил хану очередное предложение произвести обмен пленными. Спустя почти два месяца, 30 августа/9 сентября сторожевые казаки «в Карачтабене (урочище в низовьях Днепра. – К.К.) будучи, нашли на берегу воткнен лист от бея казыкерменского», т.е. от Хусейна Муравского. В ответном послании он проигнорировал предложение запорожцев, говоря вместо этого о необходимости скорейшего заключения мира: «Дай Господи Боже, чтоб меж монархами святой покой стался». При этом кошевому атаману предлагалось заручиться соответствующими полномочиями в Москве и начать переговоры о мире с беем. Тем самым Серко «учинил бы себе славу и врата себе отворил к наяснейшей Порте». Однако кошевой в ответном послании упрекал своего корреспондента, что он неправильно понял намерения сечевиков, которые желают лишь произвести обмен пленными: «Ибо нам не было иной нужды к вашей милости писати, толко о том, что плачут полоняники [...], а ваша милость [...] вместо радости полоняником, великим своим вымыслом трудные к нам речи пишешь, понеже до отверзения врат, в которые нам не належит стучатись». Серко, не имея ничего против заключения русско-турецкого мира, требовал от бея деклараций о готовности выкупить или обменять томившийся в Сечи «ясырь». Мирные переговоры, считал он, могут вестись лишь по распоряжению царя, подданным которого объявлял себя кошевой [10. Ф. 124. Оп. Д. 21. Л. 47об.–48, 52об.–55]. В Москве, получив известия об этих переговорах, направили 5/15 октября гетману И. Самойловичу грамоту с указанием сообщить Серко, чтобы он ни в какие переговоры с беем не вступал, не посылал к нему посланников, полжившись во всем на волю великого государя [10. Ф. 124. Оп. Д. 21. Л. 55–56об.].

В сентябре, по окончании военной кампании 1679 г. И. Самойлович пригласил И. Серко приехать к нему в Батурин «для изоустного со мною обо всем совета» о ведении в будущем году военных действий против турок и татар, и, кроме того, желая, чтобы кошевой «изоустно» подлинно рассказал гетману «яко есть низового расположения и новых и нынешних турецких городков строения». Самойлович обещал предводителю запорожцев, что более трех дней его в Батурине не задержит [10. Ф. 124. Оп. Д. 21. Л. 32об.–35]. Гетман просил царя прислать для кошевого царское жалованье, а также выслать Серко царскую грамоту, что его «к Москве не возмут», а гетман его «одарит» «чем пристойно и всем увеселит». Кроме того, старому кошевому должно было быть предложено повидаться со своей женой, жившей на Украине («и буде похочет побывать у жены своей и с нею повидатца

и то ему учинить поволно») [10. Ф. 124. Оп. 1. Д. 21. Л. 59–60об.]. Однако Серко не поехал на встречу с гетманом. К тому времени он имел уже другие планы.

Итак, кампания 1679 г. имела для кошевого атамана два важных результата. Во-первых, с турками и татарами не удалось договориться даже о размене или выкупе пленных, более того, стремившиеся к миру с Россией османы зондировали возможность заключения мира, в том числе и через Запорожье. Кроме того, используя желание Сечи избавиться от «ясыря», Х. Муравский пытался склонить ее к заключению союза. Во-вторых, и что более важно, проявилась неспособность русско-казацких войск противостоять укреплению турецких городков в низовьях Днепра, а стремление Москвы, в свою очередь, также к миру с османами и вовсе отодвигало решение этой насущной для Сечи проблемы на далекий перспективу. Видимо, осознание этого кошевым атаманом стало одной из причин охлаждения отношений между ним и русским стольником. Другой же причиной ухода Серко из Сечи, по всей вероятности, стало желание сохранить от Москвы в тайне возобновившиеся запорожско-польские контакты.

Важным связующим звеном между Сечью и королевским двором послужила Белая Церковь – главный в то время форпост Речи Посполитой на Украине. Заметную роль в них сыграл протопоп Белой Церкви Семен Заремба.

Впервые его имя встречается в документах в начале 1677 г., когда «Семен Заремба Санконом» приехал в Батурин к гетману Ивану Самойловичу с доносом о деятельности бывшего гетмана Правобережной Украины Михаила Ханенко [8. Стб. 43]. По его собственным словам, Заремба поселился в Белой Церкви около 1675 г. [12. S. 258]. К 1678 г. относится первое известие о контактах Зарембы с королевским двором. Об этом свидетельствует проезжая грамота, выданная протопопу 11/21 октября в королевском имении Пиляшковицы. В ней от имени Яна Собеского констатировалось, что «честный Заремба протопоп белоцерковской в нужных наших и Речи Посполитой приехав делех, назад возвращается» [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 137. Л. 35–36]. С. Заремба, приславший эту грамоту гетману И. Самойловичу, утверждал, что получил ее, поскольку был послан к великому везиру под Чигирин «с тайнами королевскими». В своем письме (от 20 февраля/2 марта 1679 г.) он напоминал Самойловичу, как будучи в Батурине «пред образом Пресвятыя Богородицы обещался до смерти велможности вашей быть желателным». Так же он жаловался, что Ю. Хмельницкий, узнав, что именно он донес на Ханенко, его «немного не убил за того пса Ханенка» и напоминал гетману об обещании вознаграждения за чинимые им услуги [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 137. Л. 30–34]. Сам гетман впоследствии утверждал, что Заремба убеждал его, что «зело ведущ всех тайн польской думы» [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 223].

Несколько месяцев спустя Семен Заремба выступил уже как агент польского королевского двора в сношениях с Запорожской Сечью.

Белоцерковский протопоп прибыл в расположение сечевых казаков где-то в середине сентября (по новому стилю), видимо сразу вскоре после ухода Серко и запорожцев на о. Лободиху. С. Заремба объявил казакам, что прислан от белоцерковского коменданта, но с воли короля, чтобы, во-первых, выяснить, как обстоят дела в Сечи, а во-вторых, объявить о намерении короля выслать к запорожцам посольство. В высланных 10/20 сентября с С. Зарембой ответных письмах коменданту Белой Церкви, кошевой атаман описывал неудачи прошедшей военной кампании и те проблемы, которые доставило низовому войску строительство новых турецких крепостей: «fortifikowaniem tureckich zamków Dniepr jest nam na Niż zamknionu» («из-за укрепления турецких замков, низовья Днепра теперь для нас закрыты»). Виной тому, считал И. Серко, оказание недостаточной помощи Сечи со стороны царя и левобережного гетмана. В связи с этим кошевой заявлял о стремлении к «ласке его королевского величества и Речи Посполитой» со стороны низового войска и его готовности принять королевских послов [13. Teki Naruszewicza. Rps. 177. S. 943–946].

Отряд казаков, двинувшийся в обратный путь вместе с С. Зарембой, возглавили запорожцы Григорий Ивановский и Отрохим Тимошевский [13. Teki Naruszewicza. Rps. 177. S. 943]. В его состав вошел и названный сын знаменитого кошевого – Иван Серко-младший. Впервые он упоминается в документах в 1678 г. В декабре того года в Москву прибыло посольство из Сечи во главе с запорожским полковником Федором Шепелем. В «реестре» казаков, входивших в его состав, значился «Иван Серков, выхованец кошевого» [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 146. Л. 2]. В Малороссийском приказе его записали также как крестного сына Ивана Серко [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 146. Л. 35]. Русские послы, посещавшие его уже позднее в Варшаве, именовали его Иваном-татаринном [10. Ф. 79. Оп. 1. Д. 195. Л. 540–541], из чего можно сделать вывод, что приемный сын Серко, был крещеным татаринном, вероятно крымским.

Прежде чем прибыть к королевскому двору, казацкое посольство встретилось во Львове с польным коронным гетманом Станиславом Яблоновским. Сообщая 3/13 ноября Яну Собескому о скором прибытии к нему запорожцев во главе с С. Зарембой и «Sierkowym domniemanym synem» («предполагаемым сыном Серко»), он советовал королю лично поговорить с белоцерковским протопопом о положении Запорожской Сечи. Яблоновскому казалось, что запорожцы в беседах с ним приукрашивали свое положение, хотя на самом деле их силы очень слабы, и в Сечи осталось совсем мало казаков. Коронный гетман считал, что из-за новопостроенных турецких городков на Днепре, которые полностью перекрыли низовцам выход в море через устье реки, им придется уйти из Запорожья, поскольку татары приложат все усилия, чтобы не допустить казацких походов по суше [13. Rps. 1376. S. 425].

Счета коронного скарба позволяют точнее проследить хронологию пребывания запорожского посольства в Жолкве, при польском дворе. Казаки прибыли туда около 2/12 ноября (от этого дня датируется выдача им жалованья). Примерно через месяц 86 человек из казацкого посольства были отправлены в Белую Церковь (выдача жалованья им в связи с отъездом датирована 6/16 декабря), а 14, в том числе и Иван Серко-младший остались при короле (все посольство таким образом, насчитывало около 100 чел.) [14. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. 3. Ks. 7. S. 453]. Как отмечал Ян Собеский, казаки были высланы в Белую Церковь на зимовку [13. Rps. 1376. S. 462].

Семен Заремба, по всей вероятности, выехал в Белую Церковь в декабре, предварительно проведя при королевском дворе в Жолкве переговоры с одним из ближайших сподвижников Собеского, Яном Гнинским при участии короля [13. Rps. 1376. S. 462]. В письме от 30 ноября/10 декабря из Львова протопоп благодарил короля за «ласку» и дары, подтверждал свою готовность оказывать дальнейшие услуги королевскому двору, «aby zaczęte rzeczy mogły swoj szczęśliwy wziąć skutek» («чтобы начатые дела могли свое счастливое получить завершение») [13. Rps. 1376. S. 437].

О содержании переговоров Зарембы и Гнинского можно судить на основе недатированного проекта соглашения под названием «Do przywileju zaporożcom od ojca Zareby protopora Białocerkiewskiego» («Для привилея запорожцам от отца Зарембы, белоцерковского протопопа»), собственноручно написанного хелминским воеводой. Речь в нем идет о возвращении украинского казачества под власть польского короля. Это несомненно, не окончательный вариант соглашения, а скорее даже набросок или записанные воеводой устные пропозиции протопопа из Белой Церкви, в которых есть много неясного и противоречивого. Также трудно сказать, насколько он отражал интересы самого И. Серко, а насколько С. Зарембы, также не лишеного политических амбиций.

Гетманом под протекторатом Речи Посполитой должен был стать, по всей видимости, Иван Серко. Проект привилея определял ряд политических и экономических условий существования казацкой автономии под властью Речи Посполи-

той. Казаки сами выбирали себе гетмана, который утверждался королем. Гетман и полковники не могли приговорить совершившего преступления казака к смерти без санкции короля. Резиденция гетмана (столица автономии) также должна была быть определена декларацией короля. Из публичного скарба, находившегося в распоряжении гетмана, он должен был оплачивать приобретение для войска пуль и пороха, а также посылку послов к королю. Территория казацкой автономии должна была располагаться на обоих берегах Днепра, и все находившиеся в ее границах королевские и шляхетские имения должны были перейти во владение казачества. Количество реестра не ограничивалось (число казаков могло доходить хоть до 300 тыс.), при этом за счет аренды предполагалось также создание наемного войска численностью около 10 тыс. чел. Помимо арендаторов винных откупов только казаки могли варить вино и водку на крестины, свадьбы и похороны. На территории казацкой автономии не могли постоянно находиться коронные или литовские войска, а в случае их временного там появления, они должны были покупать провиант у местных жителей за свои деньги. При этом крестьяне все-таки могли платить специальные налоги на содержание этих солдат, при условии, что они не будут у них квартировать. Киевский митрополит должен был получить место в сенате, а церквям православным возвращены «давние вольности». Особо в проекте привилея отмечалось, что казаки Сечи должны были быть в не меньшем почете у короля, нежели городовые казаки и получать регулярное хлебное жалование со специально предназначенных на то мельниц на Левом берегу Днепра, не завися тем самым от милости гетмана. Число сечевых казаков могло достигать 20 тыс. чел. Окончательный вариант привилея должен был быть изготовлен в двух экземплярах, из которых один предполагалось хранить в Сечи, другой – на волости.

Набросав на листке бумаги по пунктам проект привилея, в конце Гнинский сделал еще несколько помет, свидетельствующих, что И. Серко планировал перебраться в Белую Церковь (видимо с частью низового войска). В связи с этим С. Заремба передал просьбу кошевого, чтобы казаки «вольно» жили в районе города, не платя налогов и получив право свободного винокурения. Взамен низовцы были готовы обойтись без белоцерковского полковника, функции его мог исполнять и белоцерковский комендант. В завершение разговора протопоп поделился с Гнинским своими мыслями о необходимости заселить Правобережье, ведя жестокую борьбу с татарами и отвоевав украинские земли у турок. Заремба спрашивал воеводу о границах, установленных Журавненским миром [13. Rps. 428. S. 481–482].

О намерении И. Серко переселиться с Сечи на Правобережье под власть Польши свидетельствуют и другие факты. На состоявшейся 29 декабря 1679/8 января 1680 г. в Варшаве генеральной раде обсуждался вопрос об избрании способов содержания для казаков «którzy zejść chcą z Zaporoża» («которые уйти хотят из Запорожья»), если не будет заключен русско-польский союз против Порты, дававший запорожцам надежду на очищение устья Днепра от турецких крепостей. Рада решила «zostawić ich przy nadziei» («оставить им надежду»), а с теми, кто «прибыл в посольстве до польского короля», обращаться сколько возможно лучше [13. Rps. 866. S. 13–14] (см. также [2. S. 572]). Собеский в письме низовым казакам отмечал, что их послы имели аудиенцию у собравшихся на генеральную раду станов [13. Rps. 1376. S. 462].

В марте 1680 г. на Сечь по поручению короля выехал казацкий полковник Павел Апостол (в счетах коронного скарба выдача ему денег на поездку датирована 14/24 марта) [14. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. 3. Ks. 7. K. 453v.]. Королевская проезжая грамота от 10/20 марта камуфлировала цель поездки под желание полковника «для лутчего в деле рыцерском научения идти на Низ к Войску Нашему Запорожскому, славному с предков своих по всех землях, государствах, городах и волостях, морем и степью славою рыцерскою роспростиратися, что понеже и

ныне в тех же сердцах добрых молотцов не умирает» [10. Ф. 124. Оп 1. 1680 г. Д. 24. Л. 17–18]. Подробности этой миссии получили очень скромное отражение в известных нам источниках. О ее целях можно судить лишь на основе сопутствовавших поездке полковника обстоятельств и других косвенных данных.

В направленном с П. Апостолом письме для кошевого атамана (от 24 февраля/5 марта) Ян Собеский заявлял, что рад предложениям И. Серко, и уделил им особое внимание. Король выражал надежду, что вскоре представится okazия для их осуществления. Он сообщал, что внял просьбе кошевого и оставил его сына при своем дворе, обещая, что Ивану-татарину будет оказан хороший прием и уважение [13. Rps. 1376. S. 461]. В письме с той же датой низовому войску выражалось удовлетворение, что казаки решили предложить свои услуги Речи Посполитой и по примеру своих дедов и прадедов возвратиться под власть своей Отчизны. Сообщалось, что высланному на Сечь Павлу Апостолу дана «устная наука», т.е. словесные инструкции. Заканчивалось письмо туманным намеком Собеского на то, что казаки потрудятся во славу христианства, когда наступит подходящее время [13. Rps. 1376. S. 462].

Возобновившиеся контакты с Речью Посполитой не избавляли Ивана Серко от решения текущих вопросов в отношениях с Крымом, а также Москвой и Батуриным. По-прежнему сохранял актуальность вопрос обмена и выкупа находившихся в Сечи пленных татар и турок. Кошевой не прекращал попыток обменять их на пленных казаков или получить выкуп, но все они терпели неудачу в силу стараний Х. Муравского добиться заключения с Сечью союзного соглашения. Поздней осенью 1679 г. в Сечь наконец-то возвратился запорожский толмач, пробывший в Крыму все лето. Он сообщил о готовности хана произвести размен пленными. Однако посланные в Крым очередные запорожские посланцы в срок не вернулись. Вместо этого крымцы «листы везирский и бейский в Карайтабен на берег принесши, бросили», где письма подобрали казаки. В письме Х. Муравского, отмечалось, что он специально ездил в октябре с казаками в Крым, чтобы оказать им содействие. Задержка послов, по словам казыкерменского бея произошла из-за необходимости дожидаться ответа из Стамбула на отправленную туда ханскую почту [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 205–220, 260–263].

Можно с уверенностью предположить, что в результате Портой был одобрен разработанный при деятельном участии Хусейна Муравского очередной план введения в подданство султану и хану казаков Запорожской Сечи. В итоге, в начале мая 1680 г. в районе речки Конские Воды состоялась представительная встреча запорожской кошевой старшины с делегацией Крымского ханства, которую возглавлял калга² и ханский везир. Крымская сторона вместо того, чтобы обговаривать условия обмена пленных, выдвинула предложение о заключении военного союза, по образцу заключенного в свое время между Богданом Хмельницким и крымским ханом. Это автоматически означало и отказ от признания верховной власти русского царя. Взамен крымские представители по словам Серко, обещали Сечи «свыше желания нашего в Днепр угоды». Запорожцы не приняли этих требований, выражая готовность заключить перемирие только на время обмена пленными. В итоге переговоры закончились ничем. Кошевой подчеркивал, что один из вдохновителей турецко-татарских планов союза – Х. Муравский, «который их (крымских татар. – К.К.), надеждою о приятстве нашем утешая», обещал это «учинит обыклым своим воровством». «Тот Гуссин бей казыкерменский, – отмечал И. Серко, – непостоянный изменный пес, который будто страж от турчина и резидент пограничный между Крыма и Украины пребывает» [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 148. Л. 34–39] (см. также: [9. С. 294–295]).

В течение целого года Крым и османский представитель на Украине Хусейн Муравский использовали желание запорожцев произвести размен пленными

²Калга – второе по значимости лицо в Крымском ханстве после хана.

для реализации политических планов в отношении Сечи. Особенное значение это приобретало в свете тех территориальных противоречий, которые возникли в ходе продолжавшихся русско-османских переговоров о мире [15. С. 130–131, 135–138].

Польско-запорожские контакты с самого начала не были секретом для украинского гетмана И.С. Самойловича. На переговорах с московским дьяком Емельяном Игнатьевичем Украинцевым в конце октября 1679 г. он сообщил, что бывший в Сечи С. Заремба встречался с находившемся там же представителем гетмана – канцеляристом Василием Чуйкевичем. Через его посредство белоцерковский протопоп предлагал Самойловичу подумать о возвращении под власть своего «дединого» правителя – польского короля. Пользуясь фактом связей кошевого с королевским двором, гетман пытался в очередной раз посеять недоверие к нему в глазах московских политиков. Он убеждал дьяка, что под влиянием С. Зарембы И. Серко предлагал В. Чуйкевичу начать войну против России совместно с Речью Посполитой [1. С. 217].

Попытка С. Зарембы прозондировать настроения Батурина через посредство Сечи, по всей видимости, была предпринята не без влияния королевского двора. Об этом свидетельствует письмо от марта 1680 г. Яна Собеского польному литовскому гетману Михалу Казимежу Радзивиллу с известием о получении послания с Левобережной Украины от тамошнего «первейшего» полковника. Тот писал о готовности левобережных казаков перейти под власть короля и Речи Посполитой, если Россия и Османская империя заключат мир. Ян III надеялся, что за всем этим стоит гетман И. Самойлович [14. *Achiwum Radziwillów. Dz. 3. Rps. 15. S. 63*] (см. также [16. С. 107.]), что выдает его стремление перетянуть на свою сторону левобережного гетмана. Однако, подобные надежды, если и существовали, разбивались о неизменную враждебность Самойловича по отношению к Речи Посполитой и потому, видимо, для королевского двора более было характерно другое отношение к гетману. С. Заремба сообщал ему в феврале 1679 г., что на прошедшем недавно сенатском совете во Львове, не только сенаторы, но «и господа оба гетманы корунные и сам королевское величество про велможность вашу говорили, что аки бы царское величество вас в Сибирь сослал» [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 137. Л. 30]. Этому вторит свидетельство великого литовского гетмана Михала Паца, переданное в Москву через агентов Посольского приказа (подробнее о них см. [16. С. 50 и след.]). В апреле 1680 г. М. Пац информировал русское правительство, что якобы Ян Собеский, зная о преданности Самойловича царскому величеству, был бы не против, если бы последнего убили во время всеобщего восстания на Левобережной Украине. Казаки, таким образом, освободившись от власти Москвы, перешли бы под протекцию султана, а затем, свергнув и его власть, возвратились под скипетр короля. Пац обличал не только двуличие Собеского, который одновременно искал с Россией союза против Порты, но и эфемерность его планов по отношению к казачеству, считая, что турки опустошили бы Левобережье также, как ранее Правобережную Украину [10. Ф. 79. Оп. 1. 1680 г. Д. 3. Л. 4]. Два года спустя эти планы Яна III приобрели более конкретные очертания [16. С. 105 и след.].

Иван Серко не доверял крымскому хану. Он полагал, что желая усыпить Сечь разговорами о союзе, татары готовятся ее уничтожить. Поэтому еще в ноябре 1679 г. он выслал посольство к гетману с копиями писем Х. Муравского и ханского везира Ахмет-аги, прося прислать в Сечь подкрепления для обороны от возможного нападения крымцев. Информирова Самойловича о приезде в Сечь С. Зарембы, И. Серко представлял его как малозначительный эпизод в политике Сечи. Запорожское посольство привезло в Батурин и письмо белоцерковского коменданта низовому Войску. В ответной грамоте гетман увещевал запорожцев прекратить сношения с польским королем [10. Ф. 229. Оп. 1. Д. 154. Л. 205–210, 221–227, 234–236, 260–263].

После встречи с крымцами в мае 1680 г. кошевой атаман вновь обратился к гетману Ивану Самойловичу, настойчиво прося его добиться присылки в Сечь русско-украинских отрядов на случай «наступления поганского». На этот раз в Батурин были высланы письма казакам от короля Яна III и С. Яблоновского. Безопасность Сечи со стороны Крыма была для И. Серко важнее, нежели тайна сношений с далекой Варшавой, тем более что перспективы их были, видимо, к тому времени не самыми радужными.

Пересылая эту информацию в Москву, Самойлович снабдил ее едким комментарием: «Извольте уведомитися, как их (запорожцев. – К.К.) ляхи [...] до себя привращают, что уж войска низового кошевого атамана Серка гетманом кошевым отитуловали, а устно чрез посланных его обнадживали и все войско, что имели Вашего Царского Пресветлого Величества великим и полномочным послом на сейме нынешнем и на комиссии блиско наступающей будучим, говорить, дабы их запорожцов, Вы, Великий Государь, належащих до своей монаршеской неприращал обороны» [10. Ф. 123. Оп. 1. Д. 60. Л. 483–487 об.]. В сентябре, уже после смерти кошевого атамана, Самойлович прислал в Москву выданные ему сечевыми казаками новые доказательства польско-запорожских контактов и среди них проезжую грамоту польского короля на Сечь П. Апостолу и проезжую грамоту тому же Апостолу для возвращения домой, выданную новым кошевым Иваном Стягаило 11/21 августа 1680 г. [10. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 24. Л. 1–5, 11, 14–22]. В последней говорилось: «Господин Павел Апостол по изволению наяснейшаго короля его милости когда к нам на Запороже для отведывания славного здешнего места в Низу Запорожском еще на весне приехал и с нами нынешнее лето на Запороже жил, добре узнав сущи на Запороже нашего повожения, по смерти ево милости господина Ивана Серка, яко добровольно к нам приехал, так добровольно в Польшу с некоторым охочим товариством нашим отпускаем ево» [10. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 24. Л. 14–15].

С. Яблоновский писал Серко 2/12 июня из-под Каменца-Подольского, что отпускает на Сечь служившего у него казака Ивана Запорожца из прошлогоднего казацкого посольства и пользуется оказией, чтобы пожелать «доброго здравия» войску низовому и кошевому атаману [10. Ф. 124. Оп. 1. 1680 г. Д. 24. Л. 21–22]. Прибывшее в сентябре в Москву посольство Запорожской Сечи видимо, с подачи И.С. Самойловича, связало контакты кошевого атамана с польским двором с намерением свергнуть гетмана и навести татар на города Слободских полков и Украины. Однако ничего нового, чтобы проливалось свет на обстоятельства развития запорожско-польских связей в 1679–1680 гг., посланцы не поведали. Так, например они заявили, что ничего не знают о содержании переговоров П. Апостола и И. Серко, которые велись кошевым в глубокой тайне [1. С. 222–223].

Как только информация о польско-запорожских контактах начала поступать в Москву, русское правительство немедленно начало предпринимать соответствующие действия на дипломатическом уровне. Уже 26 апреля/6 мая 1680 г. русские послы в Варшаве И.А. Прончищев и Е.И. Украинцев получили царскую грамоту с информацией, что кошевой атаман Иван Серко «послал к королевскому величеству посланцов своих, сына своего названного Ивана татарина с товарищи». В Посольском приказе предполагали, что казаки повезли в Речь Посполитую царскую грамоту в Крым за 1679 г. (видимо имелась в виду грамота ограбленного казаками русского посольства в Крым Б.А. Пазухина и Г. Долгово). Московские политики опасались, что она будет предъявлена Прончищеву и Украинцеву в опровержение русской официальной версии, что никаких мирных переговоров с Крымом и Портой Россия не ведет [10. Ф. 79. Оп. 1. Д. 196. Л. 43].

В апреле 1680 г. в Москву приехал посланец гетмана Иван Ильич Скоропадский, вернувшийся с русским гонцом из Крыма. В грамоте, присланной с ним, гетман обвинял Яна Собеского в антироссийских интригах в Крыму и Запорожской Сечи. Естественно, что Самойлович не жалел черных красок и для характерис-

тики деятельности Ивана Серко, своего многолетнего соперника, который якобы именно по «научению» польского короля, полученному через С. Зарембу, стремится заключить мир с Крымским ханством во вред интересам гетмана и царя [10. Ф. 123. Оп. 1. Д. 60. Л. 425об.–426].

На основе данной информации и других, полученных ранее сведений, из Москвы было отправлено «цифирное» (т.е. шифрованное) письмо, полученное русскими дипломатами в Варшаве 23 мая/2 июня. В нем сообщалось, что И. Серко «возбуждением королевского величества полского, которое послано к ним прошлые осени в его королевской информации с листом бывшего белоцерковского коменданта Семиона Саннонога, которой называется Сарембою, хотят чинить с ханом и со всем Крымом мир». Послам было велено проводить «на каковых статьях тот мир Серку с ханом чинить велено и для каких причин то с стороны королевского величества учало чинитца, и с чем серковы посланцы будут отпущены» [10. Ф. 79. Оп. 1. Д. 196. Л. 218об.–219].

В соответствии с полученными указаниями русские послы в Варшаве И.А. Прончищев и Е.И. Украинцев уже через несколько дней встретились с Иваном-татаринном, который, впрочем, поведал им, «что никакого королевского величества указу (о переговорах с Крымом. – К.К.) в Запороги к ним не присылывано, а была де от королевского величества присылка в Запороги в прошлом году, как турки близко Сечи строили городки новые, а присылал к ним по указу королевского величества белоцерковской комендант с его королевского величества грамотою и своим листом попа для проводывания, нет ли войску низовому от турецких новопостроенных городков какого утеснения, и войско де низовое, приняв у того попа королевского величества грамоту и комендантов лист, учинили раду и на той раде ту грамоту и лист чли, а в тож де время на той раде был от Вашего Царского Величества присланной Василей Перхуров и что на раде говорено, и то он слышал и к Великому Государю, к Вашему Царскому Величеству о том писал, а королевского величества грамоту и комендантов лист в то время [...] Иван Серко послал к гетману [...], а после того от королевского величества и от белоцерковского коменданта к низовому войску присылки не было, а с чем войско низовое того попа отпустили, того он не ведает». В конце разговора Иван-татарин заверил царских дипломатов, что король собирается отпустить его назад «в Запороги» вскоре после выезда послов из Варшавы [10. Ф. 79. Оп. 1. Д. 195. Л. 540–541]. Как видно приемный сын кошевого превратно истолковывал развитие польско-запорожских контактов, приуменьшая или скрывая от русских представителей невыгодные для себя их моменты. О запорожско-крымском мире, заключенном по польскому «статьям» послам, конечно же, не удалось ничего узнать, поскольку их просто не существовало.

Смерть Ивана Серко 1/11 августа 1680 г. вновь прервала польско-запорожские контакты почти на два года. Точку в них поставил отъезд из Сечи П. Апостола уже через десять дней после смерти кошевого. Последнее вместе с выдачей документов об этих контактах гетману свидетельствует о том, что ни новый кошевой Иван Стягаило, ни сечева старшина, ни «чернь» низового войска не были заинтересованы в их продолжении да и вряд ли были посвящены в детали отношений Ивана Серко с королевским двором.

Однако не отказался от своих политических амбиций другой активный участник этой истории – протопоп Семен Заремба. После смещения Ю. Хмельницкого с правобережного гетманства он стал строить планы стать гетманом под турецким протекторатом, намереваясь привлечь переселенцев с Левобережья в опустевшие города и местечки Правобережной Украины. В августе 1682 г. белоцерковский комендант сообщал, что Заремба даже имеет насчет этого некие «известия» от самой Порты и пытается наладить контакты с великим везирем. Он писал, что протопоп открыто говорил, что не сомневается в получении булавы и ему не страшен даже Едикуле (знаменитый Семибашенный замок, где находил-

ся в заключении Ю. Хмельницкий) и он ждет только прихода под Белую Церковь татарской орды, которая поможет ему утвердиться на гетманстве [12. S. 259–260, 263–265]. При этом одновременно белоцерковский протопоп активно контактировал с гетманом И. Самойловичем, способствуя разоблачению масштабной акции польского двора по организации антироссийских выступлений на Левобережной Украине, за что из Москвы ему даже было послано царское жалованье [16. С. 106–123].

Контакты С. Зарембы с Портой подтверждаются и другими источниками. Так, после изложения пунктов проекта привилея для низовых казаков, следует приписка Я. Гнинского о том, что С. Заремба наладил контакты через Х. Муравского с крымским ханом, а при посредстве последнего и якобы с самим великим везирем [13. Rps. S. 482]. В начале 1681 г. Я. Гнинский, сообщая польскому резиденту в Османской империи Самуэлю Проскому, что в Стамбул выехало посольство правобережного казачества, «prosząc о Hetmana z krwi swojej, iż z Hospodarza wołoskiego nie kontenci» («прося дать им гетмана своей крови, поскольку господарем молдавским (Георге Дуки. – К.К.) не удовлетворены»), рекомендовал ему быть начеку и постараться выведать, нет ли среди них «протопопа», посланцев которого Проский «выследил» в прошлом году. Гнинский отмечал, что резидент знаком с ним, поскольку в 1678 г. под Чигирином он приобрел у этого человека коня [14. Archiwum Publiczne Potockich. Rps. 47. T. 1. С. 106, 111] (здесь уместно напомнить, что сам Заремба упоминал о своей поездке под Чигирин в 1678 г.). А в июле того же года Гнинский сообщал Проскому, что король Ян доволен присылаемой им информацией, а также тем, что резидент сумел узнать о «махинациях» некоего «протопопа» в османской столице. Подканцлер отмечал, что предупреждения Проского поэтому поводу оправдались и подтверждаются сведениями, полученными королевским двором из других источников [13. Rps. 428. S. 22]. Думается, что анонимный протопоп это и есть Семен Заремба, пытавшийся добиться у Порты гетманской булавы.

Напоследок стоит сказать несколько слов о судьбе оставшегося при королевском дворе приемном сыне Ивана Серко. Где-то вскоре после его приезда было отдано распоряжение «одеть» сына кошевого, купив ему за казенный счет тонкого сукна на пару кунтушей (какого сам себе захочет цвета), атласа и китайки на два жупана [14. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. 3. Ks. 7. K. 479]. 10/20 марта 1680 г. папский нунций при польском дворе сообщал в Рим, что Иван-татарин получил тяжелое ранение «к большому огорчению королевского величества» [17. S. 208]. Это известие подтверждается и записью (от 7/17 марта) в счетах коронного скарба о покупке для «больного» Ивана-татарина матраца, одеяла и подушки [14. Archiwum Skarbu Koronnego. Dz. 3. Ks. 7. K. 453v.]. Однако Серко-младший выздоровел и провел при королевском дворе несколько лет.

В 1682 г. Ян Собеский использовал имя сына авторитетного в прошлом атамана, агитируя украинское казачество выступить против России [16. С. 108]. В 1683 г. Иван Серко-младший по всей видимости участвовал в знаменитом походе под Вену польского войска короля Яна Собеского. После завершения военной кампании Собеский вывел армию в Речь Посполитую, оставив ее небольшую часть на зимних квартирах в Закарпатье. Один из польских отрядов, в составе которого находились и казаки, заняв Унгвар (совр. Ужгород), оказался осажден в городе выступавшими на стороне турок многочисленными отрядами венгерских повстанцев. В ночь с 30 на 31 декабря 1683/9 на 10 января 1684 г. Иван-татарин, приемный сын знаменитого кошевого атамана, погиб при отражении очередного ожесточенного штурма [13. Teki Naruszewicza. Rps. 180. S. 41–42].

Еще более ста лет назад известный летописец запорожского казачества Дмитрий Эварницкий писал, что «запорожцы со времени смерти знаменитого кошевого атамана Сирка, в течение 15 лет, с 1680 по 1695, не совершили почти ни одного, кроме двух-трех походов, достойного истинных рыцарей подвига» [3. С. 161].

Это лишний раз подчеркивает то решающее значение, которое оказало предпринятое турками усовершенствование системы обороны низовьев Днепра на снижение боевых возможностей Запорожской Сечи. Отдавал себе в этом отчет и кошевой Иван Серко, что стало одной из причин его готовности вести переговоры о принятии протектората польского короля.

Заманчивые предложения гетманства, делавшиеся Серко Портой через посредство Хусейна Муравского в 1677 и возможно, в 1678 гг., на какое-то время поколебали кошевого. Однако, в конце концов, он отклонил их, также как и позицию союзного соглашения. Трудно сказать, сыграла ли в этом свою роль репутация непримиримого врага «бусурман» и боязнь утраты авторитета среди казаков, неудачный пример Петра Дорошенко или что-то еще. Вопрос турецко-запорожских контактов нуждается в дополнительном исследовании. В то же время этот эпизод биографии И. Серко подтверждает наличие у него политических амбиций, которым уже не отвечало положение кошевого атамана Запорожской Сечи. Это стало еще одним фактором установления польско-запорожских контактов в 1679 г. То, что поначалу Серко возлагал на них серьезные надежды, свидетельствует и факт, что в состав посольства к польскому королю он включил своего приемного сына. Нельзя, впрочем, сбрасывать со счетов и тот факт, что престарелый кошевой пошел на контакты с Варшавой, надеясь получить отдохновение от воинских трудов в виде такой синекеры, как гетман «с ласки» короля и Речи Посполитой над теми немногочисленными казаками, которые квартировали в Киевском Полесье.

В результате возник проект перехода в подданство польского короля и Речи Посполитой казаков Запорожской Сечи. Последние должны были стать своеобразным ядром автономного казачьего политического образования под верховной властью Речи Посполитой. В состав его предполагалось включить земли Правобережья (которые еще предстояло отвоевать у турок) и Левобережья (которое должно было отпасть от России). Уже само это показывает авантюристичность намечавшихся планов, которые впрочем, были вполне в духе «казацкой» дипломатии Яна Собеского. Но было и еще одно препятствие на пути их осуществления. Польская шляхта и католическая церковь на протяжении всего XVII в. встречала в штыки и менее радикальные проекты соглашений с казачеством, что делало нереальным воплощение в жизнь обсуждавшегося Гнинским и Зарембой проекта привилегия для запорожцев.

В любом случае, проект этот по понятным причинам не стал широко известен ни среди польской шляхты и сенаторов (что следует из решений генеральной рады), ни среди самих запорожцев. Хотя нам неизвестно, о чем вели переговоры И. Серко и П. Апостол весной и летом 1680 г., на основе косвенных данных мы можем заключить, что некие формальные обещания польской стороны добиваться восстановления своего влияния на Запорожье дипломатическими путями не удовлетворили кошевого. Попытки королевского двора прозондировать намерения гетмана И. Самойловича относительно перехода под власть польского короля и Речи Посполитой привели к вполне предсказуемой неудаче. Более того, гетман, получив сведения об «изменах» кошевого, не преминул воспользоваться ими, чтобы принизить значение своего политического конкурента в глазах Москвы. В итоге контакты с Варшавой обернулись для Ивана Серко незадолго до смерти не политическими выгодами, а дополнительными проблемами.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. *Соловьев С.М.* Сочинения. М., 1991. Кн. 7.
2. *Majewski W.* Sirko Iwan // Polski słownik biograficzny. Warszawa; Kraków, 1996. Т. 37.
3. *Яворницький Д.И.* История запорожских козаков. Киев, 1993. Т. 3.
4. *Kruczyński S.* Bej Barski. Szkic z dziejów tatarów polskich w XVII w. // Rocznik tatarski. Zamość, 1935. Т. 2.
5. *Woliński J.* Pośrednictwo tatarskie w wojnie polsko-tureckiej 1674–1675 // *Woliński J.* Z dziejów wojen polsko-tureckich. Warszawa, 1983.
6. Źródła do poselstwa Jana Gnińskiego, wojewody chełmińskiego do Turcji w latach 1677–1679 // Biblioteka Ordynacji Krasieńskich. Muzeum Konstantego Świdzińskiego. Warszawa, 1907. Т. 20–22.
7. *Perdenia J.* Hetman Piotr Doroszenko a Polska. Kraków, 2000.
8. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1884. Т. 13. 1677–1678 гг.
9. *Ананович О.М.* Запорозька Січ у боротьбі проти турецько-татарської агресії. Київ, 1961.
10. Российский государственный архив древних актов.
11. *Заруба В.М.* Українське козацьке військо в російсько-турецьких війнах останньої чверті XVII століття. Дніпропетровськ, 2003.
12. *Nagielski M.* Listy komendantów Białej Cerkwi Ottona Ernesta i Krzysztofa Rappe z lat 1681–1682 // *Studia historyczno-wojskowe.* 2006. Siedlce, 2007. Т. 1.
13. Biblioteka Czartoryskich w Krakowie.
14. Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie.
15. *Флоря Б.Н.* Войны Османской империи с государствами Восточной Европы (1672–1681 гг.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. М., 2001. Ч. 2.
16. *Кочегаров К.А.* Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
17. *Litterae nuntiorum apostolicorum historiam Ucrainae illustrantes (1550–1850).* Romae, 1969. Vol. 13. 1675–1683.

© 2011 г. Л.И. САЗОНОВА

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «РИФМОЛОГИОНА» СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

Придворный поэт Симеон Полоцкий сделал первые шаги на пути создания в русской литературе системы жанров, обслуживавших придворно-церемониальную практику. «Рифмологион» – собрание стихотворных текстов, тесно связанных с жизнью царского двора в период правления Алексея Михайловича и его сына Федора Алексеевича. В статье изучается комплекс текстологических проблем, связанных с историей создания «Рифмологиона», определяется жанровый состав вошедших в него произведений, круг адресатов. Вновь поднимается вопрос о полной форме мирского имени поэта.

The court poet Simeon Polotsky made the first attempt to introduce into the Russian literature a system of poetic genres for the court ceremonial practice. His «Rifmologion» is a book of panegyrics explicitly connected with the court of the Tsars Alexei Mikhailovich and Fedor Alekseevich. In the present article the author considers, how this collection came into being, the genre structure of the works, which were included into it, and the circle of the poet's addressees. The article discusses once again the problem of the full form of the secular name of the poet.

Ключевые слова: Симеон Полоцкий, придворная поэзия, рукопись «Рифмологиона», текстология.

Россия вступила в раннее Новое время, имея еще ярко выраженный средневековый облик, а вышла из него, обладая достаточно обширным жанровым репертуаром литературы новоевропейского типа. Эта эпоха в русской культуре стала прорывом в мир новых литературных форм [1]. Ведущим защитником и представителем культурных и эстетических инициатив, которые в равной мере и привлекали московскую элиту, и вызвали ее недоверие в период, непосредственно предшествующий правлению Петра Великого, стал Симеон Полоцкий (Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович, XII.1629–25.VIII.1680) – одна из редких фигур в истории культуры, объединившая в своей творческой судьбе все ветви восточного славянства.

Белорус по рождению, Симеон получил образование в высших учебных заведениях Речи Посполитой: в православной Киево-Могилянской коллегии, прошедшей через реформы 1630-х годов, проведенные митрополитом Петром Могилой, а затем, по всей вероятности, продолжил обучение в Виленской иезуитской академии. По окончании курса наук вернулся на родину и принял в 1656 г. в православном Полоцком Богоявленском монастыре монашество с именем Симеон, к которому добавилось в Москве, где и развернулась его многогранная творческая деятельность, определительное прозвище «Полоцкий» – по месту его рождения.

Сазонова Лидия Ивановна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

Симеон Полоцкий стал первым в России и придворным, и профессиональным поэтом.

Вначале, однако, несколько слов о мирском имени, отчестве и фамилии монаха Симеона. Регулярно повторяющиеся ошибки при их передаче вызывают необходимость еще раз обратить внимание на этот вопрос. В авторитетном справочном издании – «Словарь книжников и книжности Древней Руси» в статье «Симеон Полоцкий» зафиксирована следующая форма полного имени писателя: «Самуил (Емельянович?) Петровский Ситнианович» [2. С. 362]. Сразу отметим, что отчество, переданное под вопросом, просто неверно, а вторая часть фамилии приведена с ошибкой. В настоящее время именно данная словарная статья стала источником постоянного повторения ошибок, отразившихся, в частности, и в серьезных научных исследованиях [3. С. 659], и в научно-информационном издании – Каталоге выставки к 325-летию основания Славяно-греко-латинской академии, подготовленном Гос. Историческим музеем [4. С. 22]. В научной литературе встречаются разночтения, касающиеся как отчества писателя (Емельянович или Гаврилович), так и его фамилии (Петровский/Пиотровский – Ситнианович/Ситнянович); ошибки и опечатки в имени Симеона Полоцкого отмечены в работе [5. С. 134–137]. Неверная форма «Ситнианович» происходит от неправильной транскрипции польского написания этой части фамилии: Sitnianowicz. Поскольку в польском правописании буква *i* в позиции после согласного перед гласным не обозначает никакого звука, а служит графическим знаком, указывающим на мягкость предшествующего согласного, эту часть фамилии следует передавать в форме «Ситнянович» (с ударением на предпоследнем слоге на -ович, как это характерно для белорусско-украинско-польских фамилий). Не обращалось должного внимания на прижизненные документы XVII в. (рукописи, письма), где фамилия Симеона воспроизведена правильно: Ситнянович (см., например, рукопись «Венца вера» [6. Л. 1], надпись на надгробной плите в Заиконоспасском монастыре). Обнаруженное в актовой книге Полоцкого магистрата за 1656–1657 гг. завещание матери Симеона Полоцкого Татьяны Шеремет от 8 июля 1657 г. («Тестамент Татьяны Яковлевны Шереметовое...») позволило документально подтвердить его отчество – Гаврилович: отца поэта звали Габриэль (Гавриил) Ситнянович-Петровский [7. С. 37–47]. Подтвердилось и ранее высказанное предположение о наличии у Симеона отчима [5. С. 137], его звали, как следует из завещания, Емельян Шеремет. Таким образом, полное имя поэта можно считать документально установленным: Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович.

С появлением Симеона Полоцкого в Москве силлабическое стихотворство получило статус регулярной книжной поэзии и вошло в быт царского двора и столицы как явление новой, европейской культуры. Он оставил обширное литературное наследие, которое введено в научный оборот далеко не полностью. До сих пор в рукописях встречаются ранее неизвестные его произведения (см., например, [1. С. 462–482, 708–745; 8. С. 233–244]).

В 2000 г. завершилось первое полное научно-критическое издание (в трех томах) грандиозной стихотворной книги Симеона «Вертоград многоцветный» (1678–1680) [9]. Оно осуществлено на основе фундаментального исследования творческой истории произведения от первоначального варианта в автографе через промежуточный список к окончательной редакции в парадной рукописи, поднесенной царю Федору Алексеевичу. С публикацией полного корпуса «Вертограда многоцветного» открываются новые перспективы для дальнейшего изучения источников текста, языка поэта, поэтики литературы раннего Нового времени.

Если «Вертоград многоцветный» состоит по преимуществу из дидактических стихотворений, являющихся парафразами новолатинских гомилетических текстов (см. «Commentary» в издании «Вертограда многоцветного» [9]), то «Рифмологион» – это книга придворно-церемониальной поэзии, связанная с разными событиями в жизни московского двора. Поэт ввел обычай украшать панегирическими произведениями важнейшие государственные, светские и церковные праздники. Придворная поэзия в той форме, в какой предложил ее царю впервые Симеон Полоцкий, была известна европейским литературам Возрождения и барокко, но в России представляла собой явление небывалое. Этот огромный стихотворный компендиум не был издан полностью, из него опубликованы лишь отдельные произведения. Поэтому очередная задача – осуществить (вслед за «Вертоградом многоцветным») научно-критическое издание последнего стихотворного труда Симеона Полоцкого.

Книга придворно-церемониальной поэзии «Рифмологион» дошла в единственном списке, с правкой и пометами самого автора и Сильвестра Медведева. Эта рукопись (в 2°, на 654 листах), написанная полууставом (краткое ее описание см. [10. С. 113]), семью чередующимися почерками (как и промежуточная рукопись «Вертограда многоцветного» – ГИМ, Синодальное собр. № 288, см. [11. С. 42. Прим. 1]), хранится в Государственном Историческом музее (Москва) в собрании Синодальной (Патриаршей) библиотеки под № 287 (ссылки на листы рукописи указываются в тексте в скобках). Заглавие сообщает в пространной манере о содержании книги, ее предназначении, адресате, авторе, истории и дате создания: «Рифмологион, или Стихослов, содержай в себѣ стихи, равномѣрно и красоугласно сложенныя, различным нуждам приличныя. В славу и честь Бога в Троицѣ единого, Пречистыя Божия Матере, святых угодников Господних. В полу юных и старых, духовных и мирских различных санов. Купно во утѣху и умиление, в благодарствие, похвалу и привѣт и прочая. Божию помощию трудолюбием многогрѣшнаго во иеромонасѣх Симеона Полоцкаго, в различная лѣта и времена сложенныя, потом же в едино собрание сочтенныя. В лѣто от создания мира 7187. От Рождества Бога во плоти 1678».

И.П. Еремин полагал, что «в рукописи ошибочно написано: 1678 вместо 1679 г.» [12. С. 263]. На отсутствие ошибки в дате справедливо указал В.П. Гребенюк, полагая, что «“Рифмологион” был начат Симеоном в последней трети 1678 г.», так как при существовавшем сентябрьском летосчислении в данном случае «разница между хронологией от сотворения мира до рождества Христова в 5509 лет» (см. [13. С. 262]). Действительно, если от 7187 отнять 5509, то получится 1678. И.П. Еремин основным аргументом в пользу своей датировки считал следующее: в «Предисловии» к «Рифмологиону» Симеон Полоцкий сообщает, что начал работу над книгой, когда ему исполнилось 50 лет: «Днесъ бо точию лѣто совершаю, / еже писменем наш <50> право считаю» (л. 6). Следовательно, если известно, что Симеон родился в 1629 г., то 50 лет ему исполнилось в 1679 г. (см. [12. С. 263. Прим. 1]). Эту дату В.П. Гребенюк не подверг сомнению. Полагаю, что датировка «Рифмологиона» 1678 годом не противоречит и 50-летнему юбилею Симеона, напротив, она даже дает нам указание на возможную дату рождения Симеона: это период в четыре месяца – сентябрь–декабрь 1629 г., который соответствует 7137 г. от сотворения мира. Если к 7137 прибавить 50, то мы получим 7187. Следовательно, 50 лет Симеону исполнилось скорее всего в первый месяц зимы 1678 г., доказательством чего может служить надпись на надгробной плите в Заиконоспасском монастыре: «Лѣта 7188 августа в 25 день преставися иеромонах честный Симеон Петровский Ситняновичъ Полоцкий жития своего 51-го лѣта в 9 мѣсяцѣ». Таким образом, несомненно, что Симеон родился в декабре.

В «Предисловии» к «Рифмологиону» поэт признается, что он, как рачительный хозяин, собрал написанное им за годы придворной службы в единую книгу в надежде использовать в будущем готовые тексты при создании очередного приветствия: «Особно сия книга есть списанна, / не во едино лѣто начертана. / В различных лѣтѣх многи нужды быша, / яже ми сия писати бѣдиша, / Яже в старости могут в ползу быти, / егда не лѣтъ ми будет ся трудити. / От труд готовых мощно будет взяти, / аще ми даст Бог старости дождати» (л. 6). Именно как «службу» поэт осознавал род своих занятий. Приветствуя восшествие на престол царя Федора Алексеевича, он включил в «Гусль доброгласную» (1676) 24 приветствия – по одному на каждый час: «на всяк час готов ти служити».

Круг датированных текстов, вошедших в «Рифмологион», охватывает период с 1659 г. до 1680 г. Самое раннее из вошедших в книгу произведений – «Стиси красогласнии, сложеннии во стрѣтение иконы пресвятыя Богородицы из царствующаго града Москвы в Полоцк...», произнесенные 1 апреля 1659 г. «отроками» училища Полоцкого Богоявленского монастыря (л. 335–338), первоначально записанные в авторской рукописи «Вертограда многоцветного», однако не вошедшие в его окончательный текст (опубликовано: [9. Vol. 3. P. 544–549]). Симеон перенес их в «Рифмологион». К 1680 г. относятся стихи из цикла «на Воскресение Христово к Государыням Царевнам»: «глаголаны Великому Государю в церкви преподобномученицы Евдокии рп̄и г<ода>» (л. 230); «Стиси красогласнии» в похвалу царевича Иоасафа, которые, как удостоверяет помета Сильвестра Медведева, «глаголанны в селѣ Измайловѣ в церкви Иоасафа, что у великаго Государя на дворѣ, при нем великом Государѣ тоя церкви при посвѣщении в лѣто зрп̄и (=1680)» (л. 649об.).

Почти всю первую половину рукописи занимают обширные стихотворные циклы приветствий на Рождество и на Пасху (л. 1–287об.). Далее (л. 291–654 об.) помещены отдельные стихи и развернутые стихотворные композиции по случаю других церковных праздников и Нового года, также адресованные членам царской семьи, придворной аристократии и церковным иерархам. В «Рифмологион» вошли пять «книжиц», приуроченных к знаменательным событиям в жизни царской семьи: 23 апреля 1665 г. поэт сочинил «Благоприветствование» на рождение царевича Симеона (л. 429–434об.); по случаю официального провозглашения наследником престола Алексея Алексеевича, состоявшегося 1 сентября 1667 г., поднес царю поэму «Орел Российский» (л. 437–465об.); кончину царицы Марии Ильиничны почтил траурной «книжицей» «Трены, или Плачи» (1669), врученной государю «ради утоления печали сердца» (л. 467–515об.); на смерть царя Алексея Михайловича (1676) создал поэму «Глас последний» (л. 517–558); царя Федора Алексеевича приветствовал в день венчания на царство 18 июня 1676 г. «Гуслью доброгласной» (л. 559–591об.).

Наряду с произведениями, запечатлевшими конкретные исторические события, есть в «Рифмологионе» стихотворения, назначение которых – обслуживать различные церемониальные ситуации, такие, как: первое представление «отрока» царю (л. 639–639об.), приход архиерея в дом другого архиерея (л. 317об.–319), «Целование господина из пути пришедшаго от его домочадец» (л. 319–321об.), встреча сыном вернувшегося домой отца (л. 419), приветствие гостям «в дому господина своего», а также «к гостю, в дом пришедшу, целование от сына» (л. 640), «отрок, чашу поднося, глаголет к гостем сице» – четыре стихотворения (л. 324–324об.) и другие.

В «Рифмологион» вошли также пьесы «Комидия притчи о блуднѣм сынѣ» и «Трагедия о Навходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о триех отроцѣх, в печи не со-

женных» (л. 603об.–625), написанные в 1673–1678 гг. для придворного театра царя Алексея Михайловича, однако сведений об их постановке не имеется (политное описание содержания рукописи «Рифмологиона» см. [13. С. 259–308]).

В большинстве произведений «Рифмологиона» в центре внимания Симеона – царская семья: Алексей Михайлович, его жены – Мария Ильинична Милославская и Наталья Кирилловна Нарышкина, наследники престола – царицы Алексей и Федор, ставший в 1676 г. царем, дочери – Евдокия, Марфа, Екатерина, Мария, Феодосия, Софья, сестры царя – Ирина Михайловна, Татьяна Михайловна и Анна Михайловна.

Забываясь о внедрении стихотворной культуры в быт царского двора, поэт писал иногда стихи от лица членов царской фамилии, как, например, приветствие из цикла «На Рождество Христово», адресованное сыном царя «родителю»: «сыновним сердцем ти желаю...»; помета в рукописи свидетельствует: «Сей стих глаголася к Государю Царю Алексею Михаловичю от Государя Царевича Алексея Алексеевича» (л. 44), «Стихи на Рождество Христово к Государыни Царице, от Государя Царевича» (л. 55).

Кроме царской фамилии, поэт обращался со своими стихотворными посланиями к наиболее влиятельным представителям придворной аристократии и государственным сановникам. Среди них – боярин и оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово (1615/16–1680); князь, знаменитый московский боярин, «великий воевода» Георгий (Юрий) Алексеевич Долгоруков (ум. 1682); стольник и «стряпчий с ключем» Михаил Тимофеевич Лихачев (ум. 1707). Принадлежавшие к самым верхам общества, «столпы» государства, они были людьми одного направления, ориентированными на модернизацию страны в целом, заведовали ведущими отраслями государственной деятельности, обладали военными, дипломатическими и административными талантами, руководили приказами (прообразы министерств), являлись участниками важнейших придворных и церковных церемоний. Царь доверял им управление самыми ответственными сферами государственной жизни – вооружение армии, иностранные и юридические дела. В их ведении находились финансы, закупка вооружения, печатание денег. Своим положением при дворе они обязаны не только государевой милости, но и, безусловно, своим талантам. Это были люди из ближнего круга государя, его единомышленники и сподвижники. Как и царя Алексея Михайловича, так и унаследовавшего трон Федора Алексеевича, их отличает чувство нового. Способные оценить новые виды творчества, готовые прочитать или выслушать стихи, они стали основными потребителями новой литературной культуры.

С некоторыми из представителей придворной аристократии поэт был связан личными отношениями. Особенно теплые чувства он испытывал к своему влиятельному покровителю Б.М. Хитрово, в дом которого, судя по стихам, был вхож. Симеон был связан с ним и через его двоюродного брата, возглавлявшего Приказ тайных дел Федора Ртищева, в доме которого принимал участие в богословских диспутах. Поэт посвятил Б.М. Хитрово несколько приветствий на разные случаи: «На новое лѣто здравствование» (л. 377об.), стихи в день Иова праведного – святого, соименного Богдану (Иову) Матвеевичу Хитрово; поздравления «На именины» и «На Рождество Христово», представленные в изысканной манере с чередованием двустиший на «славенском», польском и латинском языках (л. 416–417). Писал он и для членов семьи Б.М. Хитрово, в уста его «внучка» вложил стихотворные строки, которые тот произнес на Пасху: «Богдан Матфеевич, дедушко мой драгий...» (л. 241) – это единственное стихотворение в цикле на Воскресение Христово, предназначенное для особы не царского рода.

Другой покровитель Симеона – Михаил Тимофеевич Лихачев, пользовавшийся особым расположением царя Федора Алексеевича. Поэт называет его «Ближайший предстоятелю пресветлаго царскаго величества, а мне зѣло милостивый

благодетелю» (л. 398) и в знак благодарности почтил сановника поднесением ему свадебного приветствия «о поятии супруги вторья» (1680). Не мог обойти он своим вниманием и князя Георгия (Юрия) Алексеевича Долгорукова, особу, наиболее приближенную к царю Алексею Михайловичу. По случаю кончины его брата, князя, стольника, окольничего Дмитрия Алексеевича (ум. 19 марта 1671 г.), женатого первым браком на сестре царицы Марии Ильиничны, поэт написал «Утешение», возможно, по заказу родственников покойного, называющих Г.А. Долгорукова своим «благодетелем»: «Нынѣ всѣм домом сироты с вдовицы / возносим руцѣ к небеснѣй царицы... / А твоя милость нынѣ к нам явленна / молим, да будет всегда неизменна» (л. 316–317).

Представление о круге адресатов Симеона расширяется благодаря пометам на полях рукописи «Рифмологиона». Из них следует, например, что «Приветство на день святых апостол Петра и Павла» обращено, как свидетельствует собственноручная запись автора, к церковному иерарху – «К преосвященному Павлу, митрополиту Сарскому и Подонскому» (ум. 1675), с которым у автора были самые тесные дружеские отношения. «Приветство в день собора святого Иоанна Предтеча (sic!)» адресовано «болярину Иоанну Михайловичу Милославскому декемврия в 7 день» (ум. 1685) – родственнику царя Алексея Михайловича по линии его первой жены Марии Ильиничны Милославской, игравшему видную роль в правительстве при царе Федоре Алексеевиче.

Без литературного подарка не остался и еще один представитель рода Хитрово – Иван Севастьянович Большой (1624–1697), получивший при Федоре Алексеевиче высокий придворный чин окольничего. Помета Сильвестра Медведева, сопровождающая «Стиси привѣстнии. Сын к отцу, из пути пришедшу», удостоверяет: «Сей стих глаголася к государю Иоанну Савостияновичю от сына его Авраама Иоановича, когда возвратися с пути в дом свой» (л. 419). Для сына одного из царских лекарей Стефана фон Гадена Симеон написал стихотворение, с которым тот обратился к «Государыням Царевнам и Великим Княжнам», на внешнем поле рукописи имеется собственноручная помета автора: «Глаголаше сия Гавриил Стефанов сын докторов» (л. 358об.).

Первые лица государства заказывали Симеону составление стихотворных поздравлений, с которыми они представляли перед царем. В «Рифмологионе» помещено тезоименное приветствие «князю Феодору Юрьевичу Ромодановскому, с хлѣбом ко Государю Царю приходящу» (л. 380), написанное на день памяти святого Федора Стратилата, небесного патрона и царя Федора, и князя Ромодановского (ок. 1640–1717).

Посвящения стихов «Рифмологиона» характеризуют круг общения поэта: в основном это люди, занимавшие высокие государственные и придворные должности, церковные иерархи, в покровительстве которых он был заинтересован, а они, в свою очередь, были ценителями его стихотворного таланта.

Примечательно, что в «Рифмологионе» среди приветствий церковным иерархам отсутствуют, однако, стихи, содержащие упоминания патриарха Никона по имени. Поэт, как известно, неоднократно посвящал ему панегирические строки – в Полоцких и витебских «Метрах», в стихах 1656 г. «на счастливое возвращение царя из-под Риги», в приветствии 1657 г. Каллисту, епископу Полоцкому и Витебскому [14. Р. 167–170, 175–177]. Не вошли в «Рифмологион» и «Стихи сложные и меротворныя на благоденственное пришествие пресветлаго, благочестивейшаго, кротчайшаго и самодержавнейшаго царя [...] Алексиа Михайловича [...] во Святоезерский монастырь» (1660) – так называемые Иверские декламации (опубликовано: [15. С. 61–88]), хотя они соответствовали стилю придворно-церемониальной панегирической поэзии стихотворной книги. В момент составления «Рифмологиона» еще были свежи воспоминания о суде над Никоном и о его ссылке, в декламациях же прославлялось дело его рук – Иверский монастырь, и наряду с членами царской семьи провозглашалась здравица: «Да живет

святѣйший Никон патриарх / овец Христовых пастырь иерарх!». Такова главная причина, по которой эти декламации и другие стихи, посвященные Никону, оказались вне «Рифмологиона».

На страницах этой стихотворной книги воссоздан облик придворной культуры в тот момент ее развития, когда усложняющийся и обновляющийся церемониал получил литературное обрамление. Введенная Симеоном Полоцким на русский Парнас XVII в. разветвленная система жанров окказиональной поэзии стала неотъемлемой частью придворного церемониала с его пристрастием к пышным и репрезентативным формам.

Созданный с типично барочным размахом «Рифмологион» репрезентирует многообразие жанров придворно-церемониальной и окказиональной поэзии, известных риторике и поэтике того времени: эпиталама – приветствие по случаю бракосочетания; генетликаон – произведение, воспевающее новорожденного с предсказанием его судьбы и астрологическими мотивами; трен, эпицидион – элегическая, погребальная поэзия; эпитафион – надгробная надпись; *carmen echiicum* – эхо; афьеросис – посвящение; стихи с использованием эмблематики; елогион – построение, заключающее концепты; эвхаристирион – выражение признательности; энкомион – похвала; тезоименное приветствие и др. Разнообразные жанры панегирической поэзии обозначались в русской традиции того времени также терминами «приветство», «похвала», «стиси приветнии», «благоприветствование», «благодарствие усердное». Заглавие включало обычно имя адресата и указание на событие, послужившее поводом к написанию.

Симеон Полоцкий сделал первые шаги на пути создания системы стихотворных жанров, обслуживавших придворно-церемониальную практику. «Рифмологион» открывается стихами, адресованными царю по случаю Рождества, они исходят от лица «Государя Царевича», «От служащих», «От раб». Адресат следующей группы стихов – царица, ей посвящены приветствия «От Государя Царевича» и «От служащего». Затем следуют поздравления «К Государю Царевичу» и «К Государине Царевне» («От Государя Царевича», «От раба», «От старицы»), потом – «К Государыням Царевнам». Есть стихи «От Государя Царевича к тетушке». Стихотворные поздравления с праздником Рождества адресованы также «К архиерею», «К иерею», «К монахом», «От внука к дедушке», «К родителем», «К родителю», «Сын к отцу», «К стрью», «К благодетелю», «К сроднику», «Боярыни». И, наконец, завершается раздел «Стихами общими», они не имели индивидуального адресата и предназначались, как следует из заглавия, для всех и для каждого – независимо от социального положения. Таким образом, содержание «Рифмологиона» мыслилось не только как линейно разворачивающееся вслед праздникам церковного календаря (Рождество, Пасха и т.д.). Произведение предстает также как четко расчлененное пространство, в котором по своим местам расставлены в соответствии с придворной иерархией приветствия разным адресатам. Риторическая схема коммуникативных ситуаций, представленная с наиболее полной парадигматичностью в первом разделе стихотворной книги, повторяется и в дальнейшем, варьируясь от одного тематического цикла к другому.

При внешней разграниченности разделов стихи в «Рифмологионе» целиком или их фрагменты преодолевают границы, свободно передвигаются внутри сборника. Произведение понимается не столько как текст, сколько как целое, как объем, в который, воспользуемся выражением А.В. Михайлова, «текст вкладывается и текстом заполняется» [16. С. 657]. Наглядное выражение материально-осязаемого представления поэта о произведении как объеме можно видеть, например, в том обстоятельстве, что рукопись «Рифмологиона» переплетена с пустыми листами, оставленными при каждом разделе для возможного дополнения новыми стихами.

Одно и то же стихотворение в «Рифмологионе» можно повторить дважды: посвящаемое разным лицам, оно помещалось соответственно в разных разделах.

Одинаковые стихи различаются иногда только концовкой, учитывающей смену адресата. Так, стихотворный блок из 16 строк «Бог всемогущий днесь в мирѣ явися» в разделе «Государю Царевичу» увенчивает формула: «А празденством свѣтлым поздравляю / и слѣд твоих стоп любезно лобзаю» (л. 73). В приветствии же из «Стихов общих» поэт ограничился «поклоном» неизвестному: «Празденством свѣтлым вѣрнѣ поздравляю, / поклоном низким должну честь воздаю» (л. 162).

Прием составления новых стихов из ранее написанных текстов поэт использует неоднократно: стихотворение разбивается на несколько частей, каждая из которых после дописывания некоторых строк превращается в отдельное самостоятельное произведение. Из одного приветствия возникают два или даже три [13. С. 273–276]. Поэт как бы играет с текстом, свободно перемещая его, словно кубики, в пространстве сборника и вдвигая в свободные объемы произведения: так, стихотворение «Велию радость свѣтло провѣщаю», посвященное «Государю Царевичу» (л. 68об.–69), послужило источником для двух других, помещенных в разделе «Стихи общие». В одном из них использованы первые 22 строки исходного текста (л. 159–159об.), а в стихотворении «Бог днесь волею человекъ бывает» взяты следующие 14 строк (л. 159об.).

Создание стихов из готовых блоков, которое может быть проиллюстрировано множеством примеров, носит у Симеона характер творческого принципа, связанного с отношением автора к своему тексту как образцу. Так, в рождественском цикле «Рифмологиона» совпадают стихотворные блоки в разделах «Ко Государю Царю» и «Стихах общих»: «Бог всемогущий на земли явися» – 16 строк (л. 18об., 150); «Земля во небо нынѣ премѣнися» – 6 строк (л. 19, 150об.); «Вся исполняя Господь превеликий» – 8 строк (л. 19об., 150об.–151); «Кто видѣ любовь толико велику» – 13 строк (л. 19об., 151); «Корень Ессеов нынѣ прозябает» – 16 строк (л. 20об., 152); «Рай, заключенный древле во Едемѣ» – 14 строк (л. 21, 152); «Пустыня міра сего есть безводна» – 12 строк (л. 22, 153); «Радости исполнь весь мир днесь бывает» – 18 строк (л. 22–22об., 153); «Бог невидимый днесь Ся нам являет» – 24 строки (л. 22об.–23, 153об.–153об.); «Бог Господь в мирѣ нынѣ проявися» (л. 70об.–71, 160об.) и т.д.

Можно привести десятки подобных примеров также из других циклов. Среди стихов на Воскресение Христова общие стихотворные блоки, прославляющие праздник Пасхи, отмечаются в приветствиях царевичу и архиерею, различаются лишь части, содержащие обращение к адресату: «Красная весна днесь ся начинает» – 25 общих строк (л. 223, 231об.); «Царя всѣх царей Сын днесь торжествует» – 18 строк (л. 223об., 232); «Радость всемирна вѣрным днесь сияет» – 22 строки (л. 223об.–224, 232об.–233); «Пасха днесь миру, Пасха пресвятая» – 18 строк (л. 224–224об., 233–233об.); «Торжество торжеств нынѣ совершаем» 14 строк (л. 225, 234); «Радость миру днесь сияет» – 23 строки (л. 225об., 234об.); «Красная весна днесь мир просвѣщает» – 32 (л. 225об.–226, 235). На полях рукописи «Рифмологиона» есть карандашные пометы, свидетельствующие, что повторяемость стихотворных блоков была замечена уже, по-видимому, при описании рукописи А.В. Горским и К.И. Невоструевым.

К «миграции» более всего предрасположена первая часть приветствия, посвященная описанию праздника, она использовалась поэтом в разных контекстах – в поздравлениях царю, патриарху и всем вообще. Изменению подвергались обычно вторая и третья части, содержащие похвалы и обращение к адресату, и, как правило, авторскую просьбу о покровительстве. Совпадающие строки в стихах разным лицам могут составлять половину объема всего текста или больше. К примеру, в стихотворении «Преславный Господь и Бог превеликий» из раздела «К Государю Царю от служащих» (л. 31об.) 24 строки из 48 повторяются в стихотворении «Пресущный Господь и Бог превеликий» (из раздела «Стихи общии»), состоящем из 34 строк (л. 139об.).

Приличествующая случаю торжественность и монументальность достигаются иногда более подробным описанием праздника, как, например, в стихотворении «Князь міра в мірѣ ныне ся раждает» из раздела «Государю Царевичу». Здесь, кроме 10 строк, совпадающих с текстом из «Стихов общих» (л. 149), содержатся еще 34 строки, в которых поэт развивает библейский сюжет об Адаме и Еве, шлет благие пожелания адресату и не забывает напомнить о себе: «Прося усердно изволь мя щадити, / хотяща вѣрно всегда ти служити» (л. 76). В «Стихах общих» оригинальная часть – 10 строк.

Чаще с целью репрезентации расширяется панегирическая часть. В стихотворении «Красная весна нынѣ нам сияет» центр тяжести смещен в ее сторону. Описание праздника, составляющее 16 строк одинакового текста в разделах «Царевичу» и в «Стихах общих», переходит в приветствии высокому адресату в пространное славословие (38 строк), наполненное образами космического ряда: «Царевич от свѣта отца свѣт произведенный», как новоявленному солнцу ему предстоит пройти путь через «небесный зодий» (л. 66об.); в стихах же «общих» концовка (8 строк) написана без «украшений» (л. 158–158об.).

К слову сказать, из стихотворения в стихотворение переходят и полюбившиеся поэту выражения, формулы приветствий, часто оказываются одинаковыми зачины (первые строки) стихов. Как поэт-ритор Симеон, выработав однажды идеально точную, на его взгляд, формулу, повторял ее. Профессиональный проповедник-начетчик, он знал цену обретенного слова. Особое внимание поэта привлекают гиперболические выражения, при помощи которых в стихах создается атмосфера торжественности и триумфальности. По случаю второго брака царя Алексея Михайловича Симеон желает:

Вся преблагая на премнога лѣта,
донде же солнце не лишится свѣта (л. 405об.).

В приветствии «К Государю Царевичу на именины» он повторяет:

Но в земном прежде царствуй многа лѣта,
донде же солнце не лишится свѣта (л. 372).

В первой московской декламации (1660) поэт обращался к Алексею Михайловичу с пожеланием:

Царствуй, пресилен, преславен повсюду,
гдѣ солнца запад и встает откуду! (л. 373об.).

В приветствии к его сыну – царевичу Алексею Симеон обещает:

он (Бог. – Л.С.) же изволит тебе величати
Честию в мірѣ, силою повсюду,
гдѣ солнца запад и встанет откуду! (л. 394об.).

Поэт повторял строки, осознавая их, по-видимому, как такие формулы, которые не требуют изменений и не могут быть поэтически превзойдены никакой вариацией.

В многосоставных композициях, какими являются упомянутые «книжицы», поэзия превращена в изощренную, преисполненную блеска игру. Поэт превращает читателя в зрителя. Подчеркнутая зримость, зрелищность поэтического текста создается использованием графических и живописных эффектов, цветного письма, эмблем, геральдики, знаков зодиака, введением разнообразных форм искусственной поэзии (*poesis artificiosa, carmina curiosa*) – акrostихи, анаграммы, лабиринты. В поздравление царю Алексею Михайловичу по случаю рождения и крещения царевича Симеона («Благоприветствование») поэт-тезка вписал стихотворение в форму «трисоставного» (шестиконечного) креста (л. 430об.), а в «Гусли доброгласной» конфигурация строк образует восьмиконечный крест (л. 562об.). В рукописи «Рифмологиона» эти во весь лист фигурные изображения киноварью выполняют функцию отнюдь не только декоративную. В первом панегирике обрядово-церемониальное стихотворение раскрывает символику сакрального знака в системе значений, приличествующих торжественно отмечаемо-

му событию – крещению царственного младенца; в продолжение всей его жизни крест – «хранитель и пособитель» – будет служить спасению души. В «Гусли доброгласной» поэт вручает крест царю как христианскому государю, защитнику православия, благословляя на борьбу с варварами: именно в год восшествия Федора Алексеевича на престол началась русско-турецкая война.

Поздравляя царя Алексея Михайловича с рождением сына, поэт перевел метафору в графическую форму, нарисовав стихотворными строками восьмиконечную звезду. У истоков ее лучей – акrostих с именем новорожденного царевича «Сумеонъ», на что поэт обратил внимание читателя в подписи к графеме «...в ней же (звезде. – Л.С.) Сумеонъ краегранествует, / ему да нѣбо всѣх благ привѣтствует», а художник выделил акrostих киноварью и более крупным написанием (л. 432). Символическая графема наглядно запечатлела и зримо выразила смысл текста, где проведена аналогия между рождением царевича и Христа. Подобно Вифлеемской звезде, явившейся миру в знак рождения Спасителя и указавшей волхвам путь к святому младенцу, стихотворение-звезда оповещает Вселенную о появлении на свет царского сына, который идентифицируется со светом и типологически с Христом – светом мира. Перед нами интересный пример включения евангельского сюжета в барочную оправу символической графемы.

В великолепной эмблеме из «Орла Российского» извивающиеся стихотворные строки панегирического приветствия царю и членам царской семьи складываются в рисунок сердца, заполняя все его пространство. Изображение и стихотворение-подпись слиты воедино. Графеме сопутствует девиз-цитата из Евангелия «От избытка сердца уста глаголют» (Лк 6:45). Исполненное радостного энтузиазма сердце вещает от первого лица. В этой же поэме рисунок зодиакального круга с условными символами знаков зодиака организует семантическое пространство приветствия царевичу Алексею Алексеевичу, объявленного наследником престола: как «новоявленному Солнцу Российскому» ему предстоит пройти вдоль годового течения солнца через созвездия – «путь многозвѣрный», «дванадесать в нем ся обрѣтают звѣрие» (л. 439–465).

Траурная поэма «Трены, или Плачи», написанная Симеоном Полоцким по случаю кончины царицы Марии Ильиничны Милославской завершается циклом из девяти эмблем. В рукописи «Рифмологиона» этот цикл представлен лишь словесным текстом, расположение девизов и подписей ясно свидетельствует об авторском замысле ввести предполагаемые рисунки, для них предусмотрено свободное место между девизом и подписью (л. 511об.–515).

«Книжицы» включают графическую фигуру «лабиринт», или, по определению Симеона, «скрижаль многопутную» [17. Л. 56]. Проходящая через лабиринт многократно прочитываемая сакраментальная фраза – заздравная («Многа лѣта Симеону», «Царствуй многа лѣта»), выделенная киноварью в «Благоприветствовании» (л. 431об.), «Орле Российском» (л. 433об.), «Гусли доброгласной» (л. 567), или траурно-скорбная («Царю Алексею Михайловичю вѣчная память»), написанная чернилами в «Гласе последнем» (л. 557), – получает благодаря повтору многократное эмоциональное усиление.

Все пять «книжиц», включенные в «Рифмологион», существовали ранее в виде отдельных великолепно оформленных рукописей, поднесенных членам царской семьи. Изготовлению этих роскошных манускриптов, предназначавшихся для двора и читавшихся в «Верху» – в Кремле, предшествовало составление детального плана («Чина») их оформления. Для достижения качества репрезентативности предусматривалось сотворчество поэта и художника. Сохранились редкие свидетельства работы самого автора над созданием подношной «книжицы». Тексту поэмы «Гусли доброгласная» предшествует в черновом автографе «Чин, како писан», т.е. план, в соответствии с которым и была изготовлена парадная рукопись: «1) Гусли доброгласная (по-видимому, имеется в виду помещенное на титульном листе заглавие книжицы. – Л.С.); 2) Предисловие; 3) Крест, писанный стихами;

4) Желаний 20 и скрижаль многопутная; 5) Предпривѣтствие; 6) Привѣтств 24; 7) Колофон окончание; 8) Привѣтство нововѣнчанному царю 1, 2, 3, 4; 9) Желание творца» [17. Л. 56].

Из пяти подносных «книжиц» сохранились подарочные экземпляры «Орла Российского», переплетенного в малиновый шелк, и «Гласа последнего» (хранятся в БАН в Библиотеке Петра I. Рукописные книги. № 1, 4), описание названных рукописей см. [18. С. 24–25, 28–29]. Можно предположить также, что хранящаяся в ГИМ парадная рукопись поэмы «Гусли доброголасная» в современном событии кожаном переплете цвета бордо, с подписью-автографом Симеона [19. Л. 54] также является подносной, описание см. [20. С. 62–63]. Две другие «книжицы» до сих пор не найдены. Пышное убранство парадных «книжиц» свидетельствует о том, что рукописная книга, включенная в придворной культуре наряду с другими видами искусства и даже архитектуры в художественное пространство церемониала официального торжества, имеет черты историко-культурного феномена, представляя собой, как и сам церемониал, воплощение идеи синтеза искусств.

Рукопись «Рифмологиона» впервые упоминается в «Описи» Патриаршей ризницы 1701 г., содержащей описание «сундука с книгами бывшего старца Силвестра Медведева»: «Книга Рифмологион, или Стихослов Симиона Полоцкого, писана уставом, с прописными красными словами 187 (=1678) году, в переплете» [21. Л. 200]. После кончины Симеона Полоцкого эта рукопись перешла в составе библиотеки и личного архива писателя к его ученику, другу и душеприказчику Сильвестру Медведеву. Когда же Медведева в сентябре 1689 г. арестовали в связи с обвинением в участии в заговоре Ф. Шакловитого против молодого Петра в пользу царевны-правительницы Софьи, хранившиеся у него рукописи были изъяты и скрыты от посторонних глаз в Патриаршей ризнице в сундуке. В поле зрения исследователей рукопись «Рифмологиона» попала в середине XIX в.: сохранились черновые наброски описания, сделанные А.В. Горским и К.И. Невоструевым в декабре 1853 г. [22. Л. 29–45]. В научный обиход рукопись введена Синодальным ризничим архимандритом Саввой [23. С. 246].

И.П. Еремин писал, имея в виду рукопись из Синодального собрания ГИМ: «Список № 287 – черновая редакция “Рифмологиона”; выработать окончательную, беловую редакцию сборника автор не успел; он умер, когда работа над сборником была еще далеко не завершена» [12. С. 263]. Утверждение, что «этот сборник дошел в черновом автографе» [24. С. 538], является ошибочным.

Вопрос о статусе рукописи «Рифмологиона» заслуживает специального рассмотрения. Неизвестно, существовал ли черновой автограф книги. Весьма вероятно, что у «Рифмологиона», в отличие от «Вертограда многоцветного», не было изначально *единой* авторской рукописи. Принципиальная разница творческой истории данных стихотворных книг состоит в том, что к писанию «Вертограда» автор приступил как к созданию новой книги, которую воспринимал с самого начала как целое, расширяя впоследствии основной корпус некоторыми стихами из ранее написанного и новыми (см. [25. Р. XI–LI; 26. Р. IX–LIII]). «Рифмологион» же изначально составлялся целиком и полностью уже из готовых, в разные годы написанных стихотворений, к рукописи сборника приложен автограф составленного самим Симеоном «Оглавления вещей в книзѣ сеи содержимых» (л. 1–2об.), руководствуясь которым переписчики переносили в нее систематизированный автором в определенном порядке материал, содержащийся в бумагах из его архива.

Рукопись с текстом «Рифмологиона» можно назвать *условно беловой, рабочей*, но не черновой. Она имеет элементы декоративности, украшена киноварью, присутствующей на титульных листах всей книги и книжицы «Орел Российский», в заглавиях всех разделов сборника, названиях стихотворений, инициалах. Вместе с тем в использовании киновари в этой рукописи отмечается непоследовательность и непостоянство: иногда названия стихотворений или стихотворных цик-

лов написаны киноварью полностью, в других случаях ею выделены или только первые буквы заглавий, либо, напротив, – название целиком, кроме первой литеры.

Киноварью исполнены графические стихотворные композиции, лабиринты, выделены сегменты текста, включающиеся в семантическую и фоническую игру в стихах из разряда *poesis artificiosa* («Диалог краткий», «Фаетон и Ихо» в форме *carmen echicum*, «Афиеросис», «Акростихис», «Программа»). Вместе с тем замысел по созданию зрительного, живописного ряда реализован в рукописи не до конца: в поэме «Орел Российский» есть лишь набросок для рисунка эмблемы «Во солнцѣ положи селение свое» с изображением государственного герба России (л. 446). В траурной поэме «Френы, или Плачи» (л. 511об.–515) оставлены пустые места для эмблематических картинок. Возможно, рукописи «Рифмологиона» предназначались послужить макетом для изготовления книги в ее окончательном виде.

Если бы не безвременная кончина Симеона, то, возможно, реализовался бы один из двух вариантов дальнейшей судьбы этого произведения: подготовка на основе рукописи «Рифмологиона» подносного экземпляра (подобно парадному списку «Вертограда многоцветного» [27]), либо издание сборника в кремлевской Верхней типографии (подобно публикации «Псалтири рифмотворной», 1681). Таким образом, рукопись «Рифмологиона» – своего рода промежуточная между собранными и систематизированными автором материалами и тем предполагаемым экземпляром (парадным списком или печатным изданием), которым могло бы увенчаться содружество поэта и художника в работе над произведением. Следовательно, в творческой истории «Рифмологиона» присутствует некая незавершенность.

Работа по формированию его состава и редактированию продолжалась (как и над «Вертоградом многоцветным») и после 1678 г., до конца жизни поэта. Произведения, созданные в 1679 и 1680 гг., были добавлены не только в конец книги (на л. 626–654об.), но и вписаны на остававшиеся свободными места внутри рукописи (л. 183–187об., 230–230об., 299–301, 325–326об., 387об.–388, 427, 435–436об., 592–594). Их названия внесены в «Оглавление» Сильвестром Медведевым с указанием листов, на которых данные сочинения помещены в этой рукописной книге.

В составе «Рифмологиона» нашли свое место стихотворения, имеющиеся в других, более ранних рукописях, содержащих сочинения поэта в его автографах или писцовых списках; они хранятся в Российской Национальной библиотеке (Санкт-Петербург) [28]; в Российском Государственном архиве древних актов (Москва) [29. № 389, 1800]; в Государственном Историческом музее (Москва) [30. № 731, 877], ранее указывались три последних списка [13. С. 264–265].

Рукописи, предшествующие созданию «Рифмологиона», представляют значительный интерес для изучения творческой истории стихотворного компендиума, они содержат в ряде случаев указания на даты написания тех или иных текстов, сведения о том, для кого они предназначались или кем были произнесены. Показательны и отличия, отмечаемые между некоторыми приветствиями в составе «Рифмологиона» и их первоначальными вариантами в других рукописях, что позволяет проследить трансформацию стихотворного текста при его переходе из одного контекста в другой.

Пометы в рукописи [28] указывают на то, что стихотворение в рождественском цикле «Рифмологиона» «Царь всего міра нынѣ нам родися» (л. 35об.–36) было написано 11 октября 1665 г.: «Ad eundem. 1665 10bris 11» [28. Л. 73]; стихотворение «Свѣт присносущный весь мір озаряет», помещенное в «Рифмологионе» в разделе «Стихи на Рождество Христово ко Государю Царевичу» (л. 71об.), первоначально было обращено к конкретному адресату – старшему сыну царя, будущему наследнику престола: «Ко Государю Царевичю Алексію Алексіевичу» и дати-

ровано «А° 1665» [28. Л. 74]; стихи «Велия радость в міръ днесъ сияет» (л. 26об.) написаны Симеоном от лица семилетнего царевича Федора, приветствующего своего отца – царя Алексея Михайловича в 1668 г.: «Ко Государю Царю от Царевича Феодора Алекс[ѣевича] 1668» [28. Л. 32]; поздравление же «Государю Царевичу Феодору Алексиевичу» «Радость міру днесъ сияет» (л. 225об.) составлено на Пасху: «А° 1670 на Воскресение Христово» [28. Л. 122], после кончины в январе 1670 г. наследника престола царевича Алексея первым претендентом на трон стал Федор; приветствие «Стиси, внегда чашу Государеву пити» (л. 319), как сообщает помета-автограф: «Написах Никите Ксенофонтьевичу 1671 марта 2» [28. Л. 227]; стихи «В день преподобного Илариона. От сына к отцу» (л. 362) датированы «А° 1671, Junii 6» [28. Л. 122], а «Пѣснь Есть прелесть в свѣтѣ» (л. 423–424об.) – «1672, Мау» [28. Л. 141об.].

Только благодаря рукописи [28] стало возможным установить, что «Стиси красогласнии на Рождество Христово», которыми открывается «Рифмологион» (л. 10–15об.), были произнесены в кремлевской церкви Марии Египетской шестнадцатью «отроками»; каждая строфа декламации здесь не просто пронумерована, как в «Рифмологионе», но обозначена: «Отрок первый», «Отрок второй», «Отрок третий» и т.д. вплоть до: «Отрок 16». В заглавии указана дата: 7176 (=1667 г.). [28. Л. 76об.–80об.]. В данной рукописи имеется также список траурной оды «Трены, или Плачи» на кончину царицы Марии Ильиничны вместе с эмблематическим циклом «Емлимата и их толкования стихами красогласными» [28. Л. 320об.–322], в котором, в отличие от рукописи «Рифмологиона», присутствуют сделанные карандашом наброски рисунков, передающие представление о предметном сюжете каждой эмблемы.

Стихи, снабженные в рукописи [28] пометами «К Государю Царю» [28. Л. 67об.], «К нему ж Государю» [28. Л. 73об.], «Ко Государю Царю на Рождество Христово» [28. Л. 98], включены в «Рифмологион» в рождественский цикл приветствий Царю без обозначений, указывающих на адресата, так же, как и поздравление царице «Бог Слово плоть бысть, Церковь торжествует» (л. 56об.–57), сопровождаемое записью «Ко государыни Царицы стихи красогласныя» [28. Л. 75об.].

Установить дату приветствия царю Алексею Михайловичу по случаю Рождества от наследника престола, царевича Алексея Алексеевича (л. 44–44об.), позволяет рукопись из собрания РГАДА № 389, где имеется помета: «176 (=1667) г.» [29. Л. 114об.].

Запись в списке из Синодального собрания ГИМ: «[7]179 дек 25 Аф[анасию] Хит[рово]» [30. № 877. Л. 70об.] свидетельствует о том, что стихотворение «Царь славы Христос, всей твари Владыка» (л. 26) было написано 25 декабря 1670 г. первоначально для одного из представителей рода Хитрово. В тот же день перед Государем Царевичем с рождественским поздравлением «День всерадостный нынѣ совершаем» (л. 70об.) выступил один из князей Воротынских: «Глаголани [7]179 дек 25 Воротынским» [30. № 877. Л. 70]. Записи в более ранних рукописях Симеона позволяют не только расширить представление о круге его общения, но и сообщают любопытные подробности об участии в церемониальных формах дворцовой жизни представителей светской аристократии, которые выступали, судя по записям, не только заказчиками стихов, но и их исполнителями.

Некоторые тексты, вошедшие в «Рифмологион», первоначально были записаны латиницей, в польской орфографии, или представляют собой переложение польскоязычных стихотворений, каким является, к примеру, приветствие «Бог присносущный нынѣ Ся раждает» (л. 148), текст его («Boh Prysnosuszczny ni nie się razdaiet») восходит к рукописи РГАДА [29. № 1800. Л. 20]. Попутно заметим, что в ряде случаев в разных рукописях, послуживших претекстом для «Рифмологиона», встречаются одни и те же стихотворения, но в разной системе записи. Так, например, «Иаков древле имѣ явление» (л. 126–126об.) читается в рукописи

из Синодального собрания ГИМ в польской орфографии [30. № 731. Л. 216–217], кириллицей – в [30. № 877. Л. 33–34] и в рукописи РГАДА [29. № 389. Л. 22об.]. Иногда один и тот же текст в рукописи повторен, к примеру: «Предобрый пастырь от града небесна» (л. 95) появляется в рукописи дважды: в польской орфографии [30. № 731. Л. 211–211об.) и кириллицей [30. № 731. Л. 168–168об.]. Стихотворение «Христос Господь днесь родися» (л. 170 об.) переписано дважды: [30. № 731. Л. 201, 207об.–208].

Обращает на себя внимание весьма показательный факт: текст некоторых стихотворений в рукописи «Рифмологиона» расходится с соответствующими стихами из предшествующих списков. Разночтения касаются второй и третьей частью приветствий, содержащих обращение к адресату и просьбу о милости. Первая же, посвященная празднику, остается неизменной. В стихотворении «Царь славы Христос, всей твари Владыка» строки 1–16, прославляющие Рождество Христово в рукописи «Рифмологиона» (л. 98об.), полностью совпадают с текстом в [30. № 731. Л. 181об.–182об.], расхождение обнаруживается во второй части приветствия, которое в первоначальном варианте было обращено к царю (22 строки), а в «Рифмологионе» – «Ко архиерею» (10 строк).

Стихотворение «Велия радость в мирѣ днесь сияет», помещенное в «Рифмологионе» в цикле поздравлений царю «от Государя Царевича» (л. 26об.) и в разделе приветствий патриарху (л. 98об.–99), имеет общие строки 1–8, совпадающие также с текстом из рукописи [30. № 877. Л. 69], написанным от лица царского сына, поздравляющего своих родителей, о чем свидетельствует помета: «Filius Regis dicit ad patrem et matrem suam. На Рождество Христово». Таким образом, первая часть, посвященная празднику Рождества Христова, является для всех трех стихотворений общей, дальнейшие расхождения обусловлены предназначенностью вариантов поздравления разным адресатам.

В стихотворении «Бог безначальный на земли родися» строки 1–10 совпадают в рукописях «Рифмологиона» (из раздела «Стиси общии на Рождество Христово», л. 99) и в [30. № 877], однако в последней читаются, кроме того, еще две строки: «Да царство ваше здѣ лѣта премнога / и в небѣ царство примете от Бога»; следовательно, первоначально приветствие предназначалось царю от лица сына, что подтверждает и помета-автограф: «Filius Regis dicit ad patrem et matrem suam. Стихи на Рождество Христово» [30. № 877. Л. 68об.].

Приветствие «Радость миру днесь сияет», посвященное в рукописи [28. Л. 122] царевичу Федору Алексеевичу, имеет общие строки 1–23 со стихами в «Рифмологионе», одно из которых находится в разделе приветствий «К Государю Царевичю» (л. 225 об.), второе переадресовано «Ко архиерею», чем и объясняется расхождение в тексте заключительных частей и появление в приветствии пастырю другой концовки с пожеланием «Добрѣ стадо управляти, / на путь жизни наставляти [...]» (л. 234об.).

Стихотворения, имеющие в «Рифмологионе» и в предшествующих ему рукописях одинаковые строки в первой части приветствий, но различающиеся своими вторыми частями, наводят на мысль, что должны существовать промежуточные списки, из которых стихи и были переписаны писцами в «Рифмологион». На данный момент мы не располагаем сведениями об этих списках, они или не сохранились, или пока не найдены.

Работая над текстом «Рифмологиона», поэт проводил стилистическую правку, вносил коррективы, направленные на соблюдение стихотворного размера, вписывал заглавия стихотворений, отдельные строки, зачеркивал слоги и слова, заменяя их в строке или над строкой новыми чтениями, производил перестановки слов в строке, обозначая последовательность чтений буквами, иногда дополнял текст указанием на дату, делал пометы на полях рукописи.

В ряде случаев можно наблюдать, как, редактируя текст, переписанный в рукопись «Рифмологиона» из предшествующих списков, Симеон правил его, отменяя

прежние чтения; например, в строке «Подобнѣ бо Он в сердци ти витает» слово «Подобнѣ» он зачеркнул и, несколько усиливая эмоциональность высказывания, вписал «Не меньше» (л. 55об.; ср. [30. № 877. Л. 32–32об.]). В строке «и добротами во весь мир прослыти» четырехсложное существительное «добротами» исправлено им из трехсложного слова «доброты» ради соблюдения 11-сложного размера (л. 19об.; ср. [29. № 389. Л. 16об.]); в строке «нерукосячный, идолы скрушает» первые два слога в глаголе «скрушает» написаны автором на месте стертых букв (л. 19 об.) и т.д.

Симеон вписал заглавия: «От служащих» (л. 27), «От сына к отцу в печали сушу» (л. 31), «К Государю Царю от служащих» (л. 31об.), «От сына к отцу», «К государю Царю от раб» (л. 33), «От служащаго» (л. 55), «Сын к отцу из пути пришедшу», «Привѣтство в день Новаго лѣта» (л. 419), «К новоявленному царевичу» (л. 420).

В стихотворении «Радости весь мир нынѣ исполнися» из раздела «Стиси на Рождество Христово ко архиерею» внизу страницы рукой Симеона добавлены две строки: «Желающе ти Его благодати, / да благоволит долгий вѣк ти дати» (л. 98). В стихотворении «Свѣтлое солнце красно днесь сияет» поэт добавил строки 27–28: «Даст здѣ вѣк долгий, а в небѣ день вѣчный / Сам безначальный сый и безконечный» (л. 253об.). На внешнем поле листа 260об. он написал две добавленные к тексту стихотворения вертикально расположенные строки, указав на их место после шестого стиха: «Яко обычай овцам есть играти, / внегда на пажить зелену хождати».

Известны случаи, когда Симеон дописывал текст в строке: «Той пеленами повиван бывает» (75об.) – вписан глагол «бывает»; «Взирает на тя, свѣтлый царский сыне» – над зачеркнутым словом «сыне» написано определение «царский», к которому в строке добавлено определяемое «сыне».

Симеон вписал над строкой пропущенные слова (выделены курсивом): «Мрак адамант *есть*, звѣзды пред ним мрачны» (л. 20об.); «Сый прежде *всѣх* вѣк нынѣ младенствует» (л. 35); «еже бы вѣчно тамо *вѣрным* жити» (л. 55); «Подобнѣ бо Он в сердци *ти* витает» (л. 55об.); «Сам того *ради* изволи плоть быти» (л. 57об.); «Овѣм рая двери *быша* затворены» (л. 63); «даст ти в сем мирѣ *жизнь* долгоднственну» (л. 75); «Вси убо роди *днесь* да ликовствуют» (л. 106об.); «сия весь род наш *Христом* оживила» (л. 130); «им же доселѣ весь *род* наш вредися» (л. 253об.); «здѣ вол и осел *Его* окружиша» (л. 151); «Тѣх *благ* честности аз *вашей* желаю» (л. 154об.) и др. Поэт производил стилистические замены: на место слова «суше» встало слово «свѣтло» в строке «яко скиния свѣтло позлащенна» (л. 72).

Внося правку, Симеон заклеил восьмую строку в стихотворении «От горы камень нынѣ отпадает» (л. 151об.) полоской бумаги с записанным на ней следующим текстом: «даже до небес в высоту соз-», недостающие слоги «-дася» он написал уже на листе рукописи. Аналогичную операцию поэт осуществил и на листе 345, где на приклеенной полосе бумаги читается новый текст десятой строки: «но сѣявшему люте въздадеса» («Стих краесогласный в день святаго апостола Иакова Алфеова», л. 345).

Вычитывая текст, автор исправил описки: зачеркнул слово «гѣм» и над ним написал: «тмѣ», стало: «Он есть и Солнце, но лучи скривает, / тмѣ приобыхших да не повреждает» (л. 57об.); чтение «взяя» исправил на «взял» (л. 146об.); в первой строке стихотворения «Красная весна нынѣ нам сияет» над строкой вписал второй и третий слоги в слове «Красная» (л. 147).

Есть и стилистическая правка: на уровне строки «всѣх земнородных паче ублаженный» Симеон написал на внешнем поле рукописи как вариант к определению «ублаженный»: «похваленный» (л. 347); к строке «Новая в мирѣ радость днесь сияет» имеется на полях рукописи помета автора, предлагающего читать вместо «днесь» – «нам» (л. 129об.). В строке «Странное есть дѣло дѣвам раждати» поэт обозначил буквами правильную последовательность чтений («дѣло есть»), в пер-

вом случае цезура приходится на середину слова «дѣло», перестановка слов позволила этого избежать (л. 34).

На внешнем поле листов рукописи Симеон указал дату написания «Привѣтства» царю Алексею Михайловичу в день митрополита Алексия: «1660» (л. 389); на уровне заглавия «Привѣтство нововѣнчанному Царю. 1» (л. 589об.) оставил помету «Придаток» (т.е. добавление), запись «Преосвященныи и пр.», служившую пояснением к словам о «твоей святыни»: «С ними годствует и твоей святыни / о сем обрящѣ ликовати нынѣ» (л. 231). К стихотворению «Желание творца» (из «Гусли доброгласной») автор сделал примечание: «Сие в книзѣ врученной нѣсть писано» (л. 591), отметив тем самым, что в подносом экземпляре данный текст отсутствует. Его собственноручные пометы сообщают также, как отмечено выше, о месте и времени исполнения стихов (л. 628, 632), содержат указания на завершение стихотворных композиций церковными песнопениями (л. 213об., 371).

Авторская правка направлена также на восстановление в ряде случаев слоговой протяженности стиха по норме изосиллабизма, для чего использовались приемы из разряда поэтических вольностей. Увеличение строки до необходимого размера достигалось приемом «приложения»: поэт добавил к глаголу «дати» приставку «воз-»: «Ему же и ты изволь честь воздати» (л. 73об.); к прилагательному «тлѣнное» – приставку «пре-»: «Паче же тѣло наше претлѣнное» (л. 129); в первом слове строки «Первосозданный Адам перстен бяше» вписал третий слог «-соз-» (л. 129об.); первоначально употребленное местоимение «чесо» преобразовал в трехсложную форму: «Чесога ради вси днес торжествоуем» (л. 263об.). Недостаточный слог в строке «Слава во вышних Богу вѣщают» восполнил, заменив глагол «вѣщают» на «восклищают» (л. 107об.). Напротив, лишний слог в строке устранен путем замены трехсложного определения «Божия» на двусложное местоимение «Его»: «оба подаст ти рука Его десна» (л. 70); над зачеркнутым в строке трехсложным словом «Адама» вписано двусложное словосочетание «вся ны»: «Хотя из плена вся ны избавити» (л. 106об.).

Таким образом, совершенно очевидно, что Симеон продолжал работать над текстом «Рифмологиона» в процессе составления этой книги и переписки ее писцами. Следовательно, данная рукопись отражает последнюю авторскую волю.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
2. Панченко А.М. Симеон Полоцкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1998. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 3.
3. Корзо М.А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI–XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. М., 2007.
4. «Врата учености». К 325-летию основания Славяно-греко-латинской академии / Выставка 20 мая – 5 сентября 2010 года. М., 2010.
5. Робинсон М.А., Сазонова Л.И. Заметки к биографии и творчеству Симеона Полоцкого // Русская литература. 1988. № 4.
6. ГИМ. Синодальное собр. № 285.
7. Гордеев М.Ю. Новые данные к биографии Симеона Полоцкого: завещание матери просветителя // Славяноведение. 1999. № 2.
8. Сазонова Л.И. Свадебное приветствие царю Алексею Михайловичу в Чине бракосочетания (1671 г.) // Поэтика русской литературы в историко-культурном контексте. Новосибирск, 2008.
9. *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvětnyj* / Ed. by A. Hippisley and L. Sazonova. Köln; Weimar; Wien, 1996. Vol. 1; 1999. Vol. 2; 2000. Vol. 3 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Neue Folge. Reihe B: Editionen. Bd. 10/I–10/III).
10. Протасьева Т.Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В. Горского и К.И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2.
11. Костюхина Л.М. Книжное письмо в России XVII в. М., 1974.
12. Симеон Полоцкий. Избранные сочинения / Подг. текста, статья и комментарии И.П. Еремина. М.; Л., 1953.

13. Гребенюк В.П. «Рифмологион» Симеона Полоцкого (История создания, структура, идеи) // Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность / Гл. ред. А.Н. Робинсон. М., 1982.
14. Rolland P.A. Aspects of Polockij's early verse (1648–1663). Ann Arbor, 1980.
15. Сазонова Л.И. Ранние московские декламации Симеона Полоцкого в контексте конфликта царя Алексея Михайловича и патриарха Никона // Славяноведение. 1998. № 2.
16. Михайлов А.В. «Западно-восточный диван» Гете: Смысл и форма // Иоганн Вольфганг Гете. Западно-восточный диван / Изд. подг. И.С. Брагинский, А.В. Михайлов. М., 1988.
17. ГИМ. Музейское собр. рукописей. № 1705.
18. Лебедева И.Н. Библиотека Петра I. Описание рукописных книг. СПб., 2003.
19. ГИМ. Собр. рукописей А.Д. Черткова. № 248.
20. Описание рукописей собрания А.Д. Черткова / Сост. М.М. Черниловская, Э.В. Шульгина. Новосибирск, 1986.
21. ГИМ. Синодальное собр. рукописей. № 95.
22. Архив СПб ИИ РАН. Ф. 197 (В.О. Ключевский). № 4.
23. Савва, архимандрит. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. М., 1858. 2-е изд.
24. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3 / Сост. С.И. Николаев и А.М. Панченко. М., 1994.
25. Сазонова Л.И. «Вертоград многоцветный» Симеона Полоцкого: история создания, поэтика, жанр // *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj* / Ed. by A. Hippisley and L. Sazonova. Köln; Weimar; Wien, 1996. Vol. 1.
26. Сазонова Л.И. Палеографическое описание рукописей «Вертограда многоцветного» // *Simeon Polockij. Vertograd mnogocvetnyj* / Ed. by A. Hippisley and L. Sazonova. Köln; Weimar; Wien, 2000. Vol. 3.
27. БАН. Библиотека Петра I. Рукописные книги. П I А № 54 (прежний 31.7.3).
28. РНБ. Основное собр. рукописной книги. Ф. XVII.83.
29. РГАДА. Собр. рукописей московской Синодальной типографии.
30. ГИМ. Собр. рукописей Синодальной (Патриаршей) библиотеки.

© 2011 г. Т.И. АФАНАСЬЕВА

СЛУЖБА «НА БЕЗДОЖДИЕ» В СЛАВЯНСКИХ СЛУЖЕБНИКАХ И ТРЕБНИКАХ XI–XVI ВЕКОВ

В статье проводится текстологическое исследование службы «на бездождие» в составе славянских и русских служебников и требников XI–XVI вв. Эта служба является переводом греческой, однако в русской богослужебной традиции она была существенно отредактирована.

The article presents the textual analysis of the divine service «on the dry weather» from the Russian service-books and breviaries of the eleventh-sixteenth centuries. The text of this service had been originally translated from the Greek language, but went through significant editorial changes in the Russian prayer tradition.

Ключевые слова: славянские служебники и требники, текстология, редакция, различия, время и место создания службы.

В ходе работы над каталогом славянских служебников из Софийского собрания Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге (далее РНБ) было описано более 150 рукописей, преимущественно русских, и составлен репертуар служб и молитв, зафиксированный в средневековых служебниках XIII–XVI вв.¹ Среди различных последований, имеющих в служебниках, обращают на себя внимание две службы, записанные друг за другом и озаглавленные «Како подобает о дожди октенья глаголати» и «Како подобает о ведре октенья глаголати». Интересно то, что обе службы очень похожи друг на друга: они состоят из двух молитв с одинаковыми инципитами и ектении, имеющей схожие прошения. Несомненно, что служба о «ведре» составлена на основе службы «на бездождие», поскольку в греческих и южнославянских служебниках встречается только последняя. При этом служба «о ведре» в служебниках Софийского собрания явно преобладает в количественном отношении.

Они регулярно появляются в русских служебниках Софийского собрания только с XVI в., хотя одна из этих служб, служба «на бездождие», весьма древняя, так как известна в Синайском глаголическом евхологии XI в. Синайский евхологий, несмотря на целый ряд его изданий и многочисленные исследования, до сих пор остается малоизученным памятником с точки зрения литургической традиции отдельных служб, входящих в его состав. Молитвы «на бездождие» пока мало привлекали внимание славистов².

Афанасьева Татьяна Игоревна – канд. филол. наук, доцент филологического факультета СПбГУ.

Работа над статьей осуществлялась при финансовой поддержке РГНФ, грант № 08-04-00074а.

¹Электронный каталог славянских служебников из Софийского собрания РНБ доступен на сайте <http://www.byzantinorossica.org.ru/sof-catalog.html>

²Упомянем общий обзор молитв на различные нужды, в том числе и молитв о бездождии, сделанный М. Шниттер, на материале Синайского евхология и поздней южнославянской традиции [1. С. 112–124; 2].

Молитвы на бездождие в Синайском евхологии находятся в составе новонайденных листков (л. 5–8) и озаглавлены **мѡ въ литиѡ бездождѡхъ** [3. С. 77–78, 223–226]. Служба начинается с дьяконской ектении, далее следуют две молитвы **Вѣдо гѣ вѣе нашѣ иже прѣжде ревѣнованиѣ послушавѣ илиѣ прѣка...** и **Ги всѣдръжителю възводи облакы отъ послѣднихъ земля...** Мы сравнили службу «на бездождие» в Синайском евхологии с русскими списками в служебниках из Софийского собрания РНБ. В настоящее время в Софийском собрании РНБ известны следующие списки службы «на бездождие»: Соф. 584 и Соф. 600. Гораздо чаще встречается служба «о ведре», составленная на основе службы «на бездождие»: Соф. 568, Соф. 578, Соф. 579, Соф. 580, Соф. 583, Соф. 584, Соф. 588, Соф. 594, Соф. 600, Соф. 604, Соф. 606, Соф. 609, Соф. 610, Соф. 620, Соф. 636. К исследованию мы также привлекли пока единственный известный нам ранний южнославянский список, находящийся в составе Зайковского требника первой половины XIV в. В этой статье мы рассмотрим состав последования и тексты молитв «службы на бездождие» в перечисленных источниках и сравним их с традицией Синайского евхология и греческих евхологий древнейшего периода.

1. Состав последования. В просмотренных нами славянских рукописях есть два типа молитв на бездождие: один представлен в требниках, другой в служебниках³.

Первый тип – это чинопоследование, состоящее из двух молитв и дьяконской ектении. В русских служебниках XVI в. из Софийского собрания РНБ этот тип представлен в двух основных редакциях. Первая редакция встречается в большинстве служебников, вторая известна только в двух – Соф. 584 и Соф. 600. Первая редакция носит название «Како подобает о дожди октенья глаголати», вторая озаглавлена «Како подобает о дожди октенья глаголати». Заглавия редакций носят прямо противоположный смысл. «Ведро» – сухая и ясная погода, и, судя по названию, последование должно быть направлено на прошение от ненастья. Служба «о дожди», наоборот, направлена на просьбу о ниспослании дождливой погоды. Тем не менее, состав этих служб схож, они обе состоят из двух одинаковых молитв, а отличаются только составом прошений в ектении. Однако некоторые разночтения в молитвах свидетельствуют о сознательной редакции текста.

Второй тип «молитв о бездождии» без чинопоследования, т.е. без дьяконских ектений и богослужебных указаний, известен в некоторых требниках. Так, например, одна молитва на бездождие находится в составе среднеболгарского Зайковского требника первой половины XIV в. [4. С. 186–187]. Три молитвы на бездождие имеются в требниках XIV–XV в. из Синодального собрания ГИМ – Син. 675 и Син. 900 [5. С. 147], а также в требнике Солов. 1085/1194 1505 г. из Соловецкого собрания РНБ.

Обратимся к греческим евхологиям VIII–XVI вв., доступным нам по описаниям и публикациям, и укажем основные типы греческих молитв от бездождия. Древнейшие южноитальянские греческие евхологии Barberini 336 VIII [6. С. 214–216], G.b.VII [7. С. 113], Греч. 226 [8. С. 196] – имеют две молитвы на бездождие: **Δέσποτα Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὁ διὰ τὸν πρὸς σέ ζῆλον ἐλακούσας Ἠλία τοῦ προφήτου...** и **Κύριε ὁ Θεὸς ὁ παντοκράτωρ...** Древнейшие евхологии константинопольского типа – Sev. 474 [9. С. 95], Ottoboni gr. 434 [10. С. 90], Sinai 958, Sinai 961, Sinai 973 [11. С. 33, 82, 115] – содержат только одну молитву **Δέσποτα Κύριε ὁ Θεὸς ἡμῶν, ὁ διὰ τὸν πρὸς σέ ζῆλον ἐλακούσας Ἠλία τοῦ προφήτου...**

С XII в. в греческих евхологиях появляется третья молитва на бездождие. Таковы, например, евхологии Barberini 329, Barberini 345 [12. С. 153, 162]. Три

³В этой статье мы не будем останавливаться на так называемом Каноне от бездождия, который часто встречается в гимнографических рукописях – канониках, тrefологиях и проч., так как, по нашим наблюдениям, молитвы от бездождия изначально сформировались в служебниках и требниках, а появление их в гимнографических рукописях в сопровождении песней канона – явление более позднее.

молитвы указаны и в печатном Евхологии Гоара [13. С. 613–614]. Отметим, прежде всего, что в указанных нами греческих рукописных источниках молитвы на бездождие не являются церковным чинопоследованием, это ряд молитв, следующих друг за другом и обозначенных порядковыми номерами. Только в Евхологии Гоара перед тремя молитвами о бездождии находится дьяконская ектения, а само последование приписывается константинопольскому патриарху Каллисту (1391–1425). Создается впечатление, что появление церковного чинопоследования о бездождии в греческой традиции весьма позднее, но, судя по славянской традиции, это не так. Синайский евхологий, рукопись XI в., имеет церковное последование на бездождие: это лития, состоящая из дьяконских ектений и двух молитв. Следовательно, в XI в. служба на бездождие уже имела место в греческой традиции, но не была распространена повсеместно.

Софийские служебники, как было сказано выше, имеют две редакции этой службы. Редакция, представленная в двух служебниках Соф. 584 и Соф. 600, гораздо ближе Синайскому евхологию как по чтениям в текстах молитв, так и по составу прошений в ектении. Она сохраняет многие чтения Синайского евхология, отличия имеются в ектении. Ектения в глаголической рукописи содержит только специальные прошения о ниспослании дождя на землю, который принесет людям урожай и даст пищу скоту. В русских служебниках в ектению добавлены некоторые прошения общественного характера: моления о князе и архиепископе, о монахах и о прихожанах. Отметим также, что русские служебники XVI в. имеют две молитвы о бездождии, причем эти две молитвы представлены местами, первая молитва записана на втором месте, а вторая молитва – на первом.

Наличие в Синайском евхологии двух молитв от бездождия свидетельствует о связи древнеславянской традиции с южноитальянской греческой традицией, что свойственно Синайскому евхологию вообще. Параллели с южноитальянскими евхологиями VIII–XI вв. прослеживаются в молитвах Коленопреклонения в Пятидесятницу [14; 15. С. 15–24], в чине Великого освящения воды на Богоявление [16. Р. 25–45], и служба на бездождие здесь не является исключением.

Зайковский требник имеет одну молитву о бездождии, которая была свойственна евхологиям константинопольского типа, и это пока единственный славянский источник, где отразилась данная традиция. С XII в. распространяется новый набор молитв о бездождии, их число увеличивается, и становятся распространенными три молитвы, следующие непосредственно друг за другом. Именно с этой традицией соотносятся русские требники Син. 675 и Син. 900, а также Соловецкий требник 1085/1194 (1085/1194). Эта, по-видимому, более поздняя традиция стала известна на Руси в конце XIV в. По технике перевода молитвы о бездождии близки многим переводам XIV в.: это грецизированные в области синтаксиса и словообразования конструкции, а также свойственная правленным редакциям лексика.

2. Тексты молитв. Обратимся к текстам молитв о бездождии, чтобы показать редакционные отличия, и прокомментируем наиболее важные из них. Основные редакции молитв мы приводим в таблице. В первом столбце дан древнейший славянский текст по Синайскому евхологию (транслитерация в кириллицу наша. – Т.А.), во втором столбце текст по Зайковскому требнику. В третьем и четвертом столбцах приводятся русские редакции, обнаруженные нами в служебниках XVI в. Первая, наиболее распространенная редакция приводится по служебнику Соф. 636, вторая – по рукописи Соф. 584. В пятом столбце дается текст по требнику Син. 675, отражающий перевод XIV в., сделанный с более поздней греческой версии службы. Напомним также, что в Зайковском требнике имеется только одна молитва на бездождие, поэтому данная рукопись будет фигурировать лишь в первой таблице.

Молитва 1

Синайский евхологий	Зайковский требник	Соф. 636, л. 122об.	Соф. 584, л. 195	Син. 675, л. 159
Вл̑̀д̑̀ко г̑̀н б̑̀же нашъ . нже прѣждѣ ревънованнѣ послоушавъ нана пр̑̀рка.	Вл̑̀ко г̑̀н б̑̀е н̑̀шь нже за ревность наже къ тебѣ послоушавъ нана пр̑̀рка	Вл̑̀д̑̀ко г̑̀н б̑̀е н̑̀шь нже древле ревнующа послоушавъ пр̑̀рка твоего нана	Вл̑̀д̑̀ко г̑̀н б̑̀е послоушавъ на нана пр̑̀рка поревнованнѣ радн ею	Вл̑̀д̑̀ко г̑̀н б̑̀е радн еже к тебѣ рвеннѣ оуслышавъ на нано фезвнта
нже на времена посылаа земн дъждъ . оуставнтн повелѣ .	на в̑̀сако врѣме земан поснадемн дъждъ оудръжатн повелѣвъ	нже на времена дождъ спощадемъ оудръжавъ	н дождъ времененъ спощадемъ пославъ нмъ на землю оуставнтн повелѣвъ	н еже на времена земан посылаемъ дождъ оудръжатн повелѣвъ
н пакзы м̑̀твоеж̑̀ его . тжъ плодъ дасть ен .	н потомъ пакы за оумленне его дъждъ плодъ даровавъ	понеже вн̑̀д̑̀ще пр̑̀ркъ нако можешн оудръжатн повелѣннѣмъ твомъ .	тоую н пакзы м̑̀твоею его тоую плодъ даровавъ	таже пакзы его моленнѣ дождъ плодъ даровавъ
ты вл̑̀ко в̑̀сѣмъ . свонмъ м̑̀днемъ . оумолнмъ . дождъ волнъ даждн достоѣнню тн .	ты вл̑̀ко в̑̀сауескымъ м̑̀ своего сн м̑̀р̑̀д̑̀на оумолень б̑̀в̑̀аъ дъждъ волнъ послаб̑̀ достоѣннѣ своемоу	ты самъ вл̑̀ко в̑̀сауескымъ . оумолень б̑̀в̑̀въ твомн щедротамн подан же ведро достоѣнню твоемоу	ты вл̑̀ко съ в̑̀сѣ нзы свон̑̀ м̑̀рд̑̀емъ оумолень б̑̀в̑̀аа . дождъ волнъ пустн намъ по достоѣнню тн	самъ вл̑̀ко в̑̀сѣхъ свонмъ б̑̀гоутробнемъ оумолемъ дождъ волнъ м̑̀лоучн достоѣнню твоемоу
прѣзр̑̀а прѣзр̑̀шеннѣ наша . тжъ своа поустн . на трѣбующад . н просащад мѣста .	прѣзр̑̀шеннѣ наша прѣзр̑̀въ н в̑̀д̑̀женнѣ пославъ на просецаа н трѣбующад мѣста	презр̑̀а грѣхы н̑̀ша с̑̀нце свое просвѣтн на требующад н на просащад м̑̀тн	н прегрѣшеннѣ наша презр̑̀а н поустн щедроты твоа на трѣбующад мѣста	н съгрѣшеннѣ намн прѣзр̑̀въ дожда своа н послан къ требующымъ н хоташимъ мѣстомъ

Синайский евхологий	Зайковский требник	Соф. 636, л. 122об.	Соф. 584, л. 195	Син. 675, л. 159
ВЪЗВЕСЕЛН ЛНЦЕ ЗЕМН . оубогъихъ радн люден твонхъ . за мадьнець же . н скота раден . н ннѣхъ вѣхъ .	ВЪЗВЕСЕЛН ЛНЦЕ ЗЕМАН ннцнхъ радн своѣ мадьнець радн н скотъ н ннѣхъ дѣл'ма вѣсѣхъ	ВЪЗВЕСЕЛН ЛНЦЕ ЗЕМАН ННЦНХЪ раден люден твонхъ . младенець же н скотъ н ннѣ раден всѣхъ	н възвеселн лнце земан ннцнхъ радн младенець . н скотъ дѣла . н всѣхъ трѣбоующнхъ ѿ тебе прѣбогатина матн	ВЪЗВЕСЕЛН ЛНЦЕ ЗЕМАН оубогъихъ радн н люденн твонхъ н младенца н скотъ н всѣ ннаа
ѣко на та надѣна са . данѣцааго нмъ пнциѣ въ благо врѣма .	ѣко ѿ тебе ѹаютъ датн пнциѣ нмъ въ благо врѣме	ѣко на та надѣютса даюцааго нмъ пнцию въ блго врема .	да даен намъ пнцию въ блго врѣма .	ѣко к тебѣ ѹаютъ датн нмъ пнцию въ блго врѣма
Ты бо еси бѣ спсѣ нашъ н тебѣ .	Ты бо еси бѣ многати н спсѣ ны хѣ бѣ .	Ты еси бгъ ншъ . многати н спсати . н тебѣ славоу ...	Ты бо еси бѣ нашъ . бѣ многати н спсати ...	Ты бо еси бѣ нашъ въ многати н спсати ...

1. Варианты, свидетельствующие о переводе с различных греческих редакциях:

нлію фезвита (Син. 675): илил ꙗѣка. Вариант **нлію фезвита** в Син. 675 характерен для более поздних греческих евхологиев, например, такое чтение имеется в Евхологии Гоара. Древние варианты текста, например в кодексе Barberini gr. 336, имеют чтение Ἡλία τοῦ προφήτου. Таким образом, требник Син. 675 демонстрирует вариант перевода с более поздней редакции греческого текста, чем остальные славянские редакции.

2. Редакторские конъектуры, не связанные с греческим текстом. Разночтения, представленные ниже, свидетельствуют о том, что в рукописях Соф. 636, Соф. 568, Соф. 578, Соф. 579, Соф. 580, Соф. 583, Соф. 584, Соф. 588, Соф. 594, Соф. 600 содержится своеобразная редакция текста. Она не находит отражения в греческих последованиях и является славянской правкой. Рассмотрим эти примеры.

нже на времена дождь спущаемыи оудръжавъ понеже видяще прркъ ꙗко можешн оудръжати повелѣніемъ твоимъ (Соф. 636): **нже на врѣмена посылаа земли дъждь . оуставити повелѣ и паки мотвоиѣ его . тжчѣз плодънѣж дастъ еи**: (Син. евх.) καὶ τὸν κατὰ καιρὸν τῆ λεμβόμενον ὑετὸν ἐπισχθῆναι κελεύσας, εἶτα πάλιν διὰ τῆς αὐτοῦ ἰκεσίας ὀμβρον καρποφόρον αὐτῆ χάρισάμενος.

подан же ведро (Соф. 636): **дъждь вольны дажди** (Син. евх.): βροχὴν ἑκουσίαν ἀφόρησον.

сннце свое просвѣтити на требоующаа (Соф. 636): **дожда своа низпосли къ трѣбоующимъ** (Син. 675): **тжча своа поустн на трѣбоуѣщаа** (Син. евх.):

вдъжена пославъ на просещага. (Зайк. тр) τοὺς ἑτεοὺς σου κατάτεμνον ἔτι τοὺς χηρίζοντάς.

Чтения в Соф. 636 содержат ряд смысловых исправлений. В греческом тексте, как и в остальных славянских списках, речь идет о просьбе ниспослать дождь на землю. В редакции, представленной рукописью Соф. 636, смысл прямо противоположный: прошения заключается в ниспослании ясной и солнечной погоды, ведра. Редактор последовательно заменяет все фрагменты текста, где идет речь о дожде, на просьбы о том, чтобы сдержат дождь и прояснить небо от туч. Все эти замены являются, по нашему мнению, местной, возможно, севернорусской редактурой текста и свидетельствуют о том, что эта древняя служба была сознательно приспособлена к региональным нуждам.

Таблица 2

Молитва 2

Синайский евхологий	Соф. 636, л. 121об.	Соф. 584, л. 194	Син. 675 л. 159 об.
ГН БЖЕ всѣдръжнтелю възвѣдан облакы . отъ послѣдѣннихъ земѣ . мѣнна въ дѣждн сътвори .	ГН БѢ всѣдръжнтелю . възвѣдан облакы ѿ конецъ земѣа н молнїю в дождь створаа	ГН БѢ всѣдръжнтелю възвѣдан облакы ѿ послѣднихъ земан н молнню в дождь твориа	ГН БѢ всѣдръжнтелю възвѣдан облакы ѿ послѣднихъ земан молнїа въ дождь створивъ
н поущаѣа вѣтры отъ скрѣвнщъ свонхъ .	поущаа вѣтры ѿ скрѣвнщъ свонхъ	нспоущаан вѣтры ѿ скрѣвнщъ свонхъ	възвѣдан вѣтры ѿ скрѣвнщъ свонхъ
н призываѣа водѣ морьскѣѣ	призываѣа водоу морьскоую	призываан водоу морьскоую	призываѣан водоу морьскоую
н изъавѣа ѣа на лицѣ вѣсѣа земѣа .	н тоу изъавѣа на лицѣ всѣа земѣа	н тоу лиа по лицоу всѣа земѣа	н проливаѣа ѣа на всѣ лице земное
та молнмъ н проснмъ . н мнлѣкоуемъ са . н кланѣемъса н нсповѣдаемъ грѣхы своиѣ .	тебе молнмъ н проснмъ н мнлн са дѣемъ н кланѣемъ ти са нсповѣдающе грѣхы своа	та молнмъ н проснмъ н тебѣ са мнлн дѣемъ н кланѣемса нсповѣдающе грѣхы своа	тебѣ молнмса н тебе проснмъ нсповѣдоюще грѣхы своа
просаще отъ тебе богатѣнѣ мѣстн . отъврѣзн хлабн нбснзвѣа н повелн облакомъ о дѣжднтн оущедри вѣсѣ земьнаа	просаще ѿ тебе батѣнѣ мѣстн оуаснн нбо н просвѣтн облакы нбнзвѣа н повелѣ нмъ ѡдожднтн н оущедри вса земнаа	просаще оу тебе богатѣнѣ мѣстн ѿврѣзн хлабн нбнзвѣа н облакомъ одожднтн повелѣ . н оущедритн землю всю .	н просаще еже ѿ тебе богатоую мѣстѣ ѿврѣзн хлабн нбснзвѣа повелн облакомъ одожднтн дождь оущедри всѣ земан твоѣа

Синайский евхо- логий	Соф. 636, л. 121об.	Соф. 584, л. 194	Син. 675 л. 159 об.
МНОЛОСТНѢВЪ БѢДН НА СТАРЪИНА . Н ЮНЪИНА . Н НА МАДЕНЬЦА . СЪСЪЩАНА СЪСЪЦА НА РАБЪИ . Н НА РАБЪИНА . НА СЪИ Н НА ДЪЩЕРН . Н НА ВСА СКОТЪИ ЗЕМЪИНА .	МАТНѢВЪ БОУДН НА СТАРЪИА Н НА ЮНЪИА Н НА МАДЪИА Н НА ССОУЩІА СЪСЦА . Н НА РАБЪИ Н НА РАБЪИНА . Н НА СЪИ Н НА ДЪЩЕРН . Н НА ВСАКЪ СКОТЪ ЗЕМЪИН .	МАТНѢВЪ БОУДН СЪ СТАРЕШНИМЪСА Н ЮНИМЪ . Н ССОУЩИМЪ МАДАЕНЦЕМЪ . РАБОМЪ Н РАБЪИНАМЪ . СЪНОМЪ Н ДЪЩЕРЪМЪ . Н НА ВСА СКОТЪИ ЗЕМЪИА .	БЛОУТРОБЕНЪ БОУДН НА НА СТАРЪИА Н ОУНИИА Н НА МАДАЕНЦА СЪСОУЩАА СЪСЕЦЪ НА РАБЪИ ТВОА Н НА РАБЪИНЪ НА СЪИ Н ДЪЩЕРН Н НА ВСЪ СКОТЪИ ЗЕМЪИА
ДА ВЪСНѢЕТЪ ЗЕМЪ МАСАНИИ . Н ПРОЗАБНЕТЪ ЗЕМЛЪ ТРѢВЪ СКОТОМЪ . Н НЗНЕСЕТЪ ХЛѢБЪ НА СЪИЕДЪ .	ДА ВЪСІАЕТЪ ЗЕМЛА МАСТНО ВНОЮ . ДА ПРОЗАБНЕТЪ ТРАВА СКОТОМЪ . НЗНѢСТН ХЛѢБЪИ ВЪ СНѢДЪ . Н ТРАВОУ НА СЛОУЖБОУ УЛКОМЪ .	Н ДА ВЪЗРАСТНТЪ ЗЕМЛА МАСАНИИ . Н ТРАВОУ СКОТОМЪ . НЗНЕСЕТЪ ХЛѢБЪ НА ІАДЪ Н ТРАВОУ НА СЛОУЖБОУ УЛКОМЪ .	_____
ТА МОЛНИМЪ ЦРЮ СНАЛЪ . ПРИИМИ МОТЪИ ВЪСЪХЪ ЛЮДЕН ТВОИХЪ Н ПРОШЕННЪ ТВОИХЪ РАБЪ . Н ВЪЗДЪИХАННЕ ОУБОГЪИХЪ ЛЮДЕН ТВОИХЪ	ТЕБЪ МОЛНИСА ЦРЮ СНАМЪ ПРИИМИ МАТВОУ ВСЪХЪ ЛЮДЕН ТВОИХЪ . Н ПРОШЕННЕ РАБЪ ТВОИХЪ . Н ВЪЗДЪИХАННЕ НИИИХЪ ЛЮДЕН ТВОИХЪ .	ТА МОЛНИ ІСЕ ЦРЮ СНАМЪ . ПРИИМИ МАТВОУ ВСЪХЪ ЛЮДЕН . Н ПРОШЕНІА РАБОМЪ СВОИМЪ ПОДАЖДЪ . Н ВЪЗДЪИХАННА ОУСАЪИШНИИИХЪ ЛЮДИИ ТВОИХЪ	ПРИИМИ МОЛБОУ ВСЪХЪ ЛЮДИИ ТВОИХЪ ВЪЗДЪИХАНІА ОУБОГЪИХЪ _____
Н НЕ ГНѢВОМЪ ТВО[НИМЪ ПО]КАЖИ НАСЪ . НИ ТРОСТНИКЪ [ТВОЕИЖ] ОБАНУИ НАСЪ НИ ГЛАДОМЪ [...] НИ ЖАЖДЕИЖ ЛЮДЕН ТВОИХЪ .	НИ ІАРОСТНИО ТВОЕЮ ОБАНУИ НАСЪ . НИ ГНѢВОМЪ ТВОИМЪ ПОКАЖИ НАСЪ . НИ ОУМОРИ ГЛАДОМЪ ЛЮДЕН ТВОИХЪ .	НИ ГНѢВОМЪ ТВОИМ ОБАНУИ НАСЪ НИ АРОСТНИО ТВОЕЮ ПОКАЖИ НАС . НЕ НЗМОРИ ЛЮДИИ ТВОИХЪ . НИ ГЛАДОМЪ НИ ЖАЖДЕЮ .	ДА НЕ ІАРОСТНИО ТВОЕЮ ОБАНУИИИ НАСЪ НИ ЖЕ ГНѢВОМЪ ТВОИМЪ ПОКАЖЕИИ НАСЪ ДА НЕ РАСТАИИИ ГЛАДОМЪ Н ЖАЖЕЮ ЛЮДИ ТВОА
ВЪСЪХЪ БО ОУИ НА ТА ОУПОВАЕТЕ . Н ТЪИ ДАЕИИ НИИ ПИИИЖ ВЪ БЛАГО ВРЪМА . НА ТА БО СА НАДЪЕМЪ .	ВСЪХЪ БО ОУИ НА ТА ОУПОВАЮТЕ . Н ТЪИ ПОДАЖЪ НАМЪ ПИИЮ ВЪ БЛАГО ВРЪМА НА ТА БО НАДЪЕМСА .	ВСЪХЪ БО УИ НА ТА ОУПОВАЮТЕ . Н ТЪИ ПОДАЖЪ НАМЪ ПИИЮ . ВЪ БЛАГО ВРЪМА НА ТЕБЕ БО СА НАДЪЕМЪ .	НѢУ ОУИ ВСЪХЪ НА ТА ОУПОВАЮТЪ ПРИИТИ У ТЕБЕ ПИИЮ ВЪ БЛАГО ВРЪМА НА ТА ОУПОВАХОМЪ

Синайский евхологий	Соф. 636, л. 121об.	Соф. 584, л. 194	Син. 675 л. 159 об.
н рѡзвѣ тебѣ нного не вѣмъ отъ тебе богатѣна мѣстн жндѣмъ	н рѡзвѣ тебе нного бѣга не знаемъ . ѿ тебѣ бѣгатѣна мѣстн вжндѣмъ .	н рѡзвѣ бо тебѣ нного бѣга не знаемъ . н ѿ тебѣ богатѣна мѣстн твоѣа вжндѣмъ	кромѣ тебе нного не вѣмъ еже ѿ тебе богатѣна мѣстн ѹдемъ
Ты бо еси бѣ нашъ тебѣ:	ѿко мѣтвѣ н ѹрколюбецѣ бѣ еси . н тебѣ славоу всылаемъ .	ѿко блѣгѣн н ѹрколюбецѣ бѣ еси . н тебѣ славоу всылаемъ ...	ѿко блѣгѣн ѹрколюбецѣ бѣ еси н тебѣ славоу взыслаемъ бѣоу н сѣноу н сѣтмоу дѣхоу ннѣ н прнсно...

1. Варианты, свидетельствующие о переводе с различных греческих редакций.

Как видно из приведенных текстов, в Син. 675 есть небольшие текстовые лакуны. Все лакуны находят свое соответствие в более поздних греческих редакциях, например в Евхологии Гоара [13. С. 614]. В древних греческих евхологиях VIII–XII вв., в частности в Barb.gr. 336, таких лакун не содержится [16. С. 216]. Это подтверждает, что перевод данной молитвы в Син. 675 сделан в более позднее время, чем переводы остальных славянских редакций. Поздней редактурой в Син. 675 также можно считать чтение, которое исправлено в соответствии с цитатой Пс.6.2. **да не яростию твоею обличиши насъ ни же гнѣвомъ твоимъ покажеши насъ**, вместо более древнего варианта в Синайском евхологии: **и не гневомъ твоимъ [...] кажи насъ ни ѣростнѣж [...] обличи насъ**. Та же перестановка имеет место в Соф. 600, произведенная, по-видимому, при редактировании древней редакции текста. Подобную замену находим и в греческой молитве в Евхологии Гоара.

2. Редакторские конъектуры, не связанные с греческим текстом.

оутасни нбо (Соф. 636): **ѿверзи хлѣбн нѣныа** – ἄνοιξον τοὺς καταράκτας τοῦ οὐρανοῦ. Разночтение, представленное в Соф. 636, явно не соответствует греческому чтению, а имеет прямо противоположный смысл. Здесь излагается просьба принести ясную погоду, что вполне согласуется с названием службы «ектения о ведре». Возможно, это смысловое изменение внесено в текст при редактировании его на Руси, особенно в северной ее половине, где дождливая погода – обычное природное явление. Если учесть, что все рукописи, содержащие эту редакцию службы, происходят из новгородского региона, то можно предположить, что это местная переработка текста, приспособленная к региональным погодным условиям и потребностям.

Итак, приведенные примеры из всех славянских версий в сопоставлении с греческим текстом позволяют сделать следующие выводы.

В Синайском евхологии XI в. служба на бездожде соответствует древней южноитальянской традиции, где присутствуют всегда две молитвы. Однако в глаголической рукописи представлены не просто две молитвы, а чинопоследование с дьяконской ектенией, лития. К чинопоследованию, представленному в Синайском евхологии, близки русские служебники Соф. 584 и Соф. 600. Они имеют совпадения в текстах молитв, однако ектения в них претерпела ряд интерполяций в виде прошений общественного характера.

В Зайковском требнике XIV в. представлена только одна молитва на бездождие, что соответствует константинопольской традиции евхология X–XI вв. Изученные нами источники показывают, что эта практика либо вовсе не была известна на Руси, либо распространена крайне мало.

С XII в. в Византии число молитв на бездождие увеличивается, в евхологиях появляются блоки из трех молитв. При этом первые две молитвы подвергаются текстовой редакции. Славянские требники Син. 675, Син. 900, а также Солов. 1085/1194 свидетельствуют о том, что в XIV в. был сделан новый славянский перевод с этого типа службы. О том, что перевод сделан именно тогда, свидетельствуют буквальные лексические соответствия греческим словам и грецизированный синтаксис перевода.

На основе службы на бездождие на Руси была составлена служба о ведре. Софийские служебники Соф. 568, Соф. 578, Соф. 579, Соф. 580, Соф. 583, Соф. 588, Соф. 594 и Соф. 636 представляют собой сознательную переделку древнего последования, представленного в Синайском евхологии и в русских служебниках Соф. 584 и Соф. 600. Оно, по-видимому, было приспособлено под нужды северных регионов Древней Руси, где прошение о солнечной и ясной погоде было гораздо актуальнее, чем моление о дожде, которое в южных странах имело важное значение для богатого урожая. Правка проводилась последовательно по всему тексту, все прошения о дожде заменены на прошения о ведре, однако тексты молитв оказались не лишены смысловых противоречий, нарушающих внутреннюю логику текста.

Когда и где была создана служба о ведре? На этот вопрос нельзя сейчас ответить однозначно. Можно констатировать только, что в греческих источниках она отсутствует, а значит, это не переводная, а оригинальная служба. На это обратил внимание священник В. Прилуцкий, сравнивая старопечатные и некоторые рукописные служебники и требники XVI–XVII вв. с Евхологием Гоара [17. С. 328–331]. Мы можем отметить только, что создание службы о ведре производилось на базе древнего чинопоследования молитв от бездождия, содержащего две молитвы и соответствующего Синайскому евхологиию и южноитальянским евхологиям VIII–XI вв. Этот факт дает возможность сделать предположение, что служба о ведре была составлена на Руси до появления нового славянского перевода молитв от бездождия, который производился на базе новой греческой редакции службы в XIV в. Однако в ранних служебниках и требниках (XIII–XIV вв.) служба о ведре нам пока не известна, поэтому мы можем ограничиться только предположениями.

Новая славянская редакция молитв от бездождия, появившаяся в XIV в. и представленная в требниках, по-видимому, на Руси не получила широкого распространения, и в XVI в. продолжают переписываться древние чинопоследования, состоящие из двух молитв. При этом наибольшую распространенность среди рукописей Софийского собрания имеет отредактированная версия, приспособленная под местные северные нужды – служба о ведре, направленная на прошение сухой и ясной погоды.

Отметим также, что в служебниках и требниках некоторых других рукописных собраний – собрания Троице-Сергиевой лавры, Кирилло-Белозерского монастыря, Соловецкого монастыря, Основного собрания РНБ нам не встретилось списков службы о ведре. В служебниках Софийского собрания эта служба встречается очень часто. Как известно, формирование Софийского собрания осуществлялось за счет рукописей, свезенных с деревень, погостов и монастырей новгородского региона [18. С. 55–67]. Если мы обратимся к владельческим записям, сделанным на страницах исследованных нами служебников, то увидим, что эти рукописи происходят из Андрусова монастыря на берегу Ладожского озера (Соф. 583), из Косина монастыря в Старой Руссе (Соф. 600), из Каргополя (Соф. 568), из Тихвина (Соф. 588), с Верхосацкого погоста на реке Оять (Соф. 604) и т.д. Может ли

это свидетельствовать о том, что данная служба была составлена по инициативе церковных властей новгородского региона Древней Руси и изначально имела локальное распространение, а потом распространилась на другие территории? В XVII в. это последование входит, например, в состав Требника Петра Могилы, во Львовский требник 1645 г. Чтобы ответить на этот вопрос следует, конечно, просмотреть все служебники и требники XV–XVII вв., что нам еще сделать не удалось. Пока же мы можем выдвинуть следующую рабочую гипотезу: служба о ведре была составлена на Руси не позднее второй половины XIV в. на основе службы от бездождия древней южноитальянской редакции (древнейший ее славянский список – Синайский евхологий XI в.) по инициативе северо-западных, возможно, новгородских церковных властей. В дальнейшем, в XVI–XVII вв., она получает более широкое распространение, формируется молебный канон как на бездождие, так и на безведрие, который записывается в различных гимнографических книгах и обиходниках, и служба выходит за пределы северо-западного региона Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шнумтер М.* Молитвите против природни бедствия в новооткритата част на Euch. Sin. и техните късни южнославянски съответствия // **ПЪТИ ДОСТОИТЪ**. Сборник в памет на Стефан Кожухаров. София, 2003.
2. *Шнумтер М.* ESN – поздние славянские соответствия // Сборник статей к 60-летию проф. И. Тарнанидиса. Фессалоники, 2009 (в печати).
3. *Tarnanidis I.* The Slavonic Manuscripts discovered in 1975 at St. Catherine's Monastery on Mount Sinai. Thessaloniki, 1988.
4. *Holosnjaj B.* Zajkovski Trebnik № 960 Nationalbibliothek «Нл. Kirill und Methodij» in Sofia (Bulgarien). Roma, 1995.
5. *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1869. Отд. III: Книги богослужебные. Ч. 1.
6. L'Eucologio Barberini gr. 336 a cura di S. Parenti e E. Velkovska. Roma, 1995.
7. *Passarelli G.* L'Eucologio Crytense Г. β VII (sec. X). Θεσσαλονικη 1982.
8. *Jacob A.* L'Euchologe de Porphyre Uspenski. Cod. Leningr. Gr. 226 (X siecle) // Museon. 1965. № 78.
9. *Koster R.* Das Euchologion Sevastianov 474 (X/XI Jhd) der Staatsbibliothek Lenin in Moskau. Roma, 1991.
10. *Thiermeyer A.* Das Euchologion Ottoboni gr. 434 (Palästina 1174/75). Excerpta ex Dissertatione ad Doctoratum. Romae, 1992.
11. *Дмитриевский А.А.* Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках Православного востока. Киев, 1901. Т. II. Euchologia.
12. *Jacob A.* Les euchologes du fonds Barberini grec de la Bibliotheque Vaticane // Didaskalia. 1974. № 4.
13. *Goar J.* Euchologion sive rituale Graecorum. Venetiis, 1730.
14. *Афанасьева Т.И.* Молитвы Коленопреклонения в Пятидесятницу в славянских служебниках XI–XVI вв. // Palaeobulgarica. 2003. № 4.
15. *Афанасьева Т.И.* Чинопоследование Великого освящения воды на Богоявление в славянских служебниках XI–XV вв. // Palaeobulgarica. 2004. № 3.
16. L'Eucologio Barberini gr. 336 a cura di S. Parenti e E. Velkovska. Roma, 1995.
17. *Прилуцкий В.* Частное богослужение в Русской церкви в XVI и в первой половине XVII в. Киев, 1912.
18. *Розов Н.Н.* Служебники Новгородско-Софийской библиотеки // Изучение русского языка и историколингвистика. М., 1969.

© 2011 г. П. ГЛУШКОВСКИЙ

ФАДДЕЙ БУЛГАРИН В МИРЕ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Для Булгарина, как и для шляхты XIX в., происходившей из Великого княжества Литовского, характерно слияние польско-литвинской и имперской самоидентификации, что находило отражение в его мировоззрении и творчестве, а также в отношении к нему представителей российского общества.

Faddey Bulgarin (in the Polish tradition Tadeusz Bulharyn) as a representative of the nineteenth-century Polish gentry (*szlachta*) of the Grand Duchy of Lithuania had multiple identity, which combined both Polish-Lithuanian, and Russian-imperial features. This could not but found its manifestations in his worldview, his work, and the way contemporaries saw the writer.

Ключевые слова: польско-литвинская идентичность, имперская идентичность, Петровия, ноябрьское восстание (1830–1831).

Фаддей Булгарин практически всю свою жизнь прожил в Российской империи. Он многократно заявлял публике, что является русским, однако это не означает, что для него была характерна только русская идентичность. Напротив, Булгарин представляет собой образец совмещения нескольких идентичностей: польской, литовской, лифляндской, имперской, в какой-то степени славянской и только в последнюю очередь – русской. На разных этапах жизни Булгарина его идентичность претерпевала сильные изменения.

Булгарин – известная личность в истории русской литературы и журналистики. И в наши дни многие знают его как издателя самой популярной газеты второй четверти XIX в. – «Северной пчелы», как недруга Пушкина, сотрудника III отделения и литератора с одиозной репутацией. Булгарин был яркой индивидуальностью, и его достаточно сумбузная жизнь до сих пор является сюжетной основой для авантюрных романов [1]. Она позволяет лучше понять всю сложность проблемы идентичности поляков в Российской империи в первой половине XIX в., особенно тех из них, которые родились на территории современных Белоруссии, Украины и Литвы.

Булгарин родился в 1789 г. в имении Перышево Минского воеводства, на территории Речи Посполитой (впоследствии Минская губерния), в типичной польской шляхетской семье. Он был воспитан в духе польского патриотизма – даже имя Tadeusz (Фаддей) получил в честь Тадеуша Костюшко. В воспоминаниях Булгарин писал, что в детстве у него не было никаких сомнений относительно своей польскости [2. С. 13–81]. Учитывая тот факт, что его отец участвовал в восстании Костюшко (1794) и даже, по данным некоторых исследователей, убил русского генерала Воронцова, можно полагать, что до своего переезда в Петербург

Глушковский Петр – референт постоянного представительства Польской академии наук при РАН, соискатель Российского государственного гуманитарного университета.

Булгарин чувствовал себя поляком из Великого княжества Литовского. Это подтверждают его воспоминания, которые, хоть и являются крайне недостоверным источником, все же помогают нам понять его эволюцию. В них Булгарин ссылается на разговор с графом Ферзенем, относящийся к середине 90-х годов XVIII в.: маленький Тадуеш, благодаря графа за саблю, которую получил в подарок, сказал, что будет бить ею всякого, «кого дядя Костюшко прикажет» [2. С. 34]. В эту историю можно поверить, учитывая тот факт, что в семьях бывших повстанцев на территории Великого княжества Литовского существовал миф о Костюшко [3]. Семья Булгарина много лет жила в Белоруссии, принимая активное участие в местном управлении Речи Посполитой. Сохранились документы и свидетельства современников, показывающие, что род Булгариных отличался сильным патриотическим духом [4]. Несомненно, в это время у Булгарина была двойная польско-литвинская идентичность.

Булгарин и его семья были типичными представителями польского дворянства в Белоруссии. Польско-литвинская идентичность в XIX в. (и даже вплоть до Второй мировой войны) была естественной для большинства шляхты, происходившей из Великого княжества Литовского. Двойная идентичность последней воплощалась в выражении «Gente Lithuani (Rutheni), natione Poloni» («литвин (русин), польской нации»). Еще во второй половине XIX в. Мария Конопницкая писала: «Lachy i Litwini jednej matki synu» («ляхи и литвины одной матери сыны») [5. S. 152]. Булгарин не являлся исключением. Вспомним Тадеуша Костюшко, Адама Мицкевича или даже Юзефа Пилсудского.

Двойная польско-литвинская идентичность была, в основном, свойственна шляхте. Последняя не отождествляла себя с крестьянами, говорившими на местных белорусском, украинском, литовском языках, или наречиях русского языка [6. 1844. № 288]. У крестьян процесс национального пробуждения начался намного позже [7]. Тем более нельзя смешивать этническое понятие «литовец» и историческое «литвин» (житель Великого княжества Литовского).

Возможно, имперская и русская идентичности начали формироваться у Булгарина уже с 1798 г., когда он поступил в сухопутный кадетский корпус. Первые месяцы он испытывал сложности с адаптацией в русской среде [2. С. 106–107]. Возникли проблемы не только с русским языком, но и с культурными различиями. По всей вероятности, в корпусе Булгарин впервые лично столкнулся с проблемой «свой–чужой» [8. С. 181–186, 302–316]. Он был единственным поляком в корпусе. Несмотря на то, что, кроме русских, там обучались также представители других наций, Булгарин для них был «чужаком». «Кажется, я был первым из дворян новоприсоединенных от Польши провинций, – писал он. – Кадеты гренадерской роты дразнили меня *Костюшкой*, – разумеется не понимая значения этого прозвания» [2. С. 106].

Обычно адаптация у детей и молодых людей в чужой среде проходит очень быстро. У Булгарина никогда не было особых проблем с завязыванием знакомств и учебой. Он быстро преодолел языковой барьер и уже через несколько недель вписался в коллектив. «Я в такой степени обрусел в корпусе, – вспоминал Булгарин, – что ходил с товарищами в русскую православную церковь, даже учился православному катехизису в классах, у протоиерея Колосова, и был одним из лучших его учеников» [2. С. 142]. Он объяснял, что сменил католическую церковь на православную из-за товарищей, которые все являлись православными. Несомненно, это были большие перемены в жизни молодого человека.

В 1806 г. Булгарин поступил в его высочества цесаревича полк, где, сражаясь за Российскую империю, еще более сжился с русскими. Армия была для него вторым домом. Необходимо помнить, что в это время в кругу знакомых и друзей Булгарина было очень много поляков из Великого княжества Литовского, которые разделяли его судьбу и взгляды [9. S. 105–295]. Поляки питали серьезные надежды, связанные с восшествием на престол Александра I, многие литвины воспри-

нимали его как друга Польши, не допустившего бы разделов. На службу царю и Российской империи поступил не только Булгарин, но и намного более известные тогда А. Чарторьский и М. Огинский и другие поляки. Многие были довольны тем, что имели возможность сделать карьеру в Российской империи и царь выступал их защитником. Пророссийские позиции в Литве были очень сильны [10]. В 1811 г. появились даже идеи восстановления Великого княжества Литовского, в состав которого предполагалось включить восемь западных губерний. Новому литовскому государству предстояло не только стать барьером на пути Наполеона, но и подать пример Варшавскому княжеству, дабы последнее связало свое будущее с Российской империей. Многие, как М. Огинский, считали указанные идеи реальными. По мнению польского историка Д. Наврота, со стороны Александра I это была лишь дипломатическая игра [10. S. 71].

Благодаря пяти годам учебы и стольким же годам службы в армии, участием в многочисленных походах и сражениях, ордену Анны 3-ей степени Булгарин вполне мог почувствовать себя подданным Российской империи. Однако это не означало, что он перестал быть поляком, забыл о своих литвинских корнях и стал русским. Представляется, что Булгарину без особых проблем удалось включить свое восприятие Польши и Литвы в пространство Российской империи. Он был уверен в том, что, сражаясь за империю, продолжал оставаться польско-литвинским патриотом.

По всей вероятности, Булгарин идентифицировал себя не с этническими русскими, а с Русской империей: школой кадетов, своим корпусом и армией в целом, а также с родными землями, а позднее и с Лифляндией, которые входили в состав империи. Булгарин не знал другой России. Называя себя русским, он подразумевал принадлежность к общности всех жителей Российской империи, чувствовавших себя подданными царя Александра I, говоривших на русском языке и сражавшихся за империю.

Тем не менее, как и многие поляки из Великого княжества Литовского, мечтавшие о независимой Польше, Булгарин присоединился к наполеоновской армии. Он никогда не высказывался публично по этому поводу, а в письме А.Н. Потапову пояснял, что, будучи в Варшаве, «увлекся общим стремлением умов, страстью к путешествиям, блеском славы Наполеона и вступил в службу под его знамена. В извинение сего ничего не могу представить, кроме польского моего происхождения и моей неопытности. Всегда, однако же сохранял я братскую любовь к России и не участвовал в войне 1812 г.» [11. С. 43].

Война 1812 г. показала, что польско-литвинская идентичность была у Булгарина преобладающей. А.И. Рейтблат прав, указывая, что в 1807 г. был заключен Тильзитский мир между Францией и Россией и, определяясь во французскую армию, Булгарин не служил уже в армии российской [11. С. 7–8]. Однако как подданный России он не имел права поступать в армию даже союзной державы без высочайшего соизволения. С похожей дилеммой столкнулся самый известный поляк на российской службе – дипломат А. Чарторьский. В 1811 г. он находился в отпуске, и его определение на французскую службу считалось бы изменой Александру I. В июле 1811 г. Чарторьский подал прошение об отставке, в котором писал царю: «Как долго было это возможно, я выполнял свои обязанности относительно Вас и интересов России» (цит. по [12. S. 159]). Чарторьский не принял участия в военных действиях – в 1812 г. он находился в Австрии и на возвращение в Польшу решил только после поражения Наполеона [13. S. 15]. Поэтому неудивительно, что поступок Булгарина был после жесткой войны воспринят русскими как измена. В 1807–1812 гг. многие поляки оставили службу в России, чтобы сражаться за независимую Польшу. Булгарин следующим образом объяснял это массовое явление и одновременно собственный выбор в записке 1828 г.: «Врожденная любовь в поляках к отечеству и народности столь велика, что ни узы привязанности к доброму Царю, ни сама благодарность не удержи-

ла их от присоединения к французской армии, когда думали, что это последний шаг к восстановлению отечества» [11. С. 259]. Образцом такого поведения поляка послужил Булгарину Д. Радзивилл, который, несмотря на свою привязанность к Александру I, оставил российскую армию, чтобы, пусть в качестве рядового, сражаться за свободную Польшу [11. С. 258; 14. S. 315–330].

После поражения Наполеона Булгарин некоторое время жил в Минской, Могилевской и Виленской губерниях, но в 1819 году окончательно перебрался в российскую столицу и начал делать свою литературную и политическую карьеру в империи. Петербург был популярным местом жительства поляков. Уже в 1815 г. в северной столице проживали около 10 тыс. поляков [15]. Тогда в России существовали, переплетаясь, две тенденции в отношении русских к полякам: культурное сближение, с одной стороны, и недовольство, даже раздражение либеральной политикой и введением конституции в Царстве Польском – с другой. Булгарин как литератор сначала воспользовался волной русско-польского культурного сближения, но с течением времени он стал «жертвой зависти» русских к польской автономии. Для многих русских либеральное устройство Царства Польского было двойной несправедливостью. Против либеральной политики Александра I резко выступали даже ожидавшие реформ в России будущие декабристы.

Начало 1820-х годов – это полоса успехов в литературно-издательской деятельности Булгарина. С 1826 г. он начал сотрудничество с III отделением, а чуть позже был зачислен в Министерство народного просвещения. Вместе с Булгариным на российскую службу поступили тысячи его соотечественников, зачастую из числа бывших легионеров. Достаточно вспомнить Ю. Зайончека, В. Красильского, А. Ружнецкого и К. Друцкого-Любецкого. С этого времени у Булгарина имперская идентичность стала преобладающей.

Однако понимание империи было неразрывно связано с его представлением о Польше и Литве. Вновь образованное Царство Польское получило самостоятельность в рамках империи. Булгарин лелеял надежду, что литвины также получат определенную автономию, а к Царству Польскому будут присоединены австрийские и прусские земли. По сообщению М. Малиновского, он даже собирался подготовить для Николая I проект манифеста по этому поводу [16. S. 41].

Весьма характерны булгаринские записки в III отделение по вопросам польской независимости, ситуации в Литве и отношения поляков к Австрии. Булгарин хотел, чтобы Россия выступила против австрийцев и включила в свой состав Галицию [11. С. 147, 200–201]. По всей видимости, он действительно полагал в то время, что Польша и ее культура могут развиваться только в рамках Российской империи.

Одними из самых важных факторов формирования идентичности являются язык и религия. Для Булгарина родным языком был польский, но практически с юности он свободно говорил также на русском и французском языках. В отличие от О.И. Сенковского, с которым очень часто сравнивают Булгарина, последний пользовался польским языком до конца жизни [17. Ф 1231. Оп. 3. Д. 8. Л. 1–2]. В первые годы своей литературной деятельности в России Булгарин делал в текстах очень много ошибок, которые исправляли его сотрудники, прежде всего Н.И. Греч. Вероятно, польский (кроме русского) оставался главным языком для Булгарина и в 50-е годы XIX в. Об этом свидетельствуют многочисленные полонизмы, которые появляются в его статьях и особенно в переписке [18].

По мнению многих, вероисповедание – неотъемлемая составляющая идентичности. Хотя Булгарин всеми способами пытался убедить мир в своей русскости, он так и не решился, несмотря на десятилетний «православный» период в биографии, порвать с католицизмом. Источники не оставляют в том сомнений, что он оставался до последних лет своей жизни католиком [19. С. 419, 421]. Но как издатель официальной газеты Булгарин был вынужден отстаивать интересы пра-

вославленной религии несмотря на свое католическое вероисповедование, что в условиях Российской империи вовсе не являлось редкостью.

В отношении православия у Булгарина была сходная позиция с С.С. Уваровым, который, «хотя и не обладал глубокими понятиями о православии, смотрел на него как на необходимый источник культурного, этнического и политического единства» [20. С. 112]. Он отличался от Уварова тем, что в его понимании православие не стояло над другими христианскими конфессиями. Защищая официальную религию России, он часто заменял слово «православие» другими: «христианская религия», «христианство» [6. 1854. № 64; № 53]. Булгарин несколько по-другому формулировал знаменитую уваровскую триаду: вера/христианство, царь и отечество/Россия [6. 1854. № 85; № 109]. Время от времени он забывал даже о первом компоненте. Народы Российской империи, согласно Булгарину, «соединены между собой одним чувствованием, любовью и преданностью к русскому царю и одной мыслью – охранением своей родины и благодатного русского правительства» [6. 1855. № 203].

Формирование идентичности Булгарина – это длительный процесс, подвергшийся влиянию многих обстоятельств. Однако, кажется, можно назвать одну конкретную веху, коренным образом изменившую его жизнь. Такой вехой были 1830–1831 г., когда с началом восстания перед поляками встал вопрос: чью сторону принять? Значительная часть польско-литвинской шляхты была против восстания и тем не менее приняла участие в войне за независимость [21]. Булгарин не сомневался в том, что у поляков нет никаких шансов в борьбе против России. Возможно, сказались опыт войны 1812 г. или убеждение, что Польша и Литва должны быть самостоятельными, но в рамках Российской империи. Он однозначно осудил повстанцев и остался в империи, пытаясь нейтрализовать последствия восстания. В 1831 г., после смерти своего покровителя М.Я. фон Фока, Булгарин прекратил активное сотрудничество с III отделением и обосновался в Лифландии.

Следует задаться вопросом, мог ли Булгарин чувствовать себя поляком после 1831 г.? Убежден, что ответ должен быть положительным. Конечно, его мировоззрение значительно отличалось от взглядов польских участников восстания, однако многие другие поляки также были настроены против восстания. Напомним, что повстанцы убили шесть польских генералов, а ночью 29 ноября 1830 г. поляки сражались, прежде всего, друг с другом, а не с русскими или империей [5. S. 272–273]. В 1855 г. Булгарин объяснял причины своего переезда в Лифляндию следующим образом: «В 1831 году мне пришла охота жить в деревне, в моем Карлове, по польской натуре, любящей поля и леса» [22. С. 155]. В его личной библиотеке было большое количество новых польских книг, на которых он оставил свои пометки на польском языке [23. Ф. 4. Оп. 1. Д. 347; Оп. 2. Д. 55. Л. 13–43 об.] у него сохранялась постоянная связь с поляками, интерес к польскому вопросу и месту Литвы в Российской империи.

Следовательно, нельзя сказать, что в 1830-е годы Булгарин сменил идентичность. После восстания он неоднократно затрагивал польские темы в своем творчестве [24], помогал полякам в Петербурге и Дерпте. Стоит также отметить, что у всех детей Булгарина польские имена (Болеслав, Владислав, Мечислав, Святослав и Хелена), несмотря на то, что их мать была по происхождению немкой. Из свидетельств его польских знакомых мы знаем, что до конца жизни Булгарин чувствовал себя поляком: «Каждый поляк, нуждающийся в его поддержке в артистической, литературной профессии или даже в какой-то другой области, – всегда получал помощь; в таких случаях он нахваливал их сверх всякой меры и, разумеется, денег не брал. Дом его также всегда был открыт для поляков, особенно из Литвы» [25. S. 218].

Представляется, что имперская идентичность преобладала у Булгарина с 1831 г. до конца жизни. Он чувствовал себя, прежде всего, подданным Российс-

кой империи и русским в этом, имперском, смысле. Необходимо помнить, что он писал для русской публики и всегда обращался к читателям как русский, все события комментировал с точки зрения русского.

Стоит заметить, что Россия, в представлении Булгарина, – вполне открытая для всех в смысле карьерных возможностей европейская многонациональная держава, а не «Святая Русь». На примере М.Б. Баркляя де Толли он показал, что чужеземец тоже может стать соотечественником и даже «первым сыном России» [б. 1837. № 7]. Н. Рязановский доказывает, что Россия была для Булгарина петровской [26. Р. 109]. Булгарин действительно многократно подчеркивал роль Петра в создании современной империи. Самое характерное высказывание на сей счет можно найти в его «Воспоминаниях», где он соглашается с мнением Е.Ф. Канкринина, что русские должны называться «петровцами»: «При варяго-русских правителях мы были варварами, азиатами, и как в старину монголы покорили Россию, так в течение времени растерзали ее наши европейские соседи, если б не родился Петр! Всем: славой, силой, довольством и просвещением обязаны мы роду Романовых, и из благодарности должны были бы переменить наше общеплеменное название *славян* на имя творца империи и ее благоденствия. Россия должна называться *Петровией*, а мы – *петровцами*, или империя – *Романовой*, а мы – *романовцами*» [2. С. 85].

Булгарин во многих своих статьях подчеркивал, что нет более способных людей, чем русские, но и прочие народы Российской империи ни в чем не уступают русским [б. 1855. № 203; 1856. № 193]. Однако надо помнить, что он по собственному желанию поселился в Лифляндии, которая сильно отличалась от коренных русских земель. Характерно также, что Москва – древняя столица России, вызывала у Булгарина сугубо исторический интерес. Посетить ее он собрался лишь в 1854 г. [б. 1854. № 30, 39, 44].

Для Булгарина до конца жизни быть русским означало писать полезные нравственные книги на русском языке, прославлять царя, помогать расширять и улучшать Российскую империю. Он гордился тем, что является верноподданным царя и издавал на русском языке проправительственную «Северную пчелу». Однако Булгарин не был эмоционально связан с Москвой и другими этнически русскими землями [27]. Воображаемое отечество для Булгарина – это Петербург, лифляндское Карлово, где находилось его имение, Литва, Царство Польское. В ментальной географии Булгарина не было места исторической столице России и многим другим коренным русским землям. Для него «идеальной родиной» была не вся Российская империя, а только отдельные ее части. Лифляндские немцы были ему намного ближе, чем москвичи. А. Киркор писал, что «настоящим москалем Булгарин никогда не был» [25. S. 218].

Булгарин стремился к тому, чтобы Российская империя была могущественной европейско-славянской державой, неоднократно замечая, что Россия является единственной страной, которая способна защищать интересы славян. «По моему мнению, – писал он, – все, что касается до славянских племен, должно иметь для нас особую занимательность. Мы, славяне, составляем особое племя, в котором все прочие племена стараются истребить даже память о славянском происхождении. Но на земном шаре есть почти особенная часть света, неотразимая Россия, сохраняющая еще славянский характер и язык. Это магнит для славянского сердца!» [б. 1856. № 9].

Булгарин подчеркивал, что романские и германские народы считают славян худшими из людей, и потому те должны держаться вместе [б. 1855. № 101]. Эта мысль прослеживается в описаниях поляков, сербов и черногорцев, но особенно сильно она звучала в книге «Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношениях» [28] и во время Крымской войны. Русские – самый многочисленный народ, однако это не означало, что их культура лучше польской, а солдаты – бодрее сербских. Воззрения Булгарина были боль-

ше славянскими, нежели русскими. Поэтому правильнее говорить о славянской, а не русской идентичности Булгарина, согласно которой все славяне должны искать покровительства России и сплотиться вокруг нее в «единую славянщину». «Слава Богу, – восклицал Булгарин, – что на земном шаре существует необъятная, сильная, могущественная Россия, которую можно назвать *особой планетой*, и что в России всем простор, а особенная любовь и участие официального большинства – принадлежат соплеменникам (славянам. – П.Г.) [6. 1854. № 9].

Можно считать Булгарина одним из первых польских идеологов панславизма. В первой половине XIX в. многие поляки считали, что их народ может развиваться только под скипетром Российской империи [29]. Булгарин одним из первых открыто писал о политическом и культурном объединении всех славян под властью России. Тем самым он принципиально отличался от другого крыла польских панславистов, которые считали, что Польша должна играть ведущую роль в объединении славянства (Мицкевич, Товянский и их известная идея Польши – Христа народов) [30].

Булгарин жил еще в донационалистическую эпоху. До 50–60-х годов XIX в. поляки не были для русских инородцами. До начала Крымской войны (и даже взрыва Январского восстания 1863 г.) Польша была устойчивым элементом большинства панславистских концепций. Однако уже в 1840-е годы появились сомнения относительно славянской природы поляков. Уваров, очевидно по требованию императора, впервые провел четкое патриотическое различие между «славяно-русской» и «чисто русской» народностью [20. С. 247–248]. В 1860-е годы славянофилы начали называть Польшу «Иудой славянщины».

Вероятно, можно говорить еще об одной идентичности Булгарина – ливонской. В 1840–1850-е годы он многократно писал в «Северной пчеле» о Ливонии как своей земле, о Дерпте как о своем городе, а о Карлове как своей «норе» [6. 1856. № 38, 123], подчеркивая особенности Ливонии и отличия ее от других российских земель: «Словом, живя в Дерпте, можешь сказать, что живешь в Европе» [6. 1858. № 258]. Он делал ставку на общую для всех подданных империи независимо от национальной принадлежности. Российская империя должна быть русской и славянской, но Булгарин был убежден, что и другие нации могут быть полезны для государства.

Стоит задуматься над тем, как оценивали идентичность Булгарина его современники и как к ней относятся сегодня. До 1830 г. множественная идентичность Булгарина не вызывала осуждения у большинства русских и у поляков. Русские не вспоминали о происхождении Булгарина и участия в войне 1812 г. в рядах наполеоновской армии. Только «литературная аристократия» знала об участии Булгарина в войне против России. Для большинства читателей он был хорошим редактором и талантливым писателем. Поляки же понимали причины, по которым Булгарин уехал в Петербург. И те, и другие считали его «своим», о чем свидетельствует переписка Булгарина с поляками и высказывания его земляков [31. 1878. № 9; 32. С. 24–48]. В то время он был одним из нескольких тысяч поляков, уехавших в столицу империи ради карьеры и денег.

Большинство поляков были воспитаны в традициях толерантности и хорошо знали, что двойная или тройная идентичность вполне возможна. В 1829 г. Ю. Немцевич называл Булгарина мостом между польской и российской литературой [33. С. 133–134], годом позже благодарил его за книгу «Иван Выжыгин», был рад, что тот «служит общему двух народов государю», но одновременно предостерегал: «Вы избрали себе отечеством страну блистательнейшую и сильнейшую, нежели прежняя Ваша родина, но трудясь для славы и пользы нового отечества, не забывайте никогда родимой страны, ибо чем несчастнее мать, тем дети ее должны более любить» [11. С. 383].

После восстания большинство поляков отвернулись от Булгарина, считая его изменником и клеветником. По версии графа Ф. Скарбека, Булгарин сам отрек-

ся от Польши. «Я поляк, сказал он (Булгарин. – П.Г.), я служил Польше как военный, поскольку сражался в Испании в надвислянском легионе, таким образом я заплатил свой долг родине и полностью с нее рассчитался. Затем я поселился в России, получил там чин и заработал немалые деньги, редактируя газету и издавая свои сочинения на русском языке, в результате чего стал рьяным русским в благодарность стране, в которой сделал состояние, но ныне я и с Россией уже в расчете и могу себе спокойно отдыхать» [34. S. 182]. Этот упрощенный взгляд характерен для большинства поляков до сих пор [35].

После 1830 г. многие русские современники Булгарина, невзирая на заверения в том, что он русский, не хотели признать его своим соплеменником. До Ноябрьского восстания все литературные круги хорошо знали биографию Булгарина, но не делали из нее проблемы. Польские сюжеты стали тогда даже характерными для творчества Булгарина, который уже в 1822 г. был принят в Вольное общество русской словесности [36. С. 124]. Русские также считали Булгарина посредником между Польшей и Россией в литературной и культурной областях. М.Т. Каченовский даже называл его «гражданином двух литератур» [31. 1903. № 12. С. 602].

Несмотря на то, что Булгарин неоднократно в своих изданиях с официальных позиций критиковал повстанцев и отстаивал интересы России, в кругах русских литераторов после 1830 г. он все же воспринимался поляком. В 1830-е годы появилось много эпиграмм, в которых подчеркивалась польская национальность Булгарина. Широко известна пушкинская формула: «Не в том беда, что Ты поляк, / Мицкевич лях, Косцюшко Лях». Еще более характерна эпиграмма князя П.П. Вяземского: «Булгарин – вот поляк примерный, / В нем истинных сарматов кровь: / Смотрите, как в груди сей верной / Хитра к отечеству любовь. / То мало, что из злобы к русским, / Хоть от природы трусоват, / Ходил он под орлом французским / И в битвах жизни был не рад. / Патриотический предатель, / Расстрига, самозванец сей – / Уже не воин, а писатель, / Уж русский, к сраму наших дней. / Двойной присягою играя, / Подлец в двойную цель попал: / Он Польшу спас от негодяя / И русских братством запятнал [37. С. 256].

Польская национальность Булгарина подчеркивалась многими. Он упомянут В.Ф. Одоевским, писавшим о польской партии в русской литературе [38]. По свидетельству современников, К.П. Брюллов придал портретное сходство с Булгариным польскому воину на картине «Осада Пскова» [39. С. 298]. Русские приписывали Булгарину многие отрицательные черты, которые у них ассоциировались с Польшей.

В последние годы в России возродился интерес к Булгарину [40]. В течение десяти лет издано более 100 монографий и статей. В некоторых из них предпринималась попытка изменить мнение о Булгарине и даже представить его одним из крупнейших русских писателей [41] и идеологов Российской империи [42]. Однако эти труды известны лишь узкому кругу булгариноведов. В российском общественном мнении реабилитация Булгарина едва ли возможна, и он останется для русских «ляхом», «примерным поляком», боровшимся против Пушкина и России.

В XX–XXI вв. практически все польские историки и литературоведы подчеркивают русскость Булгарина [43. С. 233, 259]. Сегодня почти никто не замечает, что Булгарин сделал значительно больше для распространения польской культуры в России, чем многие другие современные ему деятели (ср. [44]). Он также активно помогал полякам [45. S. 493–494]. Неоднозначная деятельность Булгарина, его жизнь в России, издание официозной «Северной пчелы» и популярность как литератора не вписываются в сильно развитый в Польше миф о постоянной борьбе поляков с Россией.

Л.Е. Горизонтов справедливо заметил, что «число спорных исторических фигур умножается по мере развития национальных историографий Украины, Белоруссии и Литвы» [46. С. 115]. Булгарин попадает в это число. Можно ли говорить

о его белорусской идентичности? Думается, что у Булгарина таковой не было. Между тем, в Белоруссии в последние годы высказывается мнение о белорусских корнях Булгарина. Никто не спорит, что Булгарин родился на территории сегодняшней Белоруссии и что он был связан с ней более, чем с другими землями Речи Посполитой. Однако важно то, что Булгарин не являлся белорусским писателем. Нельзя вслед за А. Зимовским утверждать, что Булгарин «был первым белорусским писателем», сомневающимся в таланте Пушкина, «предтечей и основателем [...] белорусской журналистики» [47]. У лучшего белорусского знатока творчества Булгарина А. Федуты необходимое разграничение понятий также четко не проведено [48. С. 5–42].

Разбирая польскую книгу «Шляхтич Завальня, или Белоруссия в фантастических рассказах Яна Баршчевского», Булгарин подчеркивал, что нельзя называть белорусскими писателями польских и русских авторов: «Этот взгляд *несправедлив*, с первого слова до последнего. Автор исчисляет всех иезуитов, всех католических проповедников, всех поэтов и прозаиков, родивших в Белоруссии и писавших по-латыни и по-польски. Разве это белорусская литература? Белорусы имеют свое собственное наречие, которое некогда называлось русским языком, и этим языком говорили во всей Западной Руси и князья, и бояре, и шляхта, и крестьяне, и этот язык был письменный» [6. 1844. № 280].

Изучение динамики формирования идентичности Булгарина является весьма сложной задачей. Булгарин был примером множественной идентичности, характерной для шляхты, происходившей из Великого княжества Литовского. До конца жизни он ощущал себя поляком из Белоруссии, зная с 1812 г., что шансов на восстановление прежнего отечества нет.

Идентичность Булгарина – очень интересный объект для исследований имагологических. На его примере хорошо видно, сколь сложной является польско-российская история и как сильно стереотипы влияют на историческую память. Нет сомнений, что Булгарин остался в памяти русских как фигура сугубо негативная и это повлияло на образ поляка вообще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Филатов Н.* Тайные розыски, или Шпионство. СПб., 2006.
2. *Булгарин Ф.* Воспоминания. М., 2001.
3. *Korzon T.* Kim i czym był Kościuszko. Warszawa, 1907; *Koneczny F.* Tadeusz Kościuszko: życie, czyny, duch. Na setną rocznicę zgonu Naczelnika. Poznań, 1907.
4. *Uruski S.* Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. Warszawa, 1905. T. 2. S. 82; Herbarz rodzin szlacheckich Królestwa Polskiego. Warszawa, 1853. T. 1. S. 109; *Ciechanowicz J.* Z rodu polskiego. Rzeszów, 1999. T. 2. S. 57–63.
5. *Chwalba A.* Historia Polski 1795–1918. Kraków, 2008.
6. Северная пчела.
7. *Szybieka Z.* Historia Białorusi. Lublin, 2002; *Podróż przez część powiatu Wilkomirskiego, Kurlandii i Inflant, w miesiącu lipcu i sierpniu roku 1819 // Dziennik Wileński.* 1819. № 9.
8. *Лескинен М.В.* Поляки и финны в российской науке второй половины XIX в.: «другой» сквозь призму идентичности. М., 2010.
9. *Czubaty J.* Zasada «dwóch sumień». Normy postępowania i granice kompromisu politycznego Polaków w sytuacjach wyboru. (1795–1815). Warszawa, 2005.
10. *Nawrot D.* Litwa i Napoleon w 1812 roku. Katowice, 2008.
11. Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф.В. Булгарина в III отделение. Рейтблат Л.И. М., 1998.
12. *Skowronek J.* Adam Jerzy Czartoryski. 1770–1861. Warszawa, 1994.
13. *Łojek J.* Opinia publiczna, a geneza Powstania Listopadowego. Warszawa, 1983.
14. *Nawrot D.* Dominika Radziwiłła przypadki na polu chwały // *Radziwiłłowicze. Obrazy literackie – biografie – świadectwa historyczne.* Lublin, 2003.
15. *Wołoszyński R.* Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych. Warszawa, 1974. S. 12; *Bazyłow L.* Polacy w Petersburgu. Warszawa, 1984.
16. *Malinowski M.* Dzienniki. Wilno, 1904.
17. Российский государственный архив литературы и искусства.

18. Усов П.С. Ф.В. Булгарин в последнее десятилетие его жизни (1850–1859) // Исторический вестник. 1883. № 8.
19. Литературный вестник. 1901. № 4.
20. Виттекер Ц.Х. Граф Сергей Семенович Уваров и его времена. СПб., 1999.
21. Kijowski A. Listopadowy wieczór. Warszawa, 1972; Słowacki J. Kordian. Kraków, 2006.
22. Булгарин Ф.В. Письмо Липранди // Русский архив. 1869. № 9.
23. Отдел рукописей и редких книг библиотеки Тартуского университета.
24. Булгарин Ф.В. Мазепа. М., 1990. С. 367–635; Булгарин Ф.В. Дмитрий Самозванец. М., 1994.
25. Kirkor A. O literaturze pobratymczych narodów słowiańskich. Odczyt publiczne w muzeum techniczno-przemysłowym w Krakowie. Kraków, 1874.
26. Riasanovsky N. The Image of Peter the Great in Russian History and Thought. New York, 1985.
27. Possevino A. Moscovia. Warszawa, 1988.
28. Булгарин Ф.В. Россия в историческом, статистическом, географическом и литературном отношении. СПб., 1837.
29. Idee wspólnotowe słowiańszczyzny. Poznań, 2004; Kuk L. Orientacja słowiańska w myśli politycznej Wielkiej Emigracji (do wybuchu wojny krymskiej). Geneza, uwarunkowania, podstawowe koncepcje. Toruń, 1996; Klarnier Z. Słowianofilstwo w literaturze polskiej lat 1800 do 1846. Warszawa, 1926.
30. Mickiewicz A. Paryskie prelekcje. Kraków, 1997; Batowski H. Mickiewicz jako badacz słowiańszczyzny. Wrocław, 1956; Janion M. Niesamowita słowiańszczyzna: fantazmaty literatury. Kraków, 2007.
31. Русская старина. 1878.
32. Galster B. O Lelewelowskiej krytyce Karamzina // Paralele romantyczne. Warszawa, 1987.
33. Krauchar A. Towarzystwo Warszawskie Przyjaciół Nauk. 1800–1832. Kraków; Warszawa, 1905. Т. 3.
34. Skarbek F. Pamiętniki Fryderyka Hrabiego Skarbka. Poznań, 1838.
35. Zdrada J. Historia Polski 1795–1914. Kraków, 2005; Brückner A. Historia literatury rosyjskiej. Lwów, 1922. Т. II. S. 11–12.
36. Записки общества // Соревнователь просвещения и благотворения. 1821. № 15.
37. Вяземский П.А. Стихотворения. Л., 1986.
38. Одоевский В. О полонизме в русской литературе 30-х годов // Отечественные записки. 1865 г. Кн. I. С. 65.
39. Каратыгин П.П. Северная пчела. 1825–1829 // Русский архив. 1882. № 4.
40. Рейтблат А.И. Библиографический список книг и статей о Ф.В. Булгарине (1958–2007) // Новое литературное обозрение. 2007. № 88.
41. Акимова Н.Н. Ф.В. Булгарин: литературная репутация и культурный миф. Хабаровск, 2002; Львова Н. Каприз Мнемзины // Булгарин Ф.В. Сочинения. М., 1990; Рейтблат А. Видок Фиглярин: История одной литературной репутации // Вопросы литературы. 1990. № 3.
42. Янов А. Загадка Фаддея Булгарина: Социально-исторический очерк // Вопросы литературы. 1991. № 9/10; Алтунян А.Г. «Политические мнения» Фаддея Булгарина: идейно-стилистический анализ записок Ф.В. Булгарина к Николаю I. М., 1998.
43. Kucharzewski J. Od białego caratu do czerwonego. Epoka Mikołajewska. Warszawa, 1998. Т. 1.
44. Mejszutowicz Z. Powieść obyczajowa Tadeusza Bułharyna. Wrocław, 1978.
45. Mickiewicz A. Listy // Dzieła. Warszawa, 1955. Т. 14.
46. Горизонтов Л.Е. Парадоксы имперской политики: поляки в России, русские в Польше (XIX – начало XX в.). М., 1999.
47. Зимовский А. Фаддей Булгарин и fake-структуры // Naviny http://naviny.by/rubrics/opinion/2007/11/26/ic_articles_410_154134/ [14.03.2010].
48. Федута А. Фадзей Булгарин. Мінск, 2003.

© 2011 г. Т.А. АГАПКИНА

СИМВОЛИКА И ОБРЯДОВЫЕ ФУНКЦИИ ТАНЦА И ХОРОВОДА В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ СЛАВЯН

В славянской традиционной культуре танец и хоровод считались формой ритуального поведения, в связи с чем они активно «использовались» в ритуалах, магии и обрядности. Вместе с тем танец и хоровод расценивались как неблагочестивые и «бесовские» формы досуга, которые, наряду с пением, качелями и др., осуждала православная церковь, а люди, склонные к таким занятиям, подлежали наказанию, в том числе и после смерти.

In the traditional Slavic culture, dance and round dance were considered as a form of ritual behaviour. They were widely «used» in magic, calendar rituals and wedding-ceremonies. At the same time, dance and round dance were regarded as ungodly and «demonic» forms of leisure-time. The Russian Orthodox Church condemned dancing, round dancing, singing, swing and similar forms of leisure. It was believed that people, inclined to such a pastime, should be punished, up to the death-penalty.

Ключевые слова: танец, хоровод, форма досуга, традиционная культура славян, символика.

Танец и хоровод принадлежат к наиболее популярным формам народного досуга, участие в котором традиционно принимали представители практически всех возрастов и социальных групп общества. Наверное поэтому и танцы, и хороводы не были обойдены вниманием исследователей: хореографии как виду народного искусства во всех славянских странах посвящена огромная специальная литература.

Что же касается стоящей перед нами задачи, то она совершенно иная. В данной работе мы рассмотрим остававшиеся обычно в стороне от внимания исследователей аспекты традиционных танцев и хороводов, а именно их символику, обрядовые и магические функции, а также фольклорные мотивы, связанные с танцами и хороводами. При этом мы отдаем себе отчет в том, что предлагаемые наблюдения представляют собой скорее подход к теме и ни в коей мере не исчерпывают ее.

Уместно напомнить, что народные танцы и хороводы составляют весьма пеструю картину форм, видов и способов ритмически организованного движения, разворачивающегося в пространстве и времени. Танец и хоровод бывают коллективными и индивидуальными, под музыку и/или пение и без вокального, музыкального и игрового сопровождения, быстрыми и медленными; они исполняются в помещении и на открытом воздухе, часто в специально отведенных для этого местах; их участники держат друг друга за руки, под локоть, за пояс, положив руки на плечо друг другу или хоровод остается разомкнутым; участники движения могут выстраиваться в круг, шеренгами, рядами, парами или как-то иначе;

Агапкина Татьяна Алексеевна – д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

двигаться прямо, кругом, змейкой; в одном направлении или в разных, справа налево и слева направо, танец исполняется отдельно женщинами или мужчинами или состав участников оказывается смешанным; исполнители выстраиваются свободно или в соответствии со своим социально-возрастным статусом; движение возглавляет ведущий или же танцующие двигаются сами и свободно, никем не руководимые и не ведомые, и т.д. и т.п.

Танцу как виду организованного движения в традиционной культуре присущи несколько основных функций. Прежде всего танец был знаком веселья и формой выражения радости, т.е. оказывал стимулирующее воздействие – причем не только для людей, но и для предметов, культурных растений и др. В Полесье ([1] Онисковичи Брестской обл.) считали, что в то время, пока в доме покойник, подготовленную основу беспелезно красить – она все равно останется светлой; поэтому чтобы покрасить ее, с ней нужно было потанцевать, ср.: «бэруть тую осноўу, ідуць танцоўаць, шоб ўона красілась». В Вятской губернии, чтобы сваренное к празднику пиво было «веселым», вливающие его в чан женщины должны были от души плясать вокруг этого чана [2. С. 96]. С семантикой «радости» и «веселья» связана также фразеология «игры солнца» – особого типа движения светила, которое в большие праздники «скачет», «танцует», «играет», «радуется» и т.д., см. также семантический и символический параллелизм *играть* (в том числе ‘танцевать’) и *гулять* и др., например, брест. *гулялы на Купалу* ‘танцевали’ [3. С. 354]. Как следствие этого, танец приобретал продуцирующее значение и был способом повышения производительных сил человека, земли и скота, чем объясняется, в частности, его активное присутствие в свадебном обряде (согласно русским приметам, например, если домовая поет и пляшет, – быть в доме свадьбе [4. С. 153]), а также в аграрных – обрядах календарного цикла. Так, когда бы у хозяйки не уродились лен и конопля, поляки объясняли это тем, что «*gospodyni nie hulala lub kiepsko hulala w Zapusty*» (хозяйка не гуляла или плохо гуляла на заговенье), причем под «гулянием» понималось исполнение в корчме специального масленично-го танца [5. С. 102].

С точки зрения места в обряде танец часто завершал обряд или один из его этапов, а также выделял некое событие или обрядовое лицо из ряда других, т.е. выполнял сугубо ритуальные функции. Будучи формой досуга, особенно молодежного, танец выполнял также ряд социально-детерминирующих и социально-регулирующих функций (в посвятительных обрядах, а также бытовых и ритуализованных ситуациях).

Танец/хоровод как ритуальное действие входил в состав многих к а л е н д а р н ы х о б р ы д о в. У болгар, сербов и македонцев играли «коло»/«хоро» на Рождество, в Новый год, в канун 1 марта, на Пасху, в Юрьев день, а также ежедневно в период мясоеда. У сербов «коло» было элементом новогодних обходов «сироварей» – колядующих парней, которые ворошили угли в очаге, высказывали благопожелания в адрес хозяев, танцевали, жгли костры и т.д. [6. С. 305]. В окрестности Тимока танец был одним из элементов традиционного чествования рождественского полена – «бадняка»: его «кормили», надевали на него венок, «поили» вином, целовали, танцевали вокруг него «коло» и только потом помещали в очаг [7. С. 50]. В Болгарии (Русенско) в канун Нового года в домах всю ночь «играли хоро» ради здоровья, долголетия и урожая [8. С. 336]. «Коло»/«хоро» танцевали в составе весенних (пасхальных, вознесенских, троицких, ивановских) обходов дворов. В восточной Сербии «лазарицы» (девушки брачного возраста, обходившие дома в Лазареву субботу или Вербное воскресенье) исполняли во дворах обрядовые танцы, причем никто не смел останавливаться во время танца, иначе посевы перестали бы расти. Так же и в западной Болгарии требовалось, что «лазарки» непрерывно кружились в хороводе, что должно было благоприятно повлиять на урожай, роение пчел, завязь плодов и т.д. Аналогичными «лазарским» были «краслицкие» обходы в Сербии и восточной Хорватии, обходы «ладариц» в

Хорватии и Словении: девушки брачного возраста обходили село и исполняли перед хозяевами танцы, которые, как и их пение не должны были прерываться; танцами сопровождалась у болгар и процессия девушек, которые в летний Иванов день водили ряженую невестой «Еньову булю». Танцы были обязательны также для девичьих процессий в составе обрядов вызывания дождя, причем непрерывное движение в танце главного персонажа этой процессии было одним из основных условий совершения обряда, связанным с его общей продуцирующей направленностью, с мотивом движения дожденосных туч [9. С. 138–140, 498–500, 518, 521].

У восточных славян вождение хороводов было строго регламентировано. Обычно они начинались после Пасхи, а заканчивались после Троицы, в петровское заговенье или позже, ближе к жнивам. Летним (вознесенским и троицким) хороводам часто придавался «разгонный» смысл. Таково гомельское «вождение стрелы/сулы» или поволжская «гоньба утушки», когда на Троицу процессия молодых женщин и девушек, сцепившихся руками, двигалась по селу из конца в конец под пение протяжных песен, тем самым обозначая окончание периода хороводных гуляний [10. С. 646].

Общим местом множества танцев и хороводов, как обрядовых, так и бывших частью традиционного праздничного времяпрепровождения, является непрерывность движения: танец и хоровод должны были длиться до тех пор, пока не заканчивалась песня, под которую его вели, пока не переставали играть музыканты, а прерывать движение хоровода или танца считалось не только неправильным, но и опасным.

У восточных и западных славян разнuzданные пляски сопровождали эпизоды поношения, осмеяния, изгнания или уничтожения многих обрядовых чучел, календарных символов и сезонных демонов (Масленицы, Пуста и Карнавала, Кузьмы-Демьяна, русалки, Костромы, «весны» и др.). Танцы и хороводы в составе календарных обрядов зачастую были организованы так, что они «оказывали» главного персонажа обряда или основной ритуальный предмет. Плясали и водили хороводы вокруг троицкого деревца или завитых венков (во время «кумления» девушек у русских и белорусов), вокруг купальского костра или купальского деревца у белорусов и украинцев; в рязанском обряде «проводов русалки» в середине процессии шла бойкая женщина, которая несла чучело русалки и танцевала с ним, и т.д. Почти обязательными были пляски и в составе традиционных женских праздников, таких, например, как западноукраинский апотропеический обряд «гонити шуляка» (гонять ястреба), когда после изгнания или растерзания хищной птицы участники обряда устраивали пирушку, сопровождаемую разнuzданными танцами и пением «срамных» песен [11].

Танец был характерной и часто едва ли не единственной формой поведения ряженых, поскольку многие из них, скрывающиеся под маской, вынуждены были молчать, чтобы не выдать себя голосом. На Украине в день св. Варвары женщины наряжались нищими – «бабой» и «дедом», они ходили от избы к избе и танцевали, тем самым выпрашивая пшено, муку, коноплю ([1] Чудель Ровенской обл.). В Полесье традиционным святочным развлечением было «вождение козы», которая обязательно танцевала в доме. На Русском Севере ряженые в «лошадь», «козу», «покойника» и другие маски танцевали на зимних, в том числе святочных «беседах», веселя и пугая присутствующих. В Архангельской обл. название ряженых *веретельники* объясняли особенностями их поведения, говоря, что они *веретятся*, т.е. пляшут и паясничают ([1] Тихманьга).

Танцы были составной частью многих окказиональных и хозяйственных обрядов, причем зачастую танцы отмечали либо наиболее важные их этапы, либо их окончание. В Полесье после первого выгона скота в поле устраивали праздник с угощениями для пастухов и танцами. В вятской «троецыплятнице» – обетном женском празднике, проходившем в тишине и покое, на тре-

тый день, по завершении основных ритуальных действий, устраивалось гуляние с пением и плясками [12. С. 110]. У словаков в области Высоких Татр в день св. Яна проходил пастушеский праздник, называемый «валашский пир» (*valašska hostina*): на высокогорное пастбище приезжали из деревень родственники пастухов, здесь устраивали угощение, танцы и веселье до самого утра [13. С. 143–144]. У болгар в Бабин день (8/21.01) после окончания трапезы у повитухи все присутствовавшие женщины выходили на «хоро», после чего расходились по домам [14. С. 9]. У южных славян танцы и хороводы завершали все сколь бы то ни было заметные события хозяйственной жизни: жатву, молотьбу, сбор кукурузы, фруктов и винограда, чесание конопли и шерсти и т.д., а также сопровождали общественные собрания по самым разным поводам.

У восточных и западных славян танцы также отмечали окончание жатвы: хозяин выставлял угощение для нанятых им жней, после чего они веселились и танцевали по дороге домой с поля или в нанятом для этого доме, надев на голову дожинальный венок или подбрасывая последний сноп. В Полесье после дождя на поле оставляли связанные в традиционную жатвенную «бороду» колосья, вокруг которых танцевали жнеи, см.: «Як ўжэ послідняго снопа завязалы, то снопом воны танцавалы. Схопіць та жынка того снопа ў гору, кругом тэй бороды обійдэ разіў пару, да й ўсё» ([1] Нобель Ровенской обл.).

Танец и хоровод как виды активного движения наделялись продуцирующей функцией. На всем западе Славии (у лужичан, поляков, западных белорусов и украинцев, чехов, мораван и словаков, хорватов и словенцев) были известны массовые и другие весенние танцы, от которых зависел будущий урожай. Эти танцы назывались *na dlugi (wielki) len*, *na konopie*, *na owies* (пол.), *na konopi* (чеш.), *коб головки у капуста завывалысь* (з.-бел.) и т.д. Иногда каждый из трех дней накануне Великого поста мог быть посвящен одной культуре: в Кошалинском воев. Польши, например, в первый день танцевали на урожай овса, второй – жита, третий – льна [15. С. 411]. Чаще же женщины танцевали «на лен», а мужчины – на зерновые культуры. Танцы были обычными: на овес, лен и иные культуры поляки, например, танцевали в такт полек, краковяков или чардаша. Изредка встречались и специальные танцы, таковыми были южночешская *konopická* и западноморавская *konopice*. Танцевать могли также вокруг некоего предмета, символизирующего культурное растение: вокруг снопка конопли, пучка кудели или прялки [10. С. 170–172]. Во время танцев исполнялись припевки, раскрывающие смысл происходящего: словац. «Aby boli veľké konopre chlapcom na gate» (Чтобы была конопля хлопцам на штаны) [16. С. 101]; словен. «Da bog dá da bi vam tako velika repa narasla!» (Дай вам Бог, чтобы у вас такая большая репа выросла!) [17. D. 1. S. 34]; чеш. «Tancovali tlusty s tlustú na dyně, na kapustu. Aj tancovali spolem, aj žitečko šlo borem» (Танцевал толстый с толстым на тыквы, на капусту. Танцевали вместе, чтобы житечко шло густо) [18. С. 75]. Репа и тыква хороши большими и толстыми, поэтому во время танцев хорваты топали ногами и широко расставляли ноги, чтобы репа была толстой [19. С. 195].

В масленичных танцах заметна фаллическая символика. У поляков Лодзинского воев. был известен так называемый *siemieniec* — мужской танец «на лен и коноплю», исполняемый в корчме при закрытых дверях, во время которого его участники двигались цепочкой и подпрыгивая. Мужчина, возглавлявший такую цепочку, порой вел себя вызывающе – он бил других участников метлой или ремнем, толкал их, а также откалывал неприличные шутки: оттопыривал зад, спускал штаны и «выставлял» наружу пенис [20. С. 97].

Иногда масленичные танцы преследовали иные, не вегетативные цели. Так, поляки Поморья в Запустный вторник танцевали вокруг невода в надежде на хороший лов [21. С. 99]. В словенской Штирии ряженные танцевали, чтобы кобылы жеребились и кони были сильными, и т.д. [17. D. 1. S. 38]. Сербы считали необхо-

димым потанцевать хоть немного на масленицу, полагая, что «се валя од вештица» (так надо от ведьмы) [22. С. 183], и т.д.

Продуцирующее значение приписывалось и танцам, исполняемым в другое время. Так, в Полесье при посадке капусты и лука женщины плясали вдоль грядки: «Як лук садзяць, дак адна и друга саседки ў разных концах становяцца, тако уткнуць руки ў боки и пляшучь од краю до краю, патам адна и друга чэрэз грядку цалуюцца, штоб лук сладки быў» ([1] Киров Гомельской обл.), иначе лук вырастет горьким, а капуста не завьется. На Житомирщине при севе льна девушки танцевали и пели на поле, окружив сеятеля ([1] Полесское). В Черниговской обл. на свадьбе молодая танцевала «на лен», а свахи пели: «Ой, дай, маладычка, шоб лён радыў вэлыки, шаўковысты» ([1] Ковчин). В Словении хозяин, собирая помидоры мять просо, должен был потанцевать с пришедшими ряжеными, чтобы обеспечить себе обильный урожай проса [17. D. 2. S. 195].

Продуцирующий смысл придавался и движению хоровода. На Брянщине на масленицу водили хоровод, называемый *масленица*: «дальшэй вадили масленицу, шчоб лён длинный рос» ([1] Челхов). С магией урожая иногда связывали и присущую русалкам склонность к танцам, ср.: «У жыти русалки граюць, танцуюць, шоб цвила, шоб урожай быў» ([1] Поворск Волынской обл.). Магический смысл хороводного движения передавался в сопровождающих его песнях «А гдзе карагод ходзиць, там жито родзиць. А гдзе карагод не бывае, там жито вылегае» [23. С. 169–170].

У южных славян танцы и хороводы «на урожай» исполнялись также преимущественно в весенние праздники. В северо-западной Болгарии в Юрьев день молодух, венчавшихся в прошедшем году, родственники и соседи одаривали каравами, после чего они танцевали «хоро», держа в руках все подаренные им хлебы, «чтобы они были такими же тяжелыми, ... как снопы осенью» [24. С. 95]. В Дунишко (Болгария) в течение всей масленичной недели молодежь ежедневно устраивала танцы, а по вечерам к ним присоединялись и старшие, «да се наиграт, та да им држи влага час до Велиден» (натанцеваться, чтобы у них сохранилась влага до самой Пасхи) [25. С. 123]. В южной Сербии в зимний Иванов день исполняли особые игровые хороводы «да роди берићет» (чтобы был урожай) [26. 1938. Књ. 13. С. 25]. У сербов-границар в Рождество хозяева радовались, если на их поле молодежь «играла коло» – верили, что в этом случае «ће њива родити» (поле будет родить), а в благодарность молодежь угощали вином. После ужина на Рождество хозяин оставался дома, а все остальные домочадцы оправлялись «у коло, то се валя, родиће година» (танцевать, так надо, чтобы год был урожайным) [27. С. 117, 123]. В Гевгелии (Македония) «русалии», обходящие дома в период от Рождества до Крещения, танцевали около каждого из них, «да буде кућа здрава и родна» (чтобы в доме было здоровье и процветание) [26. 1939. Књ. 14. С. 23].

У южных славян танцам иногда придавался и иной магический смысл. В северо-восточной Сербии, северной Болгарии и Румынии на святках и Троицу участники мужских дружин, называемые «калушары» и «русалии», обходили села и исполняли особые мистические, экстатические танцы над тяжелобольными людьми, порой доводя себя до изнеможения. В Боснии аналогичные действия могли совершать и «красицы», танцующая над больными, особенно во время припадка [28. С. 304]. В окрестностях Охрида (Македония) в случае, если у человека впервые в жизни случался приступ эпилепсии, сначала «пригвождали» его тень, вбивая гвозди в землю или в пол на его головой, а также по краям рук и ног, а затем все собравшиеся танцевали вокруг него [29. С. 276]. В Русенско (Болгария) в канун дня св. Игната (20.12/2.01) совершался обряд «пазене кваса» (карауление закваски): девушки и женщины, собравшись вместе, готовили особое тесто, в которое добавляли лекарственные травы; целую ночь одна из женщин «караулила» тесто, а остальные танцевали «хоро»; на Новый год тесто делили между участниками обряда, которые использовали его в течение года в медицинских целях и

любовной магии [30. С. 26–27]. На Украине в качестве способа привлечения парней на гуляния практиковалась так называемая «каша»: девушки варили горшок каши, закапывали его там, где гуляла «улица», и танцевали на этом месте; считалось, что парни обязательно придут туда [31].

При этом в определенные периоды хороводы и танцы запрещались. Повсеместно запрещалось водить хороводы и танцевать во время постов, причем у чехов и словаков запрет танцевать в адвент (рождественский пост) был мотивирован тем, что иначе в садах будут опадать плоды с деревьев [32. S. 8, 91]. У русских запрещалось танцевать на Фоминой неделе из боязни затоптать «родителей», т.е. души умерших [33. С. 128]. У русских старообрядцев в Удмуртии ранней весной запрещалось *ходить кругами*, иначе хлеб «позябнет» [34. С. 106]. На Русском Севере пляски иногда запрещались в «страшные вечера» – в период от Нового года до Крещения – якобы потому, что в это время «куляши (т.е. черти) пляшут»; на Крещение дома кропили святой водой, чтобы прогнать чертей, после чего можно было беспрепятственно плясать до Великого поста [35. С. 74].

Танцы играли важную роль в посвятельных обрядах. Танцы (зимой в доме) и хороводы (чаще весной на улице) формировали межполовое общение молодежи (ср. полесский обычай: чтобы обеспечить девочке успех у противоположного пола, ее пуповину бросают там, где собирается народ, в частности на том месте, где устраиваются танцы [36. С. 91]), оформляли переход молодежи из одной возрастной группы в другую (ср. бел. название девочки-подростка *подтанечница* [37. Т. 4. С. 111]), а также способствовали адаптации молодежи в новых для нее социо-возрастных ролях, в том числе благодаря необходимости перевоплощаться в процессе хоровода в игровых персонажей – «парня» и «девушку» [38. С. 44–45]. Участие в посвятельном обряде открывало младшей молодежи путь наверх, в том числе к участию во взрослых танцах. Так, на о-ве Крк (Далмация) в духовские праздники молодые парни приходили на вечеринку к взрослым, где старшие всячески издевались над ними; после этого испытания первые получали возможность ходить на вечеринки взрослой молодежи и танцевать [39. S. 144–145].

Танец служил также регулятором отношений в молодежной среде. Так, девушку могли наказать за излишнюю разборчивость в отношениях с парнями и, в частности, за то, что она не приходит на танцы (в.-, з.-слав.). Девушек, которых парни не приглашали танцевать, дразнили, называя *соломенными обдерихами*, *кукомоями* и др. [35. С. 7, 31]. У гуцулов, если в пасхальный (так называемый *Обливанный*) понедельник парень, по традиции окатив девушку водой, принял от девушки крашеное яйцо, то он должен впоследствии, во время молодежных собраний, приглашать ее танцевать [40. С. 296]. У поляков Познаньского воев. парни, обиженные за что-нибудь на девушку, могли не прийти ее обливать в этот день, а это означало, что парни не будут с ней танцевать [41. Т. 9. S. 135].

У западных славян известен обычай, по которому в один из праздничных дней девушки должны были дать денег парням, которые с ними танцевали, а также музыкантам, тем самым как бы оплатив свое право и впредь участвовать в танцах. Часто этот обычай был приурочен к установлению майского деревца. У словаков Верхнего Спиша на духовские праздники парни ставили «маи» у домов, где жили девушки, а затем обходили село и танцевали с девушками под их деревцами, за что девушки должны были платить парням [42. S. 497]. В окрестности Страконице (Южно-Чешская обл.) на духовских праздниках совершался обряд *placeni od máje* (плата, выкуп от мая): у майского деревца, стоявшего в доме на столе, стояли двумя группами парни и девушки. Парни под музыку танцевали по очереди с каждой девушкой, потом подвдвигали ее к столу, где в ее адрес со стороны парней и музыкантов звучали насмешливые или осуждающие реплики, а затем заставляли ее заплатить им [43. S. 341–342]. У словаков Закарпатья масленичные процессии парней захватывали только те дома, где жили девушки на выданье; парни

танцевали с девушками, а затем собирали с них определенную сумму за участие в танцах на год вперед, которая шла на организацию гуляний и оплату музыкантов [44. С. 317].

Иногда посвященный смысл придавался и самому участию молодежи в исполнении того или иного танца. На северо-востоке Болгарии в Лазареву субботу группа молодежи обходила дома и исполняла в адрес хозяев благопожелания. Главным был «жених», называемый *боенец*, *буянец*, *буенек*. Центральным эпизодом обходного обряда было исполнение «женихом» и «невестой» (которых изображали девушки, только что достигшие совершеннолетия) быстрого «буйного» танца, называемого так же, как и его исполнитель, – *буенец*, *буян*, *буянец* [10. С. 471–472]. На юго-западе Македонии в день св. Николая (6.XII) все молодые женщины, вышедшие замуж в течение года, первый раз отправлялись «на оро», т.е. собирались на известном месте, где участвовали в общем танце, после чего могли беспрепятственно играть и петь вместе с остальными [45. С. 141].

Танцы и хороводы были обязательными в свадебном обряде, ср. в болгарском благопожелании, произносимом на крестинах: «Да й живу, да й здраву, да му играим на сватбата» (Пусть будет жив-здоров, чтобы нам потанцевать у него на свадьбе) [46. С. 256]. Танцы и хороводы в большей степени актуальны для второй части свадьбы, происходившей в доме жениха, для свадебного пира (ср. «веселье» ‘свадьба’), в то время как этапы в доме невесты (сватовство, рукобитье, сговор, обручение, девичник и др.), сопровождавшиеся у русских, например, причитаниями и исполнением протяжных песен, проходили под знаком прощания невесты с девичьей жизнью и отчим домом и практически не включали танцев как таковых. По сведениям из Прикамья, невесте на обручении нельзя было танцевать [47. С. 62]. Согласно украинским материалам, «в молодого сразу затанцуют, частушки спивають, а в молодой швидких писэнь до танцю, частушок, соромницьких, паскудних нэ спивають» ([1] Грабово Волинской обл.).

В обряде принесения воды для свадебного хлеба, известном в северо-западной Болгарии, маленькую девочку одевали как невесту и вели к источнику, где под пение песен и исполнение «хоро» трижды набирали воду [48. С. 454]. У поляков мать или сваха, надев невесте чепец, танцевала с ней вокруг дежи [41. Т. 24. С. 161]. На Житомирщине, когда невестка на свадьбе дарила свекрови подарки – сорочку, юбку, фартук, свекровь надевала их и танцевала по столу и лавкам; невеста также раздавала подарки всей родне жениха, и они танцевали с ними ([1] Выступовичи). Считалось, что и жених должен одарить тещу – купить ей сапоги, получив которые, теща вставала на стул и танцевала ([1] Копачи Киевской обл.). У болгар в Родопах танцы сопровождали обряды со свадебным znamenem: прежде чем вывесить его на крыше, знамя надо было «обыграть» (*да е заигран*), т.е. с ним надо было станцевать «хоро» три-пять раз [49. С. 166]. У поляков с приездом невесты к жениху родственники и гости «обтанцовывали» углы дома. В северной Хорватии в конце свадебного пира все танцевали специальный танец, в котором каждый участник свадебной дружины жениха делал круг по комнате и вставал на колени перед следующим [50].

Танцы были особенно характерны для прощальных вечеринок в доме невесты и жениха, ср. хорватское название кануна свадьбы *tanac* (Истрия). В юго-западной Чехии накануне свадьбы перед домом невесты танцевали и пели песни о прощании с девичьей свободой. У словаков «дружба» и парни плясали с женихом в кругу последний холостяцкий танец (*pokonný mládenecský tanec*) [50]. У украинцев восточной Словакии прощальная молодежная вечеринка называлась *дружбівський танець* [51. С. 301].

Особый смысл придавался танцам в брачную ночь. Повсеместно в Польше во время брачной ночи сваты пили, плясали на лавках и на столах, били горшки, помогая своим разгульным поведением успеху дела [36. С. 185]. В Македонии перед укладыванием молодых спать также играли «оро» [26. 1931. Кнь. 6. С. 97].

При этом смысл и характер танца, как и всей последующей свадьбы, кардинально менялся в зависимости от того, оказалась невеста «честной» или нет.

На болгарской свадьбе в случае установления девственности невесты всеми присутствующими исполнялся особый танец (*шарено, тъстро, криво, куцу, плетену, сместено, отворено хоро* – «разноцветное», «пестрое», «кривое», «хромое», «плетеное», «смешенное», «открытое хоро»), участники которого танцевали, положив на плечи дары невесты или надев на правую руку калачи для невесты. Танцы во время и после брачной ночи часто имели продуцирующую и эротическую направленность. В Добрудже такое *тъстро хоро* (смешанный танец) вел человек, который делал разные неприличные движения эротического характера и задевал всех присутствующих женщин («для урожая и плодородия») [52. С. 284]. В Панагюриште (Болгария) во время сведения молодых в брачную ночь парни исполняли мужской мимический танец «тос пипер», движения в котором, якобы имитирующие посадку и выращивание перца, имели откровенно фаллическую символику [53. С. 74]. Если же невеста оказывалась «нечестной», свекровь танцевала босиком, чтобы все зло, которое это событие могло причинить хозяйству, ушло прямо в землю [54. С. 36]. Нередко в знак поругания нечестной невесты ее калачи отдавали не куму, а музыканту, который вел «хоро», держа в руке палку с надетой на нее головкой лука [55. С. 406].

У восточных славян, если невеста оказывалась «честной», все присутствующие били посуду и плясали на черепках [47. С. 99]. На Брянщине при установлении девственности невесты главная сваха радостно танцевала на скамье, размахивая окровавленной рубахой новобрачной [36. С. 179]. Если невеста «честная», в Калужской губ. девушки танцевали на ее брачной рубашке [56. Т. 3. С. 313] или свекровь танцевала с сорочкой, на которой были видны следы крови ([1] Радеж Брестской обл.). В Черниговской губ., когда выносили на всеобщее обозрение сорочку молодой, гости начинали *сороку скакати*: они танцевали по лавкам и скамьям вокруг стола во главе со старшим дружкой жениха, который держал сорочку невесту [57. С. 168], ср.: «Як дивчына хороша, то хорошо й на вэсилли. Як чыста, то скачуть приданки (жонки з ее роду и з его) кругом стола. Прыходять до матери ее и кругом стола, наокола стола по лавах идуть и танцують. Да скачуть з лавы и бьють горшка: бах! в зэмлю. Да побьют того горшка да по тому горшку потанцують» ([1] Чудель Ровенской обл.).

Танцы сопровождали многие эпизоды свадьбы, связанные с изготовлением и разделением свадебных хлебов. У украинцев и белорусов, посадив каравай в печь, крестные и родные жениха и невесты танцевали с печной лопатой и стучали ею об пол и в потолок; каравайницы крестили ею стены, танцевали и пели; клали крест-накрест два ухвата или две кочерги и танцевали так, чтобы не сдвинуть их; плясали с кочергой; дружка нес каравай на голове и танцевал с ним и т.д. [58. С. 238, 673]. Вынув каравай, клали его на крышку дежи, после чего все танцевали, несли каравай в дом и делили его ([1] Велута Брестской обл.). На Гомельщине, когда дружка нес вынутый из печи каравай на голове, ему говорили: «Ты мне так не неси, а иди да танцуй под им!», – и он должен был танцевать с караваем на голове ([1] Стодоличи). На Ровенщине на второй день свадьбы, когда молодую привозили к молодому, выносили дежу, клали на нее хлеб, покрывали невесту женским головным убором и она танцевала вокруг дежи, а все пели про то, что она из девушки стала бабой ([1] Нобель).

Для болгарской и македонской свадьбы было характерно «обтанцевывание» обрядовых хлебов. Около Тетевена во время заплетания волос невесте и бритья жениха девушки пекли слоеный пирог с брынзой и танцевали вокруг него «хоро». В Ботевграде дружки невесты опевали свежиспеченный хлеб, танцевали «хоро» вокруг него, а мать невесты стояла внутри хоровода и угощала всех вином [24. С. 90–91]. Во Фракии, пока выпекался *меденик*, девушки танцевали вокруг него «хоро» [59. С. 57]. По окончании свадебного пира в Пиринском крае гости танце-

вали «хоро» вместе с «кумой», державшей на голове форму для выпечки хлеба; ее спрашивали: «Що си наточила?» (Что ты замесила?), на что она отвечала: «Кумци и кумичета, мъжки деца» (Крестников и крестниц, мальчиков) [55. С. 405]. В Пловдивском крае после приготовления горячий хлеб «преломляли» посреди «хоро» и раздавали разнополым детям, чтобы у молодых тоже рождались разнополые дети [24. С. 110].

Для свадебного обряда Западной Славии был характерен танец невесты с каждым из свадебных гостей, приуроченный к моменту снятия с невесты венка и перемены головного убора, к свадебному пиру или к концу застолья. Обширный материал по этой теме собран А.В. Гурой в подготовленной к печати монографии, посвященной славянской свадьбе. Согласно его материалам, у словаков Липтова после надевания невесте чепца все гости начинали танцы, продолжавшиеся до утра. У лужичан невеста танцевала до полуночи со всеми мужчинами, кроме жениха. В Словакии обычно вначале она танцевала с «дружкой» или со сватом, иногда с женихом, реже со свахой или крестной; за танец невесте платили деньги; а в конце танца невеста убегала с женихом, или просто уходила с собранными деньгами. Танец означал признание невесты замужней женщиной и принятие ее в число взрослых членов сообщества. У поляков Силезии много танцевали, потому что считалось, что это сулит счастье молодой паре. У хорватов Славонии первым с невестой танцевал «деверь», затем «кум», другие гости и в конце жених. У черногорцев в конце застолья гости начинали водить «коло», в которое звали и невесту. У сербов Воеводины невеста танцевала с женихом и «девером» жениха, в северной Шумадии – с братом и женихом [50]. У гуцулов в первый день свадьбы невеста, обойдя село и пригласив гостей, и ее брат, держа под мышкой по буханке хлеба, «заводили танец», по окончании которого она танцевала по очереди со всеми гостями [60. S. 128].

Танцы особой интенсивности отмечали и окончание свадьбы. В Польше в заключительный день свадьбы гости приносили из дому горшки, которые били во время угощения, а на черепках танцевали ([1] Копачи Киевской обл.). У фракийских болгар в конце свадьбы ее участники исполняли «людо хоро» (буйный танец), чтобы как следует потрясти дом и научить невесту белить его [59. С. 395].

Танцы некогда входили в состав поминальных ритуалов. В XV в. польский проповедник Михал из Яновца, монах из монастыря в Тшемешно (Великопольша), упрекал прихожан в том, что в Страстной четверг члены семьи ходили на кладбище, устраивали там трапезу и танцевали [61. S. 322]. «Стоглав» также осуждал веселье на поминках: «В Троицкую субботу по селом и по погостам сходятся мужи и жены на жальниках плачутся по гробом умерших с великим воплем и егда скормахи учнут играть во всякие бесовские игры и они от плача преставше начнут скакати и плясами и в долони бити» [62. С. 140]. Аналогичные обычаи соблюдались и позднее. В Орловской губ. в троицкую субботу трапеза и причитания на могилах заканчивались пением и плясками как на самом кладбище, так и по дороге домой [63. С. 326–327]. Пляски на кладбище после поминовений на Вознесение практиковались в Северном Белозерье [64. С. 62] и других местах.

У южных славян, помимо этого, известны специальные поминальные танцы (серб. *црно коло*, *мртвачко коло*, *жално коло* и др.). У болгар в Бессарабии после возвращения с кладбища пожилые люди танцевали «хоро», которым и заканчивалось поминовение [65. С. 60].

Поминальным хороведам посвящена недавно опубликованная статья македонского исследователя Л. Ристеского. Согласно собранным им сведениям, в Македонии после того, как покойника вынесут из дома, его ложе разбирали и на его месте женщины играли «оро», ведя его в направлении, противоположном обычному («наопаку»), и говоря: «ке заиграм, ке запеам, ора на срамота, до туа да е ло-

шото» (затанцуем, запоем, танец на жалость, пусть плохое останется здесь) [66. S. 134]. При эпидемии чумы играли «оро», чтобы люди не умирали, чтобы «танцем запутать дьявола» (с которым связывали эпидемию); ср. также: «и тажеле и играле да го пукнат гаолот» (и тужились, и танцевали, чтобы дьявол лопнул) [66. S. 135]. В окрестностях Битолы, если у матери один за другим умирали дети, то при возвращении домой с похорон она должна была станцевать «оро» в направлении, обратном по сравнению с обычным хороводом, чтобы у нее больше не умирали дети. В Словении известны запреты Св. Синода танцевать вокруг умерших, датируемые XIV в. В Каставшине, северо-восточной Сербии и в некоторых других местах было принято танцевать на похоронах молодых людей. Иногда на могиле танцевали, выполняя желание умершего. Танцы и хороводы характерны также для календарных поминок. В северо-восточной Сербии «коло» было обязательным элементом масленичного поминального обряда *привег*, состоявшего в том числе в разжигании костра, вокруг которого и водили хоровод. Исполнение танцев и хороводов отмечено у южных славян также в тех случаях, когда погребение или поминки приходились на воскресенье или праздничный день, например на празднование семейного праздника «славы» [66. S. 135–141].

Поминальные танцы и хороводы исполняли до или после смерти и погребения покойника, в том числе непосредственно над умершим, в рамках годовых и календарных поминок и в других случаях. Так, в Боснии девушки играли «коло» в момент, когда люди шли на погребение; в Герцеговине – над головным убором сгнувшего на войне солдата; в Черногории «мртвачко коло» водили вокруг очага в доме, где умер последний мужчина в роду, т.е. там, где «погас» очаг (или дом) [66. S. 135–141].

На древних каменных надгробьях Боснии и Герцеговины изображались различные сцены и занятия людей, в том числе танцы и хороводы, возможно, как отражение представлений о занятиях людей на «том» свете [67].

С другой стороны, традиционный траур в большинстве случаев предусматривал запрет на любые развлечения, в том числе танцы, обычно на период до года (в.-слав.) и даже до трех лет (серб., макед.), особенно если речь шла о смерти взрослых детей при живых родителях [68. С. 118]. Сербь в Пироте (Воеводина) считали, что после смерти близкого человека петь можно, а танцевать – нет, поскольку «игром мртваца набиваш в земи» (танцем ты бьешь по мертвому в земле) [69. С. 57]. Запрет танцевать встречается и среди ограничений, характерных для календарных поминок. Впрочем, известны и отступления от общего правила. Так, украинцы Подолии полагали, что уже на третий день после смерти кого-нибудь из родителей сын или дочь могут идти танцевать, однако во время первого танца они должны – в качестве откупа – незаметно кинуть на землю медную монету [70. S. 310].

У восточных и западных славян танец лишь изредка входил в состав р о д и н - н о - к р е с т и н н ы х о б р я д о в. В Калужской губ. для ускорения родов родильницу заставляли плясать на печной заслонке [56. Т. 3. С. 267]. В Полесье на крестинах роженице на тарелку сыпали деньги, а затем эту тарелку били и на ней танцевали ([1] Онисковичи Брестской обл.). У южных славян, напротив, танец сопровождал разные этапы родинно-крестинного цикла: женский праздник по случаю рождения ребенка (так называемое *бабине* или *кравај*), крещение (особенно при рождении мальчика), первую стрижку ребенка и др.

Демонология. Для многих женских персонажей славянской мифологии танцы, в том числе совместные, а также хороводы являются одним из основных способов времяпрепровождения. У сербов, болгар и македонцев вилы, самодивы и другие тесно связаны с ветром и вихрем, в котором они «танцуют» и «кружатся» (см. известное в разных традициях представление о вихре как свадьбе чертей). Для мифологических рассказов о вилах и самодивах также характерен мотив опасных для людей кругов-следов с вытоптанной и выжженной травой,

которые остаются на земле после их хороводов, ср. южнославянские названия танца вил (и аналогичных им мифологических персонажей) и одновременно – оставляемых ими следов: серб. *вилано коло, самовилско коло*, макед. *самодивско оро*, болг. *самодивско хоро, юдинско оро* и др., а также запреты подсматривать за этими персонажами во время их танцев, строить там дома, срубить деревья, под которыми танцевали вилы, и т.д. [9. С. 206–208, 617–623, 626–632]. Опасностью наступить на то место, где танцевали вилы, объясняется болгарский запрет «играть хоро» в темноте, после захода солнца. Склонность к танцам обнаруживают и другие южнославянские женские персонажи: словенские стриги танцуют на перекрестках, где им оставляют в качестве оберега хлеб [9. С. 646]; по сербским поверьям, пляска небесных змеев «хал» порождает вихрь [71. С. 292]; по южно-сербским верованиям, любимое развлечение вампира – «да игра оро» посредине села [26. 1939. Кь. 14. С. 97] и т.д.

У восточных славян склонность к танцам (как и к другим видам ритмических движений, прежде всего к катанию по житу и качанию на ветвях деревьев) – отличительная черта русалок, которые водят хороводы, танцуют в злаковом поле, на полянах, в лесу и других местах, принуждают к этому тех мужчин, кто попал к ним в руки или нарушил запреты работать на троицкой неделе, а также приходят на гуляния в село, туда, где звучит музыка и устраивают танцы [72. С. 157, 161, 189, 197, 209–211 и др.]. По полесским поверьям, на месте, где плясали русалки, не растет трава или, наоборот, не остается никаких следов ([1] Грабово Волинской обл.).

Порой пляшут и другие демонологические персонажи и «нечистые» покойники. Согласно верованиям и быличкам, полесский домовик танцует с чертями на чердаке или в пустой хате; овинники собираются в полночь в овине, пляшут и веселятся; южнославянские «караконджальи» на святках бродят по улицам, играют на музыкальных инструментах и танцуют; согласно польским верованиям, души умерших девушек по ночам выходят из берез и «затанцовывают» насмерть случайных прохожих; ведьмы танцуют с чертями, слетевшись на шабаш на гору или к большому дереву; польские богинки также иногда танцуют по ночам возле источников, словацкие босорки любят танцевать при свете луны, заманивая и губя парней; карпатские «вітрэніци» или «повітрулі» в виде красивых девушек, заманивающих к себе молодых мужчин, танцуют и летают в воздухе. В Гонте (Словакия) рассказывали о ведьмах-стригах, которые голыми танцевали на перекрестках в полночь, а потом шли на чужое поле, где выжинали узкие полоски колосьев крест-накрест, которые затем переносили на свое поле и тем самым забирала чужой урожай [73. С. 226].

Пристрастие к танцам, музыке и гульбе особенно характерно для черта, каким он предстает в мифологических рассказах. В русских быличках о ночевке людей в незнакомом месте часто рассказывается о том, что они не могут заснуть или бывают разбужены шумом, в том числе звуками музыки или топотом танцующих чертей, обитающих в пустующих домах или привлеченных в новый дом порчей, наведенной строителями. Восточным славянам широко известны также былички о свадьбе или гулянке чертей, когда подвыпивший прохожий или музыкант, приглашенный на веселье встречными, танцует всю ночь напролет, а при крике первых петухов обнаруживает себя в лесу или в болоте и понимает, что веселился с чертями. Танцами чертей объясняли появление в лесу поваленных деревьев (ср. вихрь ‘свадьба чертей’). В полесской быличке черт в образе покойной матери является девушке и зовет ее танцевать в колодец ([1] Стодолычи Гомельской обл.). У поляков широкое распространение получил рассказ о черте, который невидимо преследует людей, задержавшихся в корчме после полуночи в момент окончания масленицы и наступления Великого поста [74. С. 22]. Поляки Поморья остерегались петь, свистеть и танцевать в дни осенних поминок: считалось, что в противном случае дьявол может их *zatańczyć* (затанцевать) [21. С. 191].

Танцы чертей упоминаются и в рассказах о нарушениях запретов. Согласно вологодской быличке, странник, которому довелось однажды заночевать в пустующем доме, был разбужен шумом и увидел, «как из печи выскакивают дети (пропавшие вследствие проклятия их матерей), которые и начинают на полу плясать с какими-то нехорошими (т.е. чертями)» [56. Т. 5. С. 555]. На Гомельщине запрещали выбрасывать старые лапти, мотивируя это тем, что в них танцует черт («недобрый танцует там, у тум лапти») ([1] Симоничи), а на Ровенщине говорили, что если оставить в хате на ночь основу, то черт будет танцевать на ней и запутает все нитки ([1] Нобель). Танцы чертей преследовали людей, которые оказались в опасное время и опасном месте. Так, отправившись ночью гадать на перекресток и сняв с себя крест или забыв осенить себя крестным знаменем, человек рискует быть насмерть напуганным танцующими и беснующимися перед ним чертями; в виде танцующего красавца черт показывался людям, задержавшимся вечером в лесу, и т.д.

Танцы как бесовское действие. Танцы, наряду с другими формами досуга и обрядового поведения (пением, ряжением, качелями и др.), осуждались в поучениях против язычества, а участие в них считалось грехом, требовало покаяния и наказания. В Измарагде (по рукописи XVI в.), древнерусском сборнике устойчивого состава, основную массу статей в котором составляют слова и поучения на темы христианской морали, «плясание» названо самым «проклятым» из всех «играний»: «всехъ же играний проклятее естъ многовертимое плясаніе. то бо отлучаетъ ч(е)л(ове)ки от б(о)га и во дно адово веде(т)» [75. С. 189]. Согласно Поучению Иоанна Златоуста (по рукописи XVI в.), путь в ад уготован не только пляшущей жене, невесте Сатаны и любовнице дьявола, но и тем, кто взирает на нее: «плясоущія бо жена, и невеста сотоніна, нарицається, и любовница дїяволя, соуруга бесова, не токмо будеть плясоущія сама сведена во дно адово, но и ті иже ея с любовию позороуютъ» [75. С. 188]. Считалось, что лицемерие женской пляски распалает в человеке «блуд»: «оупражняють же и женьская иже въ народе плесания имже раждежение на блудъ твореть зрещимъ на не», – сказано в Свято-славском номоканоне (цит. по [76. С. 210]).

«Потехи с плясаниями» были частью «русалий» – языческих празднеств, осуждаемых в древнерусских источниках начиная с XI в. В Сказании «о русалях», приписываемом св. Нифонту, утверждалось, что «сопели и гусли и песни неприязньскы плясания, плескания собирають около себе студныя бесы, деръжай же сопелника въ сласть, любяи гусли и песни, плескания плясания чтить темнаго беса, иже жалаеть и тици(т)ся пожрети весь миръ» [77. С. 258].

Церковь осуждала танцы и как часть молодежных гуляний. Так, в 1719 г. Киевская духовная консистория сообщала: «[...] многие молодые люди [...] мужского и женского пола, по ночам вместе собираясь, неисповедимые бесчинства и мерзкие беззакония творят, устраивая игры, танцы [...] во время таких нечестивых сборищ происходят эксцессы, как то: блудные грехи, девства растление, беззаконных детей прижитие [...]» [36. С. 149]. Мотив пляски играл большую роль в формировании образа трясовиц-лихорадок древнерусских апокрифических молитв и восточнославянских заговоров. Прообразом трясовиц была дочь Иродиады Саломея, выпросившая у Ирода голову Иоанна Крестителя и тем самым виновная в его смерти: «Ты, лихорадка с... дочка, Ирадыва ты доч, пугубила Придтечу Ивана чириз сваю пляску – зрубили яму голову» [78. С. 172], ср. этот же сюжет в полесской легенде: «Буў такі Иван Галавасек. Буўа така ўдова, Радиада – колищечные имена. Йон ея абличіў, шчо ана буўа гуляка. У царя буўо якіесь именины. И она буўа. У ея буўа дачка. И царь сказаў: “Кто удивить маих гостей, поў царства магу дать!” У ея дачка буўа, да вельми красивенна танцеваўа. И коли ана удивила на балу этих гостей, ана сказаўа: “Не нада мне пол царства! Дай мне галаву Ивана Предтеча!” Царь царское слова, царское повеление не измениў и отсек голаву Ивана Галавасека» ([1] Грабовка Гомельской обл.). В олонцеком заго-

воре из четырех упоминаемых в нем «имен» лихорадок три связаны с танцами и плясками, с которыми в свою очередь ассоциировались симптомы этой болезни, см.: «Я, раб Божий, попрошу [...] чтобы пособили мне выгнать из рабы Божией проклятую лихорадку трясуню, скакунью, желтуху и поплясуню» [79. С. 336], а по вятским поверьям, лихорадки – это 12 сестер, которые любили петь и плясать, за что и были прокляты Богом [2. С. 104].

Восприятие пляски как бесовского поведения широко известно в фольклоре и верованиях более позднего времени, прежде всего в легендах и быличках. В белорусской легенде рассказывается о том, как пчелы, которых завел себе дьявол, перелетели к Богу; когда дьявол пошел к нему за своими пчелами, а Бог вместо пчел показал ему шерстней; дьявол же, получив их и не поняв подвоха, заплесал от радости [80. С. 154]. В мифологических рассказах восточных славян широко известен сюжет о девушке, которая в отсутствие кавалера пускается в пляс перед иконами или с иконой в руках, после чего превращается в столб, прилипает к полу и т.д.; в большой праздник (чаще на Пасху) она отрывается от пола и умирает [81. С. 74]. Еще один популярный сюжет восточнославянских быличек – о том, что черти устраивают праздник и пускаются в пляс при известии о самоубийстве и другом совершенном человеком смертном грехе, отмечая тем самым попадание в их сети очередной заблудшей души. В легендах наказанием за пляски, особенно в неположенное время, например в Великий пост, объясняется происхождение провалищ – ушедших под землю деревень, на месте которых образовались озера и болота [82. С. 30].

«Плясал ли еси?», «Плясати обычаи дръжал ли еси?» и «Сотворил еси пир с смехотворением и плясанием?» [83. С. 234–235] – таковы были вопросы древнерусской исповеди, касающиеся участия в плясках, а епитимья за пляски измерялась 40 днями поста. По пермским поверьям, человек, который любил плясать, после смерти будет наказан за этот грех тем, что на «том» свете будет плясать на «каленной» плите [47. С. 140], черти ему в пятки набьют горячих гвоздей [56. Т. 3. С. 416, 521] и т.д. В Центральной России пожилые крестьяне считали танцы большим грехом, особенно если речь шла о городских танцах вроде кадрили или польки, плясать которые, по их мнению, значило «тешить лукавого» [84. С. 176]. Они верили, что пляска – «проказь»: вертящийся в танце человек обрекает себя на посмертные мучения, и на «том» свете его подвешат вверх ногами, чтобы он вертелся в угоду бесам [56. Т. 2. С. 319]. Подобное отношение объясняет редкое русское обыкновение во время пляски в доме завешивать иконы на божнице [56. Т. 2. С. 425]. В одном костромском обмирании (рассказе о посещении «того света» во время летаргического сна) говорится о наказании грешников на «том» свете: в большой избе на раскаленном чугунном полу танцевали девицы, молодые женщины и вдовы, которые «блудодествовали» и травили в утробе детей [56. Т. 1. С. 140].

Таким образом, в традиционной культуре танец и хоровод считались прежде всего формой ритуального поведения и поэтому их активно «использовали» в славянской магии и обрядности. В то же время танец и хоровод воспринимались как неблагоприятные и «бесовские» формы досуга, их (наряду с пением, качанием на качелях и т.п.) всячески осуждала церковь, а люди, склонные к таким занятиям, подлежали наказанию, в том числе и после смерти.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полесский архив Института славяноведения РАН (материалы украинского и белорусского Полесья); Архангельский архив Института славяноведения РАН (материалы из Архангельской области).
2. *Магницкий В.* Поверья и обряды в Уржумском уезде // Календарь Вятской губернии на 1884 г. Вятка, 1883.
3. Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья. М., 1995.
4. Русский демонологический словарь / Автор-составитель Т.А. Новичкова. СПб., 1995.

5. Świątek J. Lud nadrabski od Gdowa po Vochnię. Kraków, 1893.
6. Николић-Стојанчевић В. Врањско Поморавље. Етнолошка испитивања. Београд, 1974.
7. Станојевић М. Обичаји и веровања на Тимоку // Гласник Етнографског музеја. Београд, 1929. Књ. 4.
8. Маринов Д. Народна вяра и религиозни народни обичаи. Софија, 1914.
9. Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
10. Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
11. Венгрженовский С. Языческий обряд в Брацлавщине «гоньты шуляка» // Киевская старина. 1895. Т. 50.
12. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994.
13. Podolák J. Pastierstvo v oblasti Vysokých Tatier. Bratislava, 1967.
14. Спасов Д. Обичаи периодически. От село Бариево (Софийско) // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Софија, 1900. Кн. 16–17. Ч. 2.
15. Lud. Wrocław; Kraków: Poznań, 1965. Т. 49.
16. Slovenský národopis. Bratislava, 1969. R. 17. № 1.
17. Kuret N. Praznično leto Slovencev. Celje, 1965. D. 1; 1967. D. 2.
18. Václavík A. Výroční obyčaje a lidové umění. Praha, 1959.
19. Narodna umjetnost. Zagreb, 1973. Knj. 10.
20. Żyranik M. Siemieniec // Łódzkie Studia Etnograficzne. 1966. Т. 8.
21. Stelmachowska B. Rok obrzędowy na Pomorzu. Toruń, 1933.
22. Милићевић М.Ђ. Живот Срба селяка. Београд, 1894.
23. Шейн П.В. Материалы для характеристики быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1902. Т. 3.
24. Узенева Е.С. Болгарская свадьба: этнолингвистическое исследование. М., 2010.
25. Кепов И. Народописни, животописни и езикови материали от с. Бобошево-Дупнишко // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Софија, 1936. Кн. 42.
26. Гласник Етнографског музеја. Београд.
27. Безовић Н. Живот и обичаји Срба граничара. Београд, 1986.
28. Босанска вила. Сарајево, 1893. Год. 8.
29. Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. Софија, 1900. Т. 16–17. Ч. 2.
30. Арнаудов М. Български народни празници. Хемус, 1943.
31. Агапкина Т.А., Топорков А.Л. Давній український обряд і повязана з тим пісня // Народна творчість та етнографія. 1989. № 4.
32. Bartoš Fr. Moravský lid. Telč, 1892.
33. Вятский фольклор. Народный календарь. Котельнич, 1995.
34. Никитина С.Е. Устная традиция в народной культуре русского населения Верхоямья // Русские устные и письменные традиции и народная культура. М., 1982.
35. Морозов И.А., Слепцова И.С. Праздничная культура Вологодского края. М., 1993.
36. Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.
37. Тураўскі слоўнік. Мінск, 1982–1987. Т. 1–5.
38. Калашикова Р.Б. Беседы и беседные песни Заонежья второй половины XIX века. Петрозаводск, 1999.
39. Jelenović I. Proletni običaji u Dobriju (Otok Krk) // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Zagreb, 1959. Knj. 33.
40. Гуцульщина. Историко-этнографічне дослідження. Київ, 1987.
41. Kolberg O. Dzieła wszystkie. Wrocław; Poznań, 1963. Т. 9. Poznańskie. Cz. 1; 1963. Т. 24. Mazowsze. Cz. 1.
42. Horváthová E. Materiály zo zvykoslovných a poverových reálií na Hornom Spiši // Slovenský národopis. Bratislava, 1972. R. 20. № 3.
43. Český lid. Praha, 1894. Т. 3.
44. Rényiiová K. Fašiangová obchádzka v Tekove // Výročné obyčaje. Brno, 1982.
45. Гласник Етнографског института. Београд, 1960–1961. Књ. 9–10.
46. Усачева В.В. Магия слова и действия в народной культуре славян. М., 2008.
47. Подкоков И.А., Белявин А.М., Крыласова Н.Б., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Усольские древности. Традиционная культура русских конца XIX–XX в. Усолье, 2004.
48. Маринов Д. Избрани произведения. Етнографическо изучаване на Западна България. Софија, 1984. Т. 2.
49. Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура. Софија, 1994.
50. Гура А.В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: семантика и символика. М. (в печати).
51. Розповіді з Підкарпаття (Vyprávění z Podkarpátí). Ukr. nářečí východního Slovenska. New York; Praha, 1998.
52. Добруджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. Софија, 1974.
53. Вакарелски Х. Принос към проучване на семейните обичаи на Панагюрско в миналото // Панагюрище и Панагюрският край в миналото. Софија, 1961. Сб. 2.

54. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей ред. Н.И. Толстого. М., 1999. Т. 2.
55. Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1980.
56. Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. СПб., 2004. Т. 1. Костромская и Тверская губернии; СПб., 2006. Т. 2. Ярославская губерния. Ч. 2; СПб., 2006. Т. 3. Калужская губерния; СПб., 2007. Т. 5. Вологодская губерния. Ч. 2.
57. *Гринченко Б.Д.* Словарь украинского языка. Киев, 1909. Т. 4.
58. *Чубинский П.П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в Юго-Западный край. Материалы и исследования. СПб., 1877. Т. 4.
59. *Вакарелски Х.* Бит и език на тракийските и малоазийските българи. Ч. 1. Бит от Х. Вакарелски // Тракийски сборник. София, 1935. Кн. 5.
60. *Falkowski J.* Zachodnie pogranicze Huculszczyzny. Lwów, 1937.
61. *Brückner A.* Kazania średniowieczne // Rozprawy Akademii Umiejętności. Wydział Filologiczny. 1895. Т. 24.
62. Стоглав. СПб., 1863.
63. Живая старина. СПб., 1910. Вып. 4.
64. *Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н., Минюхина Е.А.* Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь. М., 1997.
65. *Сорочяну Е.С.* Терминология болгарской календарной обрядности в сравнении с гагаузской (на материале болгарских и гагаузских говоров Бессарабии). Дис. ... канд. филол. наук. М., 1995.
66. *Ристески Љ.* Посмртно оро во традициите на балканските Словени // Studia mythologica Slavica. Ljubljana, 2000. № 3.
67. *Bešlagić Š.* Stećci. Kataloško-topografski pregled. Sarajevo, 1971.
68. *Ястребов В.Н.* Материалы по этнографии Новороссийского края. Одесса, 1894.
69. Етно-културолошки зборник. Сврљиг, 1995. Књ. 1.
70. *Fischer A.* Zwyczaję pogrzebowe ludu polskiego. Lwów, 1921.
71. *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
72. *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифо-ритуальная традиция славян. М., 2000.
73. *Horváthová E.* Rok vo zvykoch našho ľudu. [Bratislava], 1986.
74. *Siarkowski W.* Materyjały do etnografii ludu polskiego z okolic Pinczowa. Cz. 1 // Zbiór wiadomości do antropologii krajowej. Kraków, 1885. Т. 9.
75. *Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 2. Древнерусские слова и поучения, направленные против остатков язычества в народе. М., 1913.
76. *Бојанин С.* Забаве и светковине у средњовековној Србији. Београд, 2005.
77. *Азбукин М.* Очерк литературной борьбы представителей христианства с остатками язычества в русском народе (XI–XIV века) // Русский филологический вестник. Варшава, 1896. Т. 35. Вып. 2.
78. *Добровольский В.Н.* Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. 1.
79. Олонецкие губернские ведомости. Часть неофиц. 1884. № 34.
80. *Романов Е.Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 4.
81. Фольклор старообрядцев Литвы. Т. 2. Народная мифология. Поверья. Бытовая магия / Издание подготовил Ю. Новиков. Вильнюс, 2009.
82. *Калуцков В.Н., Иванова А.А., Давыдова Ю.А., Фадеева Л.В., Родионов Е.А.* Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М., 1998.
83. *Корогодина М.В.* Исповедь в России в XIV–XIX веках. СПб., 2006.
84. Быт великорусских крестьян-землепашцев. Этнографическое бюро князя В.Н. Тенишева. СПб., 1993.

© 2011 г. Ю.А. КРАШЕНИННИКОВА

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД СИМВОЛИКОЙ ЦВЕТА В РУССКИХ СВАДЕБНЫХ ПРИГОВОРАХ

Для говорных жанров – приговоров свадебных чинов – характерно разнообразие цветовой палитры, однако при всем «разноцветье» колористические характеристики употребляются с различной регулярностью. Анализ приговоров свадебных друзей показывает многозначность семантики хроматической характеристики «синий» в «мужском» тексте ритуала.

The colour palette of wedding speeches is various; however, these colours are used with different regularity. The analysis of groomsman's speeches (the representative of fiancé) let come to the conclusion about polisemanticism of dark blue colour in the «masculine» text of the ritual.

Ключевые слова: свадьба, приговоры дружки, цветовая палитра, символика, многозначность синего цвета.

Цвет является одним из значимых параметров при изучении свадебного обряда: в этнографических очерках и исследованиях, посвященных ритуалу, хроматические характеристики указываются при описании обрядовых предметов и аксессуаров, одежды участников и проч.¹ Колористический «словарь» традиционной свадьбы включает цветообозначения, появление которых не случайно: в комбинации с другими поэтическими средствами они имплицитно передают идею свадебного ритуала – осуществить «переход» жениха и невесты в другую возрастную группу, закрепить за ними новый статус и декларировать это событие (см. [3. С. 65 и след.]); посредством цвета «передается» информация о социальном, физическом, материальном состоянии участников ритуала, выражаются эстетические, эмоциональные оценки (цвет как примета богатства, красоты, превосходства, бедности, болезненности и др.), изображаются отдельные наиболее значимые локации внутреннего и внешнего пространства дома и проч. В частности, красно-золотая цветовая гамма обладает в свадебном обряде продуцирующей символикой [4. Т. 2. С. 352–354, 647–648], слова с корнями *kras- и *květ- являются «ключевыми вербальными символами всего свадебного “текста”», преимущественно восточнославянской традиции, символизируют «состояние “цветения” и готовности к “плодородию”, рождению потомства» [5. С. 126]; белый в свадебных текстах – это цвет знаковых элементов одежды невесты и деталей, подчеркивающих ее статус², и т.д.

Крашенинникова Юлия Андреевна – канд. филол. наук, зав. сектором фольклора Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН.

¹ Отметим также и специальные исследования, например работу Г.С. Масловой об обрядовой восточнославянской одежде [1] и отдельный раздел в этой работе, выполненный И.И. Шангиной и посвященный описанию коллекции обрядовой одежды в фондах РЭМ [2] и др.

² В частности, в приговорах упоминаются «бела кикиболка» – головной убор, надеваемый невестой после венца [6. Т. 2. С. 107] (ср.: в вологодских причитаниях зафиксировано сочетание «кика белая», например, [7. С. 109; 8. С. 91]), покрывало (варианты: платок, шатер, полотно) или «белатонка-полотняна занавес», за которой находится невеста во время приезда свадебного поезда.

Наши наблюдения строятся преимущественно на материале свадебных приговоров, цветовая палитра которых достаточно разнообразна, хотя некоторые цветообозначения нерегулярны: в текстах зафиксированы красный, белый, синий, алый, голубой, черный, зеленый, желтый, малиновый и др.

Остановимся на употреблении эпитета «синий», который в фольклорных текстах имеет несколько значений, используется как в групповых изображениях, так и описаниях отдельных персонажей ритуала (коллективный образ «крестьянского мира», поезжан, жениха, невесты). Достаточно часто это цветообозначение фиксируется в собирательных характеристиках пожилых людей и детей; с помощью эпитета «синий» акцентируется внимание на частях тела, физическом состоянии, деталях и качестве одежды, материальном положении этих персонажей. Из одежды упоминаются «синие повязушки», «сини синюхи», которые, исходя из их значений³, использовались преимущественно при повседневных работах⁴; акцентируется внимание на наличие множества заплат на одежде («синенькие – вариант: косые, худые – заплатки»). Посредством эпитета «синий» характеризуется физическое состояние персонажей – телесные изъяны, слабость, болезненность (так, при описании детей устойчиво выражение «сини пупки»; старух – «синие синюшки», «сини брыла», «сини ползушки»⁵), имплицитно актуализируются такие качества персонажей, как возможная причастность к миру нечистых, потустороннему пространству, испорченность⁶. Желание оградить жениха и невесту от этих персонажей воплощается в текстах в достаточно устойчивом мотиве отсылки их на печь, полати, подполье, заполье⁷: «А вы, старые старушки, *синие повязушки*, на печке сидите да печку не проломите...» [18. С. 50];

³ *Повязушка, повязуха* – вят., пск. холщовый головной платок ([6. Т. 3. С. 152], также [9. Вып. 27. С. 284, 285]); *синюха* – пск. домашний синий крашенный сарафан [6. Т. 4. С. 187] или верхняя женская одежда из грубого, окрашенного в синюю краску холста [10. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 50. Л. 9. Вятская губ.], здесь же отметим: *синяк* – повседневный рабочий сарафан из синей крашенины [11. С. 182] и др.

⁴ Имплицитные указания на синий цвет как маркер повседневности, будничной, рабочей одежды содержатся в значении лексемы «пестрядь», а также в описании изготовления этой ткани: *пестрядь* – грубая ткань, пестрая или полосатая, более *синеполосая*, идет на шаровары, рабочие халаты, тюфяки и пр., часто *домотканная* [6. Т. 3. С. 104]; В.И. Даль указывает, что пестрядь изготовлялась «третная», при этом двойная нить основы была синего цвета, одна – белого и «половинчатая» – по две синие и две белые нити [6. Т. 3. С. 104].

⁵ Например, *синюшка* – худощавый, хилый, синий лицом человек, худышка, слабый и больной ребенок [6. Т. 4. С. 187], *синюха* – заболевание сердца, при котором кожа человека приобретает синий цвет [6. Т. 4. С. 187], здесь же отметим: *синезильный* – тощий, хилый, тшедушный [9. Вып. 37. С. 324], *синенький* – о худом, болезненном человеке [9. Вып. 37. С. 326]. Брыла – губы [6. Т. 1. С. 132]. *Ползушка* – о людях, которые ходят с трудом или детях, которые еще не умеют ходить [9. Вып. 29. С. 68].

⁶ Ср.: синий цвет в фольклорных текстах, в частности в мифологической прозе, выступает маркером персонажей или явлений иного мира [12. С. 338. Сн. 17; 4. Т. 4. С. 640 и др.]. В древнерусских памятниках XI–XVII вв. словами *синий, синец* обозначали беса, дьявола [11. С. 178; 13. Вып. 24. С. 151]. Посредством сочетаний «синие очи», «синее лицо» характеризовали склонного к прелюбодеянию, пьянству и обжорству человека [13. Вып. 24. С. 150]. Прием цветовой мультипликации – многократного повторения лексемы *синий* – используется в русских заговорах для создания мифологического (потустороннего) пространства, например в заговоре от простуды: «В синем море – синей камень, // На синем камне есть синей коницек, // На синем коницке синь человек: // Синий кафташик, сини крюцьки, // Сини петельки, синя шапоцька, // Синя ополосоцька, синя рубашицька, // Сини портоцьки, сини котоцьки, // Оборы сини, весь синий...» [14. Р. В. К. 12. П. 3. № 2. Л. 15. Пинежский р-н Архангельской обл.]. В числе примет к смерти нами зафиксировано: если на руке появляются синяки, значит, покойник соскучился по тебе [15. 2007 г. Зап. от Шулеповой З.В., 1937 г.р., Прилузский р-н Республики Коми]. Упомыная запрет, связанный с родильной обрядностью: беременным женщинам запрещали подходить к покойнику и участвовать в похоронной процессии – считалось, что родившийся ребенок будет «больной и синий» [16. 0609–4. Архангельская обл.].

⁷ Отметим, что кроме колористического кода при описании пожилых людей и детей используют и другие, например телесный, кулинарный, вегетативный (об этом подробнее: [17. С. 24–27]).

Все ребенки и старушки,
Сини ползушки!
 Берите нас за нос
 И бегите на мост,
 Буду я вас всех дарить! [19. ФЭ–17:6750. № 50. Кировская обл.];
 ...Эх вы, малы ребятки,
Сини ваши пупки,
 Вон из-за стола!
 А вы, старые старухи,
Сини ваши брыльы,
 Долой, непряхи, долой! [18. С. 54–55];
 Маленькие робетенки,
 Обо...ые порченки,
Синие пупки,
 Зеленые ваши желудки,
 Вы глядеть – глядите,
 Да соплей с полатей не уроните,
 Мне, храброму друженьке, головку не прошибите [20. С. 111];
 ... Старые старушки
Синие синюшки,
 Толстые заплатки,
 Подите на серединные полати,
 Луковицы перебирати,
 Табачок нюхать [21. С. 1] и др.

В нескольких текстах синий как цвет повседневности упоминается в отношении главных героев ритуала – невесты или обоих молодоженов. В частности, в приговорах, которые читались подругами невесты при выносе елочки – «девчьею красоты», зафиксирован мотив «привольной жизни невесты в девичестве»: девушка «в лес не ходила, дров не рубила, пеньев не ломала, сучьев не сбирала, *синих сарафанов* не носила, огородов не городила, черного хлеба не запасала, а все белый употребляла, в чистом поле не работала...» [22. Ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 593. Л. 252. Костромская губ.]. Одним из символических «показателей» веселой, приятной девичьей жизни, другими словами, маркеров девичества, является «не ношение» синего сарафана. Перечисление этой детали одежды в одном ряду с операционными «рубить дрова», «собирать сучья», «городить огороды», «работать в чистом поле», т.е. повседневными обязанностями, позволяет говорить об одежде синего цвета как примете будней⁸.

«Синие сарафаны» как метафора всей повседневной одежды молодоженов упоминаются в приговоре, который сопровождал дарение: угощая гостя, дружка просил одарить жениха и невесту «золотой гривной». В цитируемом ниже тексте речь идет о «начальном капитале», необходимом для организации совместного хозяйства молодых:

... Как наш князь со княгиней
 Бьют тебе челом.
 Прими челобитье,
 А сам положи
 Золотую гривну,
 Они люди на-новъ;
 Им нужны деньги:
 На шильце, на мильце,
 На тонки полотенца,

⁸ Ср., например, в частушках девичья одежда синего цвета символизирует разлуку, утрату, измену: «Не завидуйте, подружки, // Моей кофте синенькой, // Не от радости надела – // Спокидает миленькой» [23. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 155. Л. 77. Владимирская губ.], «Я надену синю кофту, // Синюю-рассинюю. // Мой матанюшка гуляет // С какою-то разинею» [23. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 155. Л. 66. Владимирская губ.].

На кривые веретенца,
На белила, на румяны,
На *синие сарафаны*,
Надо им коня купить,
Надо им его кормить,
На нем воду возить:
Вода-то хоть и близко
Да ходить-то склизко [24. С. 50].

Уместно упомянуть свадебную поговорку, адресованную невесте, и комментарий к ней В.И. Даля, в котором голубой (оттенок синего) противопоставлен красному и трактуется как цвет повседневной одежды: «Здравствуй, в красном: наживай голубой за мужниной головой (красный – праздничный, а вышла замуж, думай, как работать станешь)» [25. Т. 2. С. 241].

Наконец, достаточно регулярно синий цвет используется для создания коллективного портрета поезжан, присутствующих на свадьбе участников ритуала. Надо сказать, что в приговорах дружек мужское окружение жениха – «молодые добрые молодцы» (исключая стариков, подростков и детей) изображаются лаконично, однако при всей лаконичности мужские характеристики достаточно емки. Положительная семантика образов «добрых молодцев» заложена в их номинировании⁹ и дублируется эпитетами *добрый, хороший, удалой, молодой, умный*, комплекс значений которых позволяет охарактеризовать присутствующих молодых мужчин как физически развитых, духовно состоявшихся, готовых к браку или уже состоящих в браке (характеризуются физические данные, внешность, сексуальная сила, качества характера: храбрость, смелость, удачливость, успешность, ум, доброта, последние два признака осознаются как проявление божественного, благодати). Выразительным изобразительным «штрихом» коллективного образа поезжан или жениха является наличие синих деталей облачения («синие штаны», «синие тулупы», «синие кафтаны»): «...господа поезжане, гладкие головы, широкие бороды, *синие тулупы*, лисьи отвороты, хо(ле)зные сапоги, *синие штаны*, козловы кушаки, благословляйте новобрачного князя...» [10. Р. 18. Оп. 1. Ед. хр. 19. Л. 6. Костромская губ.]; «...добрые молодцы, “далыя” (т.е. удалые. – прим. П.В. Киреевского) головы и широкия бороды, статные колпаки и *синие армяки...*» [26. С. 77. Костромская губ.]; «Как на вас, на молодцах, // Сапоги козловые, // *Кафтаны синие*, // Кушаки шолковые» [14. Р. V. Кол. 66. П. 2. № 21. Л. 60. Вологодская губ.], «Едет наш князь, // Наш князь молодой // [...] // С полком с троегъясским; // [...] // На черных снях, // *В синих кафтанах*, // На вороных конях...» [27. С. 286] и др. В лаконичных описаниях свадебного поезда, зафиксированных в вологодских, архангельских текстах, присутствует такая деталь убранства саней поезжан, как «синие полсти»¹⁰: «Мы ехали сюда // На добрых конях, // На красных снях, // *Под синими полстями...*» [28. С. 456] (см. также [29. С. 110]). В свадебном диалоге, который произносился девушками и дружкой, близком по стилистике к корильным припевкам, упоминаются тулупы синего цвета, а *синий*, противопоставляясь *рваному*, получает оценочное значение ‘хороший, новый’:

– Нам сказали: кони сивы, тулупы сини. А к нам приехали: кони карие, а тулупы рваные.

– А нам сказали, что у вас хоромы новые, а дворы шатровые. А оказалось, четыре кола вбиты и соломой накрыты... [23. Ф. 1420. Оп. 1. Д. 103. Л. 57–58. Псковская губ.]¹¹.

⁹ См.: *молодой, молодец* – молодой человек, видный, статный, ловкий, толковый, сметливый, удалой, отважный [6. Т. 2. С. 332].

¹⁰ *Полсть* – полотнище, тканый или плетеный ковер (половик), служащий подстилкой [6. Т. 3. С. 265].

¹¹ Попутно сделаем одно замечание относительно эпитета *сивый*. Так, в причитаниях невесты из Тарногского р-на Вологодской обл. *сивые* волосы являются показателем красоты, пригожести

Из содержания приведенных выше текстов следует, что применительно к жене и его мужскому окружению синее цветообозначение наделено положительной семантикой, «синий» имеет значения ‘красивый’, ‘дорогой’, ‘новый’¹². Синие детали убранства свадебного поезда, одежды участников ритуала придают всей свадебной ситуации значение особого, исключительного, примечательного события¹³. В этом контексте приведем еще один пример из Новгородской губернии: отправляясь к венцу, дружка приглашает в дом жениха родственников со стороны невесты, перечисляя при этом обязательную для них одежду – синие сарафаны и кафтаны:

Просит наш князь нареченный
С княжной нареченной,
К себе в гости, в каменны палаты.
В семерых санях,
По семеро в санях,
Не все в синих кафтанах,
А и в синих сарафанах [35. С. 92].

Синие детали облачения как знак особого события встречаются и в нескольких описаниях невесты. «Синий кумацнищек» упоминается в приговоре сватьи: «...молодая княгиня жила двадцать годичков, вставала ранешенько, одевалась крутешенько: надевала тонкую белую рубашку и синей кумацнищек, выходила в зеленой сад гулять...» [36. Колл. 500F. № 3541.06. Архангельская обл.], в приговорах дружки – чулки из синей шерсти, которые в числе даров жених преподносил невесте и которые она должна была надеть к венцу [37. Ф. 23. Д. 32. Л. 5 об., Владимирская губ.]¹⁴.

Наши наблюдения подтверждаются диалектными данными и примерами из древнерусской литературы. Так, в ярославском, архангельском, калужском диалектах «синяя одежда» употребляется в значении «праздничная, нарядная одежда» [9. Вып. 37. С. 328], «праздничная суконная одежда, хотя бы и не синего цвета» [11. С. 182]. В древнерусских памятниках, датированных XI–XVII вв.,

девушки: в девичестве девушка «Из себя-то хорошая, // Волосами-то сивая, // На лице-то красивая...». «Упрекая» родителей за согласие выдать ее замуж, невеста причитает: «Видно я, молодешенька, // Да из себя нехорошая, // Волосами не сивая, // Из себя некрасивая...» [30. С. 37, 40].

¹²Кстати сказать, *синий* (вариант: *силь*) *кафтан* в значении ‘новая, дорогая одежда’ встречается и в текстах свадебной лирики, посвященных мужским персонажам: в величальных песнях тысяцкому («... на ем дорого платьё, на ем силь кафтан» [31. С. 171. № 342; С. 169. № 337]), дружке («... У дружки кафтан синенький, // Опясочка браненькая, // Шапочка мерлушчатая, // Сапожки козловые, // Рукавички барановые!» [32. С. 305. № 504]), жениху («...на ём нов-синей да кафтан...» [30. С. 161. № 14]) и др.

¹³В свадебных причитаниях *синий* также является цветом жениха и поезжан, но это цвет «чужой» стороны, одетые в одежду синего цвета поезжане называются «чужими», «незванными», соответственно синий получает негативный оттенок, например, в пинежском тексте: «...Что не от лесу темного черн далеко чернеется, там и силь-то есть синееется, да и краса-то красееется. Это черн-то чернеется – то чужи вороны кони, это силь-то синееется – чужие люди добрые, это крас-то красееется – чужая сваха княжая...» [14. Р. V. К. 12. П. 4. № 18. Л. 11–12. Архангельская обл.]. Сочетание *силь сиятце* как метафора свадебного поезда зафиксировано также в причитаниях Вологодской обл. [30. С. 41] и т.д. Для сравнения: в подблюдных песнях, предсказывающих свадьбу или смерть, одежда синего цвета является единственной изобразительной деталью жениха «Из кути по лавке // Все женихи: // Коей в *синенькой* кошульке, // Тот и мой женишок» [33. № 142а]; девушки «Сидит девка на сарае, // Слава, ладо мое! // Сидит в *синем* сарафане. // Слава, ладо мое! // Кому сбудется, // Слава, ладо мое! // Не минуется. // Слава, ладо мое!» [34. С. 220. № 310].

¹⁴С другой стороны, возможно в приговорах нашла отражение обрядовая особенность, связанная с облачением невесты. Исследователи отмечают преобладание однотонной сине-черной цветовой гаммы в одежде невесты довенечного периода свадьбы и собственно венца. В частности, в Вологодской губ. в числе деталей венчальных костюмов городской невесты упоминается сарафан из шелковой синей ткани [2. С. 160], для венчальных костюмов невесты в западных губерниях России выбирались ткани домашней выработки темно-синего цвета [2. С. 178, 179]. Г.С. Маслова на основании анализа музейных коллекций делает заключение, что подвенечный сарафан невесты нередко был синего и даже черного цвета [1. С. 32].

лексема *синее* (мн. ч. *синяя*) обозначает драгоценную пряжу, ткань или одежду синего цвета [13. Вып. 24. С. 151]. Н.Б. Бахилина предполагает, что синий цвет одежды для какого-то времени или территории воспринимался как праздничный или как цвет дорогой, городской одежды [11. С. 182].

Еще одно наблюдение касается сочетания, хотя и не регулярного, в описаниях свадебных персонажей синего и красного цветов, что указывает на близость символики этих цветообозначений, связанных с эстетической оценкой ('праздничный', 'красивый'). Так, жених одет «...Во сафьянных сапожках, // В плюсовых шароварах, // Красной рубашке, // В синем кафтане, // В суконном тулупе, // Красном шарфе, // Каракульской шапке...» [27. С. 286–287]; в доме невесты дружка обращается к сватам «Здравствуйте, сватья и свахи, // Красные и синие рубахи...» [37. Ф. 30. Д. 8. Л. 14; Д. 18. Л. 43. Владимирская губ.], преподносит невесте подарок: «Идет от нашего князя молодого, ясного сокола, к княгине-молодице бело мыло, злато-серебро, цветно платье, сини чулочки, красные башмачки...» [38. С. 99] и др.¹⁵

Итак, в свадебных приговорах определение «синий» имеет различные значения применительно к разному кругу персонажей и явлений. В описаниях нежелательных для молодоженов присутствующих (пожилых людей, детей) семантика хроматической характеристики *синий* наиболее близка к значению этого цветообозначения в народной культуре, где синий демонстрирует устойчивую связь с понятиями демонического, нечистого, испорченного, а также болезненности, бедности, повседневности. Относительно жениха и его окружения эпитет *синий* получает значения 'праздничный', 'дорогой', 'новый', 'лучший', связанные с эстетической оценкой, а также используется в качестве маркера особой ситуации, исключительного события, поскольку синие детали облачения выделяют жениха, поезжан среди присутствующих на свадьбе. К персонажам, одетым по-особому (в одежду синего цвета), относятся и приглашенные в дом жениха со стороны невесты гости. В отношении невесты или молодоженов *синий* встречается спорадически при упоминании повседневной рабочей одежды, необходимой для дальнейшего совместного проживания молодой пары. В этом контексте синий представляет собой одно из поэтических средств, посредством которого «проговаривается» идея приобщения молодоженов к другой возрастной группе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984.
2. Шангина И.И. Обрядовая одежда восточнославянских народов в собрании Государственного музея этнографии народов СССР // Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984.
3. Байбурина А.К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб., 1993.
4. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. В 5-и т. М., 1995. Т. 1; 1999. Т. 2; 2004. Т. 3; 2009. Т. 4.
5. Толстая С.М. Семантический параллелизм *kras- и *květ- // Толстая С.М. Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. М., 2008.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1995.
7. Куклин М.М. Свадьба у великорусов (Вологодская губ.) // Этнографическое обозрение. 1900. № 2.
8. Иваницкий Н.А. Материалы по этнографии Вологодской губ. // Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России. Известия Имп. ОЛЕАиЭ. М., 1890. Вып. 2.
9. Словарь русских народных говоров. Л., 1968–1991. Вып. 1–26; СПб., 1992–2005. Вып. 27–39.
10. Архив Русского географического общества.
11. Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. М., 1975.

¹⁵ Сочетание красного и синего цветов зафиксировано и в этнографических описаниях, в частности, в Нижегородской области наряд невесты – москаль – состоит из синего сарафана с пришитыми к нему красными рукавами, поверх сарафана надевали белый фартук [39. С. 80].

12. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. М., 1995.
13. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Отв. ред. С.Г. Бархударов. М., 1975–. Вып. 1– ...
14. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
15. Архив автора.
16. Фольклорный архив Сыктывкарского госуниверситета.
17. Крашенинникова Ю.А. Персонажи в приговорах свадебных дружек: образы участников ритуала // Традиционная культура: Научный альманах. 2006. № 3.
18. Русский фольклор Удмуртии. Ижевск, 1990.
19. Архив кафедры фольклора Московского госуниверситета.
20. Виноградов Н.Н. Народная свадьба в Костромском уезде // Труды Костромского научного общества по изучению местного края. 1917. Вып. 8.
21. Суслов И. Из свадебных обрядов Малмыжского уезда // Вятские губернские ведомости. 1901. № 33.
22. Архив Российского этнографического музея.
23. Российский государственный архив литературы и искусства.
24. Доброздраков М. Село Ульяновка Нижегородской губ. Лукояновского у. // Этнографический сборник. СПб., 1853. Вып. 1.
25. Даль В.И. Пословицы русского народа. В 2-х т. М., 1989.
26. Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М., 1911. Вып. 1.
27. Васнецов А. Песни северо-восточной России. Песни, величания и причеты, записанные в Вятской губернии в 1868–1894 гг. М., 1894.
28. Шейн П.В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах / Материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. СПб., 1900. Т. I. Вып. 2.
29. Ефименко П.С. Материалы по этнографии русского населения Арх. губ. // Труды этнографического отдела общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. М., 1877. Кн. 5. Вып. 1.
30. Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. Русская свадьба. Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и на Уфтюге (Тарногский район Вологодской области). М., 1985.
31. Лирика русской свадьбы / Изд. подгот. Н.П. Колпаковой. Л., 1973.
32. Обрядовая поэзия. Кн. 2. Семейно-бытовой фольклор / Сост., подготовка текстов и комментарий Ю.Г. Круглова. М., 1997.
33. Вятский фольклор. Народный календарь. Котельнич, 1995.
34. Поэзия крестьянских праздников / Вст. статья, составление, подготовка текста и примечания И.И. Земцовского. Л., 1970.
35. Колосов М.А. Заметки о языке и народной поэзии в области северно-великорусского наречия // Сб. отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1877. Т. XVII. № 3.
36. Фонограммархив Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.
37. Архив Государственного литературного музея.
38. Пермский сборник. Повременное издание. М., 1860. Кн. 2. Ч. 2.
39. Никифорова О.В. Диалектная свадебная лексика в Нижегородской области / Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.

МИНСКИЙ ПЕРИОД В ЖИЗНИ Н.Н. ДУРНОВО

В статье рассматривается один из путей формирования научного и научно-педагогического потенциала гуманитариев в Белоруссии в 1920-е годы, а именно – приглашение на работу в республику ученых из РСФСР. Данная проблема раскрывается через освещение одного из этапов деятельности известного ученого Н.Н. Дурново. Выявление новых документальных материалов позволяет не только дополнить его биографию, но и более полно характеризовать научно-организационную ситуацию того времени.

The article considers one of the forms of raising the number of scholars and pedagogues in Belorussia in the 1920s, namely the employment of scholars from the Russian Federation in this republic. The problem is considered through a reconstruction of the biography of the prominent scholar Nikolai N. Durnovo. New documentary materials recently discovered let not only make his biography more complete, but also reconstruct a more diversified picture of the academic life of that period.

Ключевые слова: академик, академия наук, белоруссизация, вуз, история, славяноведение, языковедение.

В белорусской историко-научной литературе определенное внимание уделялось освещению деятельности ученых, оставивших заметный след в становлении и развитии науки в 1920-х годах. Специальные публикации посвящались и тем, кто приехал в то время на работу в республику из РСФСР, например В.И. Пичете, Н.М. Никольскому, В.Н. Перцеву [1; 2; 3]. К сожалению, Н.Н. Дурново в этом смысле «не повезло». Возможно, по причине довольно короткого времени его пребывания в БССР. В отличие от Белоруссии, российские ученые интересовались историей его жизни и деятельности (см. [4; 5]). Выявленные в последнее время архивные материалы, думается, позволяют в некоторой степени дополнить и уточнить определенные позиции, изложенные в указанных трудах.

Как известно, всякие формы организованной научной и высшей учебной работы в Белоруссии были фактически ликвидированы российским правительством после подавления восстаний 1830–1831 гг. (Виленский университет) и 1863–1864 гг. (Горы-Горетский земледельческий институт – первый в Российской империи сельскохозяйственный вуз). Попытки восстановления центра образования и науки в форме университета во второй половине XIX – начале XX в., а также и правительством Белорусской Народной Республики, завершились открытием

Шевчук Игорь Иванович – д-р ист. наук, профессор Брестского государственного университета.

советской властью в 1921 г. Белорусского государственного университета (БГУ). Тогда же состоялась организация Института белорусской культуры (ИБК)¹.

Отсутствие достаточного количества высококвалифицированных специалистов, конечно же, сказывалось на возможности развития научной работы в республике. На этом этапе их приглашение, в первую очередь из России, стало основным источником формирования кадрового потенциала науки. БГУ начал свою деятельность в 1921 г. имея в штате 14 профессоров, из которых практически все были приезжими. Через четыре года в университете стали работать 44 профессора, 12 из которых занимались гуманитарными исследованиями: В.И. Пичета, В.М. Игнатовский, В. Дьяков, Д.А. Жаринов, Н.М. Никольский, А.Н. Ясинский, В.Н. Перцев, С.З. Каценбогин, А. Евлахов, И.И. Замотин, И. Вайнберг и И. Маркон [б. Ф. 205. Оп. 1. Д. 143. Л. 2–5]. Однако профессоров, специализировавшихся по славянскому языковедению, университет не имел.

Не совсем понятны причины, которые вынуждали Н.Н. Дурново в 1924 г. бедствовать на 20 рублей, получаемых от КУБУ «и больше ни копейки», в связи с потерей оплачиваемой работы [5. С. 118]. Очевидно, что такого бедствования он вполне мог избежать. Об этом можно судить, знакомясь с его заявлением в правление БГУ, написанным 19 ноября 1921 г. По всей видимости, оно было ответом на предложение о профессорской должности в университете. Ученый предлагал провести семь теоретических курсов и практических занятий: история и диалектология русского языка, белорусский язык (история и диалектология), русский литературный язык, введение в языковедение, сравнительная грамматика славянских языков (с практическими занятиями по отдельным славянским языкам), старославянский язык, сравнительная грамматика индоевропейских языков. Условием их прочтения автор заявления выдвинул возможность приезжать в Минск не чаще одного раза в месяц на несколько дней [б. Ф. 205. Оп. 1. Д. 359. Л. 1].

Упомянутое условие не могло стать преградой для преподавания в Минске. Такое положение в начале 1920-х годов было в порядке вещей. Например, в 1922 г. А.Н. Ясинскому и М.К. Любавскому предлагались кафедры соответственно истории Средних веков и исторической географии Белоруссии с приездом в Минск два раза в год на один месяц [б. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1115. Л. 51]. Более того, в научной литературе отмечались случаи выделения специальных вагонов для перевозки профессоров в места чтения лекций по совместительству. В частности, они курсировали между Москвой и Астраханью, Москвой и Смоленском [3. С. 21; 7. С. 149–150]. В качестве вероятных причин нежелания постоянно проживать в Минске можно привести отсутствие жилья, архивов и богатых библиотек, положение «при границе», более низкие, чем в других республиках, ставки высококвалифицированным специалистам. Очевидно, по этим же причинам не приехали в Минск Б.М. Ляпунов и А.И. Томсон [5. С. 48].

Представляется, что критическое материальное положение Н.Н. Дурново должно было вынудить его к переезду в Минск. Но этого в первой половине 1920-х годов не произошло. Хотя подобного рода опыт у него был: работа с 1918 г. по весну 1921 г. в качестве профессора Саратовского университета по кафедре русского языка. В автобиографии, составленной 18 мая 1928 г., Н.Н. Дурново писал: «С 1921 г. до 1924 г. жил в Москве, не занимая никакого платного места и зарабатывая средства к существованию исключительно литературным трудом» [б. Ф. 205. Оп. 1. Д. 359. Л. 123об.]. Однако в письме Б.М. Ляпунову в начале ноября 1927 г., за полгода до составления процитированного документа, профессор информировал адресата: «Я с октября 1923 г. штатного места и постоянного зара-

¹ ИБК организован осенью 1921 г. Некоторую деятельность, главным образом в области разработки белорусской научной терминологии, осуществлял с 1922 г. В 1924–1925 гг. реорганизован (повторно создан) в высшее государственное научное учреждение. 13 октября 1928 г. реорганизован в Белорусскую академию наук, открытие которой состоялось в день десятилетнего юбилея образования БССР 1 января 1929 г.

ботка не имел (выехал я в августе 1924 г.)» (цит. по [4. С.69]). Возможно, положение Н.Н. Дурново и не было таким катастрофическим, как это принято считать. Вместе с тем, необходимо иметь в виду, что вопросы кадрового обеспечения белорусского университета в первые годы его существования зависели главным образом от Наркомпроса РСФСР². В качестве примера можно привести случай с историком А.А. Савичем. Научно-политическая секция ГУСа НКП РСФСР 9 сентября 1921 г. отказала ему в праве чтения лекций в БГУ. Только через полтора месяца Наркомат просвещения пересмотрел решение и допустил его к преподаванию в Белгосуниверситете [6. Ф. 205. Оп. 1. Д. 4. Л. 15, 20].

Ученому, видно, все же предназначено было на непродолжительное время связать свою судьбу с Белоруссией и ее столицей. Как следует из журнальной публикации, инициатором его приезда стал П.А. Бузук [4. С. 70]. Опубликованная в 1992 г. переписка свидетельствует о непонимании Н.Н. Дурново, какая организация приглашает его на работу. Потребовалось объяснение Бузука. Дело в том, что в соответствии с академическим уставом 1927 г. [9] в ИБК организовывался отдел гуманитарных наук, поделенный на два класса: истории и филологии, состоявшие, в свою очередь, из научно-исследовательских кафедр. В классе филологии функционировали кафедры истории белорусского языка, истории белорусской литературы, живого белорусского языка, кафедра составления биографического словаря писателей и Институт научного языка [10. С. 21, 58, 61]. Занять должность заведующего научно-исследовательской кафедрой истории белорусского языка и предлагалось Н.Н. Дурново. Возможно, в пользу Минска выбор ученого был определен и поддержкой Р.О. Якобсона: «О Минске заботятся. Это как-никак все-таки столица» (цит. по [5. С. 212]).

Поскольку приглашал на работу Институт белорусской культуры, постольку хлопоты организационного оформления приезда взял на себя руководитель ИБК В.М. Игнатовский³. Он обратился в секретариат ЦК КП(б)Б с запиской: «Бюро фракции ИБК считает необходимым пригласить в качестве действительного члена ИБК члена-корреспондента АН СССР историка языка Дурново. Прошу согласия секретариата ЦК. С т. Голодедом⁴ согласовано: он согласен». Ответа из ЦК пришлось ждать целую неделю, с 23 по 29 декабря, потому что решение проводилось опросом. Результат был положительным [6. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 3131. Л. 39, 15].

Таким образом, несмотря на все старания Бузука и ожидания Дурново, приезд последнего явно затягивался. Но причиной видится не столько болезнь руководителя отдела гуманитарных наук ИБК С.М. Некрашевича⁵, на которую ссылался Бузук как причину задержки выборов, и затянувшееся согласование с СНК, поскольку характер взаимоотношений и взгляды на национально-государственное строительство Игнатовского и Голодеда позволяли решать подобные вопросы оперативно, а проверка кандидатуры в разных инстанциях. Сегодня это очевидно, если иметь в виду события близкого будущего в АН СССР и БелАН.

В данном случае, правда, есть основания предполагать, что болезнь С.М. Некрашевича могла иметь основания не вполне медицинского характера. Дело в

² БГУ на протяжении первых двух с половиной лет своего существования находился в подчинении Главпрофобра НКП РСФСР [8. С. 16].

³ Игнатовский Всеволод Макарович (1881–1931). Окончил Юрьевский университет в 1911 г. Преподаватель и директор Минского учительского института (1914–1920 гг.). В 1920–1926 гг. нарком просвещения, с 1925 г. председатель Инбелкульта, в 1929–1931 гг. – президент БелАН и директор Института исторических наук (с 1931 г. – Институт истории). В 1921–1930 гг. член правления и профессор БГУ. В 1930 г. освобожден от должности президента Академии, исключен из партии. Покончил жизнь самоубийством.

⁴ Голодед Николай Матвеевич (1894–1937), в 1927–1937 гг. председатель СНК БССР, кандидат в члены ЦК ВКП(б), член ЦК и бюро ЦК КП(б)Б, ЦИК СССР и Президиума ЦИК БССР. В тюрьме покончил жизнь самоубийством.

⁵ Некрашевич Степан Михайлович (1883–1937), окончил Виленский учительский институт в 1913 г. С 1920 г. председатель научно-терминологической комиссии, зам. пред. Академцентра, Главпрофобра, председатель Инбелкульта, руководитель Главнауки, вице-президент БелАН и директор Института языковедения. Арестовывался в 1930 и 1937 гг. Расстрелян в 1937 г.

том, что Инбелкульт владел более широкими полномочиями, которые не фиксировались нормативными документами. Тут имеется в виду право подбора и утверждения им преподавателей вузов и научных работников. Свидетельствуют об этом и слова влиятельного белорусского деятеля Д.Ф. Жылуновича⁶: «Инбелкульту представлялся для рассмотрения и обработки ряд отраслей наркомпросовской работы, обработка и критический анализ программ школ, рекомендация кандидатов в лекторы вузов» [11. С. 95]. Через три года о том же писали И.Ф. Шпилевский и Л.А. Бобрович: «Без просмотра работниками ИБК не утверждалась ни одна школьная программа [...] они рекомендовали кандидатов в преподаватели вузов, разрабатывали научные планы и т.д.» [12. С. 4]. Вообще, имеется немало свидетельств, в том числе «компетентных» органов, об этой стороне деятельности ИБК. Как бы то ни было, в феврале 1928 г. Н.Н. Дурново получил назначение на должность заведующего кафедрой истории белорусского языка со званием действительного члена Инбелкульта [6. Ф. 205. Оп. 1. Д. 359. Л. 123об.–124].

В Минске перед ним раскрывались широкие служебные перспективы, поскольку ученых такого масштаба в Белоруссии имелось совсем немного. Был он востребован и в БГУ. Уже 1 июня его кандидатура на должность профессора кафедры славянского языковедения одобрена, по-видимому, соответствующей предметной комиссией и деканатом педагогического факультета. Через две недели она была утверждена правлением БГУ во главе с ректором В.И. Пичетой. С 1928/29 уч. г. Н.Н. Дурново имел двухчасовую недельную нагрузку в одном семестре [6. Ф. 205. Оп. 1. Д. 359. Л. 121, 249]. Довольно плодотворно он начинает работать на новом месте. Через полгода после университетского утверждения Н.Н. Дурново в числе 22-х исследователей стал академиком открытой 1 января 1929 г. Белорусской академии наук. Однако в начале 1930-х годов его, чистейшего русского, как писал западнобелорусский языковед Я. Станкевич, обвинят в том, «что обвинил Бузука, что тот недостаточно взял во внимание расширение диалектов белорусского языка за границы Советской Беларуси. Дурново писал: “Такое ограничение пространства [...] неоправданно [...] пространство, через которое проходят эти границы, на карте Бузука не введено [...] Атлас Бузука не полный: он не охватывает всей белорусской территории в границах СССР”» [13. С. 205]. Уже после ареста по «делу левых», ученому в Белоруссии инкриминируют «белорусский шовинизм». Так же, например, как еще одному языковеду профессору А.Н. Вознесенскому, – «стык великодержавного шовинизма с белорусским». В данном случае представляет интерес, каким образом этот ученый пытался уйти от обвинения в публикации своих работ за границей: печатал по-английски и по-немецки, потому что маленький спрос на белорусскоязычные издания, а не по-русски, чтобы националисты не записали его в шовинисты [6. Ф. 701. Оп. 1. Д. 104. Л. 59].

Весной 1929 г. Н.Н. Дурново в целом правильно, хотя, думается, излишне категорично, охарактеризовал сложившуюся в БелАН ситуацию: «Они безграмотны, не понимают настоящей науки и только роняют имя белорусской “Академии Наук” [...] Их белорусский патриотизм часто выливается в форму нелепого и вредного шовинизма. Но они или большинство из них не шарлатаны» (цит. по [4. С. 71]). Говоря о «белорусском шовинизме», надо помнить о двух моментах. Во-первых, именно весной 1929 г. проявились некоторые трения между Н.Н. Дурново и Президиумом БелАН, связанные с его частыми отлучками в Москву «без разрешения и задания» [14. Ф. 1. Д. 2. Л. 170], что даже стало предметом повестки дня не одного заседания Президиума. Во-вторых, этот «белорусский шовинизм» во многих случаях был ответом на неприятие приезжими научными работниками и преподавателями, не обязательно русскими по происхожде-

⁶ Жылунович Дмитрий Федорович (1887–1937), литературный псевдоним – Тиска Гартны, автор манифеста о создании БССР, первый председатель Временного рабоче-крестьянского правительства БССР в 1919 г., в разное время возглавлял бюро Истпарга ЦБ КП(б)Б, Центрархив, Госиздат, Главискусство БССР, академик БелАН. Умер в тюрьме.

нию, проводившейся в 1920-х годах национальной политики. Правда, сказанное в меньшей степени касалось гуманитариев. В выводах комиссии ЦК ВКП(б) для обследования практики проведения национальной политики в БССР во главе с В.П. Затонским (1929 г.) говорилось: «Случаи открытого сопротивления академическому росту партийцев и выдвиганию белорусов уже редкие в вузах. Нередко сами профессора их выдвигают. Некоторые стали выступать за белоруссизацию: проф[ессоры] Замотин, Вознесенский, Пичета из прямых противников белоруссизации превратились в отдельных случаях в непосредственных инициаторов и выразителей националистических настроений части белорусской интеллигенции». Комиссия Затонского одновременно отмечала враждебность ко всему белорусскому со стороны еврейских научных работников – к коренизации ученых, неудовлетворенность «недостаточным комплектованием Академии наук евреями» и т.п. [6. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 4182. Л. 13–14]. Еще ранее, в октябре 1926 г., коммунистическая фракция правления БГУ фиксировала, что «преобладали русификаторские настроения, опирающиеся на преобладающий русский состав научных работников среди профессуры» [6. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5085. Л. 348]. В этом же документе обращалось внимание на организованный совместный отпор русских и еврейских научных работников попыткам более активного проведения белоруссизации. Очевидно, что это в определенной степени порождало отношения, которые отрицательно воспринимались Н.Н. Дурново.

Вместе с тем, представляются не совсем адекватными слова Г.А. Ильинского, высказанные им в переписке в январе 1928 г.: «Мне очень обидно за Вас, что вы меняете Врно на Минск, осиное гнездо б[ело]р[усских] шовинистов⁷. Человек с самостоятельным характером едва ли там уживется – оттуда бегут все, кто только может» (цит. по [5. С. 212]). Тут мы имеем явное преувеличение негативных моментов в проведении национальной политики, в том числе в научно-организационной сфере. Естественно, коллизии подобного характера возникли. Имеющиеся архивные материалы позволяют понять, например, почему оставил Белоруссию академик Е.Ф. Карский. Помогают в освещении вопроса и проблемы, связанные с трудоустройством этнографа И.А. Сербова, который просил оставить за ним штатную должность ученого секретаря этнографической секции ИБК. Очевидно, возникли определенные недоразумения, в связи с чем исследователь в октябре 1927 г. пишет объяснение руководству института: «Некоторые белорусские круги выдвигают против меня враждебные сплетни, будто бы я имел близкое знакомство с академиком Е.Ф. Карским и сейчас поддерживаю с ним связь [...] не имел и не имею никаких отношений [...] Заявляю, что из академиков старой школы у меня существовали хорошие отношения с А.А. Шахматовым, С.Ф. Ольденбургом, Котляревским и Лаппо-Данилевским» [14. Ф. 67. Д. 35. Л. 177, 179]. Выходит, знакомство или дружба с Е.Ф. Карским, белорусом по происхождению, представляли больший порок, чем дружба с русскими по происхождению академиками. Причины недружелюбного отношения к нему со стороны «белорусской общественности» по прошествии восьми лет после смерти академика засвидетельствовал В.И. Пичета. В записке в ЦК ВКП(б) (ноябрь 1939 г.) по поводу разграничения БССР и УССР он оценивает научное значение карты Карского, давая характеристику его научного и политического кредо: «Для Карского Беларусь – это только Западная Россия [...] такой точки зрения придерживался муравовед Говорский, редактор “Вестника Западной России”, с 1864 г. – Коялович, друг Победоносцева». И далее: «В карте Карского нашла яркое отражение его полонофильская и украинофильская физиономия. Он сочувст-

⁷ Показательно, что ровно через два года, во время разгрома так называемого Союза освобождения Белоруссии (Саюз вызвалення Беларусі, СВБ), первый секретарь ЦК КП(б)Б К.В. Гей, выступая на заседании комфракции ЦИК БССР 13 января 1930 г., фактически повторил слова Ильинского: «Именно в Академии было главное гнездо СВБ» [6. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 5085. Л. 25].

вовал украинским националистам по причинам определенного политического характера» [6. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 14635. Л. 5, 7]⁸.

Объясняют довольно жесткое отношение к Е.Ф. Карскому, и не только, материалы протокола заседания Совета этнолого-лингвистического и социально-исторического отделений педагогического факультета БГУ, которое состоялось 1 февраля 1924 г. На нем обсуждался доклад соискателя на должность ассистента О.В. Волк-Леоновича (Волк-Левановича) «Историческое изучение белорусского языка в славянской филологии». В данном случае обращает на себя внимание одно из выступлений Я.Ю. Лёсика⁹: «Раз есть кафедра истории белорусского языка и есть постановление, по которому этот курс должен читаться на белорусском языке, то значит он и должен на нем читаться, между тем Волк-Леванович этого языка не знает. Если бы приехал из Москвы Расторгуев и стал бы читать этот курс на русском языке, то это ничего, но раз приглашается белорус, то он должен знать этот язык и читать только на нем» [6. Ф. 205. Оп. 1. Д. 781. Л. 24]. Таким образом, неприятие белорусской общественности вызывали не русские ученые, а те из белорусов, кто не хотел вести преподавательскую и научную работу в русле политики белоруссизации. Или те, кто относился к ней негативно. Как констатировал на том же заседании Я.Ю. Лёсик, «Карский, при всей его учености, к белорусскому движению относится враждебно» [6. Ф. 205. Оп. 1. Д. 781. Л. 23].

Очевидно, такого рода коллизий с Н.Н. Дурново не было, да исходя из приведенных выше высказываний и не могло быть. Кстати, его переписка с руководством ИБК и БГУ велась на двух языках. Если в первое учреждение он обращался по-белорусски, причем, насколько можно судить по небольшим объемам заявлений, весьма грамотно, то во второе – по-русски. Думается, что условия для профессиональной деятельности ученого создавались приемлемые. Была, правда, бытовая неустроенность, описанная им в заявлении в правление БГУ 6 октября 1928 г. Просьба касалась решения проблемы с жильем. «В настоящее время я снимаю крошечную комнатку, не более 8 квадр. метров, в которой трудно бы было поставить письменный стол и полку для книг. Книги приходится держать в саквояже, а заниматься за маленьким столиком, на котором нельзя разложить все книги, нужные для занятий [...] В комнатке нет штепселя для настольной лампы, и есть только лампочка на потолке; поэтому я лишен возможности заниматься по вечерам, а в зимние дни и утром, когда учреждения, куда я мог бы уходить заниматься, закрыты, не могу даже читать [...] У меня в Москве осталась семья, но никто из членов моей семьи не может ко мне приехать хотя бы погостить на несколько дней, потому что в моей комнатке негде поместиться второму человеку. Вдобавок моя комнатка настолько сырая, что бумага становится влажной, а книги от сырости портятся. Для моего здоровья эта сырость очень вредна, потому что я еще в 1921 году в Саратове схватил малярию, и весной этого года у меня в Минске приступы малярии возобновились». Написав это, Н.Н. Дурново еще не знал, что правление университета 2 октября постановило предоставить ему одну комнату в квартире доцента Друсковского [6. Ф. 205. Оп. 1. Д. 359. Л. 126]. Кроме того, под номером 9 находим его фамилию в составленном в БелАН списке из 91 человека, имевшего право на одну дополнительную комнату [6. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1239. Л. 240].

Тем не менее, «черная полоса» в минской жизни ученого была уже близка. Президиум БАН 30 апреля 1929 г. принимает следующее решение: «По причи-

⁸В данном случае В.И. Пичета имеет в виду приглашение в Вильно генерал-губернатором Н.Н. Муравьевым в 1864 г. известного «западнорусса» Ксенофонта Антоновича Говорского для редактирования «Вестника Западной России».

⁹Лёсик Язэп (Иосиф) Юрьевич (1883–1940), учился в Молодеченской учительской семинарии, окончил Новгород-Северское городское училище. Один из инициаторов объявления Белорусской Народной Республики в 1918 г., входил в состав Рады министров БНР. Председатель Высшей рады БНР. С 1922 г. преподавал в БГУ, действительный член Инбелкульты. Академик БелАН с 1928 г. Арестовывался дважды в 1930 и 1938 гг.

не того, что т. Дурново выехал в Москву без разрешения и задания Академии, поставить ему это на вид и на основании существующих законов за дни неявки на работу без уважительных причин не выплатить зарплату, как за прогул» [14. Ф. 1. Д. 2. Л. 170]. 14 мая Президиум несколько смягчает свою формулировку, выглядевшую в новой редакции следующим образом: «Считать Дурново в самовольной отлучке с 26.04 по 08.05, с 8.05 до 20.05 считать в отлучке по исполнению плана кафедры» [14. Ф. 1. Д. 2. Л. 177об.]. Как представляется, причины «смягчения» становятся понятными из того же протокола: академик подал заявление с просьбой разрешить жить в Москве и одновременно руководить кафедрой. Какой был конкретный ответ отделения гуманитарных наук, сказать пока невозможно, но, судя по последующим событиям, удовлетворительного решения просьба не получила.

7 июня Н.Н. Дурново просит, а 11 июня Президиум утверждает ему отпуск на два месяца – с 12 июня по 12 августа 1929 г. [14. Ф. 1. Д. 2. Л. 199об.–200]. Но уже 2 сентября из Москвы действительный член БАН обращается в Президиум: «Я думаю пробыть в Москве до 15 сентября, чтобы продолжить свои занятия по изучению старых славянских, в том числе и белорусских письменных памятников, которые хранятся в Московских рукописных сборах и архивах. Подробный отчет о своих занятиях я подам по возвращении в Минск» [14. Ф. 1. Д. 2. Л. 241]. К зиме желание побольше времени провести в Москве у Н.Н. Дурново не исчезло. 6 декабря он снова обращается в Президиум с просьбой об отпуске, но теперь коренным образом меняется мотивация причин, изложенных в заявлении: «Семейные обстоятельства и плохое состояние здоровья вынуждают меня немедленно ехать в Москву. Уже месяц, а может и больше, как я получаю из Москвы каждую неделю очень беспокойные известия о здоровье моей жены и детей, которые болеют и зовут меня домой. В то же время и мне необходима как можно скорее операция. Для меня ее совсем невозможно делать тут, потому что операция займет самое малое три недели, и я в таком случае не буду иметь возможности видеться с семьей еще почти целый месяц и все время буду тревожиться и не спать ночами. Поэтому прошу считать меня в отпуске с 9-го декабря на месяц» [14. Ф. 1. Д. 2. Л. 80]. Семья, некоторая бытовая необустроенность, близкие по духу, культуре, профессиональному уровню коллеги и друзья, желание заниматься наукой по первоисточникам, как писал он сам, очень сильно тянут его назад в Москву. Читая документы, просто физически чувствуется его стремление вырваться из Минска, не теряя, правда, работы в Белоруссии.

Что произошло за следующие почти две недели, достоверно сказать трудно, но на заседании 18–19 декабря Президиум решил «подать через Академический совет БАН докладную в СНК о лишении академика Дурново звания академика и увольнении его с работы в БАН» [14. Ф. 1. Д. 2. Л. 91об.]. Вновь представляются необоснованными слова Г.А. Ильинского, обращенные к Б.М. Ляпунову: «Здесь мы глубоко возмущены травлей почтенного Н.Н. Дурново белорусскими учеными кругами». Более правильным выглядит понимание белорусской ситуации самим Н.Н. Дурново: «Белорусская Академия наук в моем увольнении почти неповинна. Это было постановление комячейки БАН, где распоряжались больше технические служащие, аспиранты и т.п. Президент БАН, хотя и коммунист, заседаний ячейки не посещает. Раз ячейка требовала, Президиум БАН не мог идти против» (цит. по [4. С. 71]).

Действительно, 1929 год был переломным не только в социально-экономической жизни СССР. Означеновался он, как известно, «академическим делом». В Белоруссии на конец года приходится развертывание широкомасштабной кампании по «раскрытию» СВБ, направленной против национально ориентированной интеллигенции и, в первую очередь, против БелАН. Показательно, что создание и функционирование антисоветского подполья государственные органы целиком связали с научно-организационным строительством. В качестве первой

национал-демократической организации после прихода Красной армии назывался Белорусский клуб (БК). Он прекратил существование в середине 1921 г., консолидировав национал-демократов. Целью БК была подготовка условий для возникновения Союза возрождения Белоруссии (Саюза адраджэння Беларусі, САБ), работа которого проходила в Научно-терминологической комиссии и Ин-белкульте. После возвращения из эмиграции В.Ю. Ластовский¹⁰ ставит вопрос о преобразовании САБ в Союз освобождения Беларуси для того, чтобы перейти к тактике непосредственного освобождения от СССР (см. [6. Ф. 60. Оп. 3. Д. 838. Л. 5–7]).

Очевидно, что Н.Н. Дурново находился под пристальным наблюдением органов госбезопасности. В свете вышесказанного представляется очевидным, что Белорусская академия наук не только не хотела, но и не могла стать инициатором травли ученого, как, может быть, кое-кому казалось из Москвы. Это подчеркивал и сам академик. Он ошибся, видимо, только в определении действительных инициаторов. Архивные документы позволяют уточнить его констатацию. 25 марта 1930 г. фракция КП(б)Б Центрального бюро секции научных работников (СНР), в очередной раз рассматривая заявление Н.Н. Дурново, постановила подтвердить прежнее постановление той же фракции от 15 декабря 1929 г. [6. Ф. 4. Оп. 14. Д. 7. Л. 325об.]. Значит, ее решение предшествовало публичному решению Президиума БелАН на 3–4 дня. Что коммунисты СНР под предводительством С.Я. Вольфсона инкриминировали Н.Н. Дурново, рассматривая его первое заявление, становится понятным из протокола заседания той же фракции 20 января 1929 г. [6. Ф. 4. Оп. 14. Д. 7. Л. 280об.], где присутствует только одно обвинение – статья, посланная им в чехословацкий журнал, где писалось о плохом материальном, физическом и моральном состоянии А.И. Соболевского после 1914 г. Содержание статьи в основном касалось советского времени. К протоколу даже были приложены в качестве доказательного материала вырезки из публикации [6. Ф. 4-п. Оп. 1. Д. 4600. Л. 280об., 282]. Таким образом, исключением из числа действительных членов БелАН в конце декабря 1929 г. фактически была перевернута минская страница в жизни известного ученого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Академик В.И. Пичета. Страницы жизни. Минск, 1981.
2. *Ботвинник М. Н.М.* Никольский. Минск, 1964.
3. *Ботвинник М.Б.* В.Н. Перцев. Минск, 1978.
4. *Робинсон М.А., Петровский Д.П.* Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «дела славистов» (по материалам ОГПУ–НКВД) // *Славяноведение*. 1992. № 4.
5. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ).
7. *Чанбарисов Ш.Х.* Формирование советской университетской системы (1917–1938 гг.). Уфа, 1973.
8. Беларускі Дзяржаўны Універсітэт да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск, 1927.
9. Статут Інстытуту Беларускай Культуры: пасг. СНК БССР, 29 чэрвеня 1927 г. // *Збор законаў БССР*. АДД. I. 1927. № 31. Арт. 158.
10. Інстытут беларускай культуры. Минск, 1993.
11. *Жылуновіч З.* Нацыянал-дэмакраты за «працай» (1920–1928 гг.) // *Спадчына*. 1991. № 4.
12. *Штлевский И.Ф., Бобрович Л.А.* Белорусская Академия наук на пороге второй пятилетки (Исторический очерк). Минск, 1933.
13. *Станкевич Я.* Моўная палітыка бальшавікоў у Беларускай ССР // *Збор твораў у двух тамах*. Мінск, 2002. Т. 2.
14. Центральный научный архив НАН Белоруссии (ЦНА НАНБ).

¹⁰ Ластовский Вацлав Юстынович (1883–1938), с 1919 г. работал в редакциях газет и журналов «Наша ніва», «Саха», «Беларускі сяг», «Гоман», «Крывічанін», «Крывіч». Возглавлял Кабинет министров Рады БНР (1919–1923). С 1927 г. директор Белгосмузея, с 1929 г. непреременный секретарь БелАН. Арестовывался в 1930 и 1937 гг. Расстрелян в 1938 г.

© 2011 г. М.А. РОБИНСОН

«ЗАЯВЛЕНИЕ ПРОФЕССОРА Н.Н. ДУРНОВО»

Для белорусского сообщества ученых-лингвистов в период «белорусизации» 1920-х годов были характерны острые дискуссии, сопровождавшиеся взаимными политическими обвинениями. Эти обвинения привели к исключению Н.Н. Дурново из Белорусской АН и снятию его кандидатуры с выборов в АН СССР.

During the so called period of «belorusizaciya» in the 1920s, the Belorussian scholarly-linguistic community was split and deeply involved into fierce disputes followed by mutual political charges. These charges had led to Nikolai N. Durnovo's exclusion from the Belorussian Academy of Sciences and striking-off his name from the nominees-list for the elections to the Academy of Sciences of the USSR.

Ключевые слова: Инбелкульт, белорусизация, марризм, марксизм, языкознание, белорусский язык.

В декабре 1929 г. Н.Н. Дурново был лишен звания академика Белорусской академии наук и вернулся в Москву. Это был первый случай в истории Белорусской АН исключения из ее рядов с лишением звания академика [1. С. 8].

Судьба связала Дурново с Белоруссией достаточно случайно. С трудом добившись командирования в Чехословакию, ученый значительно превысил сроки пребывания за границей, оказавшись в положении полуэмигранта. Неоднократно он обращался к коллегам с просьбой найти ему какое-либо место работы на родине. Казалось бы, неожиданное стечение обстоятельств: наметившаяся с середины 1927 г. [2. С. 29] реорганизация Института белорусской культуры (Инбелкультга) в национальную академию наук открывала, наконец, возможность для почетного возвращения из Чехословакии.

Переговоры с ученым от лица Инбелкультга вел П.А. Бузук. Так, 24 октября 1927 г. он сообщал Дурново: «Теперь обращаюсь к Вам с одним официальным предложением. Не согласились ли [бы] Вы приехать в Минск для научной работы в институте Белорусской культуры в Бел[орусской] Ак[адемии] Наук. Вас хотят просить взять на себя кафедру ист[ории] бел[орусского] языка (каф[едрой] истории Белоруссии заведует проф. Пичета)» (цит по: [3. С. 102–103]. Через две недели, 14 ноября, он информировал Дурново о ходе дела: «Председатель Гуманитарн[ого] (Ист[орико]-Филол[огического]) Отд[еления] ИБК С.М. Некрашевич просил передать Вам о том, что поставленные Вами условия являются вполне приемлемыми для Инбелкультга [...] Думаю, что не позже, чем недели через две, вам будет послано официальное приглашение» [4. Д. 3. Л. 1–2].

В письме Б.М. Ляпунову от 26 ноября Бузук сообщал, что Дурново на сделанное ему предложение «охотно согласился, и через некоторое время мы надемся

Робинсон Михаил Андреевич – д-р ист. наук, заместитель директора Института славяноведения РАН.

увидеть Н[иколая] Н[иколаевича] в Минске. Осталась еще одна серьезная инстанция – утверждение выборов в Совнаркоме» (цит. по: [5. Л. 70]).

Насколько Н.Н. Дурново на самом деле «охотно согласился» перебраться в Минск, видно из его письма Ляпунову, отправленного вскоре после получения приглашения. Итак, 2 ноября 1927 г. он писал: «Минску я, конечно, предпочел бы Москву или Петроград, п[отому] ч[то] смолоду привык работать только по источникам, а в Минске их нет» (цит. по: [5. С. 69]). Но выбора, ехать или не ехать в Минск, у ученого не было, это был тогда единственный шанс вернуться на родину.

Постановление о преобразовании Инбелкульта в Академию наук было принято Советом народных комиссаров БССР 4 октября 1928 г. [6. С. 13]. Но решающим в деле создания БАН было ходатайство Бюро ЦК КП(б)Б перед ЦК ВКП(б). Центр удовлетворил просьбу, и 12 октября Бюро ЦК КП(б)Б приняло решение произвести означенную реорганизацию [6. С. 14]. Специальная комиссия занималась и личным составом будущих академиков, который окончательно был утвержден Совнаркомом БССР. В этом списке был и Н.Н. Дурново [6. С. 15]. Первый президент Белорусской академии наук В.М. Игнатовский сам был видным партийным функционером, членом Бюро ЦК КП(б)Б [6. С. 46]. Таким образом, появление Н.Н. Дурново в первом составе академиков БАН было санкционировано на самом высшем уровне. Ничего не предвещало столь непродолжительного, чуть более одного года, пребывания Дурново в почетном звании академика БАН.

Некоторые коллеги-слависты с сочувствием отнеслись к решению Дурново. Н.С. Трубецкой, собиравшийся навестить ученого в Брно, писал 15 ноября 1927 г.: «Очень рад за Вас, что судьба Ваша, наконец, определилась и, притом, определилась в такой форме, которая дает Вам возможность вновь соединиться с Вашей семьей» [4. Д. 28. Л. 1]. Б.М. Ляпунов 4 января 1928 г. сетовал: «Очень жаль, что Ваше дело о переезде в Минск так затянулось и что неизвестность ставит Вас в затруднительное положение» [4. Д. 24. Л. 1]. Но были и прямо противоположные мнения, так, Г.А. Ильинский выражал свои опасения Дурново по поводу его решения обосноваться в Минске в письме от 21 января 1928 г.: «Мне очень обидно за Вас, что Вы меняете Врно на Минск, осиное гнездо б[ело]р[усских] шовинистов. Человек с самостоятельным характером едва ли там уживется, – оттуда бегут все, кто только может» [4. Д. 17. Л. 3].

Были ли у Ильинского причины для столь радикальных суждений? На основании какой информации он мог прийти к такому выводу? Совершенно определенно таким источником мог служить для него Ляпунов, с которым он активно переписывался. Того в свою очередь сведениями о состоянии белорусской филологической науки и о тех ее направлениях, которые пользовались определенной общественной и государственной поддержкой, снабжал ученик А.А. Шахматова И.О. Волк-Леванович. Его письма середины и второй половины 1920-х годов, а также письма ученика самого Ляпунова П.А. Бузука позволяют представить атмосферу жесткого противостояния в такой области, как лингвистика, исследователей, старавшихся придерживаться традиционной академической науки, и национально ориентированных ученых. И именно в эту обстановку, отнюдь не способствовавшую спокойным научным занятиям, предстояло попасть Н.Н. Дурново.

Волк-Леванович, начавший самостоятельную исследовательскую работу над курсом белорусского языка, жаловался 6 июля 1925 г. Ляпунову: «В своей работе постоянно сталкиваешься с препятствием, свойственным всем провинциальным университет[ским] городам, особенно нашему Минску, в этом отнош[ении] самому молодому, – с отсутствием источников и пособий» [7. Д. 50. Л. 4]. Но это были незначительные трудности, в середине октября 1925 г. Волк-Леванович писал Ляпунову о куда более серьезных препятствиях совсем иного характера: «Послед-

няя работа¹, сомневаюсь, будет ли вообще даже напечатана, т.к. в ней есть места, кои могут не понравиться моим компатриотам из крайнего националистического лагеря, имеющим влияние» [7. Д. 50. Л. 1 об.–2].

Важнейшим мероприятием в истории становления белорусской гуманитарной науки и не только стала Академическая конференция 1926 г. Проведение ее считалось как важнейшим научным, так и политическим событием, поэтому накануне открытия конференции на закрытом заседании Бюро ЦК КП(б)Б 12 ноября 1926 г. был принят окончательный порядок ее проведения и освещения в прессе [8. С. 226]².

Приглашения были разосланы многим ученым за пределами Белоруссии. Как отмечал В.М. Игнатовский, председатель Инбелкульта, одной из задач организаторов конференции было привлечь «“китов науки” из заграницы и СССР» (цит. по: [9. С. 22]). Из списка приглашенных видно [9. С. 22], что «киты» русского академического славяноведения академики Е.Ф. Карский, П.А. Лавров, члены-корреспонденты Н.Н. Дурново, А.И. Томсон, Л.В. Щерба по разным причинам не смогли или не захотели посетить это мероприятие, а академик Б.М. Ляпунов принял заочное участие.

Волк-Леванович спрашивал у Ляпунова в письме от 6 ноября: «Приедете ли на конференцию? Лично я был бы рад приветствовать Вас в нашей белорусской столице. Конечно, все у нас еще довольно убого, но, пожалуй, это-то и интересно для Вас, Борис Михайлович, ибо тут можно наблюдать самый процесс зарождения нашей белорусской науки, процесс во многих отношениях, нужно заметить, болезненный» [7. Д. 50. Л. 13–13 об.].

Конференция прошла в острых дискуссиях, Волк-Леванович в письме Ляпунову от 23 ноября особо остановился на фигуре главного инициатора основной дискуссии, И.Ю. Лёсике, и судьбе его предложений: «Ваши соображения относительно Лёсиковского проекта реформы азбуки были зачитаны на пленуме конференции С. Некрашевичем. Уличенный Вашими доводами в незнании происхождения букв “ы” и “э” Я. Лёсик позволил себе сделать безграмотный выпад против Вас, но был одернут проф. Фасмером и П.А. Бузуком. Из всего этого создался небольшой инцидент, окончательно уронивший Лёсика в глазах компетентной части конференции» [7. Д. 50. Л. 7 об.–8].

Что же за инцидент произошел на конференции? Ответ на это дает письмо Бузука Ляпунову от 11 декабря 1926 г. Он раскрыл суть того «безграмотного выпада» Лёсика против Ляпунова, о котором глухо сообщал Волк-Леванович. Этот выпад справедливее было бы охарактеризовать как политический. «Защищаясь от нападений, – писал Бузук, – Лёсик заявил о том, что “акад[емик] Ляпунов не признает ни белорусского, ни украинского языка”. Это вызвало бурю негодования [...] В своем слове я резко возражал Лёсику, указавши на то, что Вы ведете теперь в Ленингр[адском] универс[итете] курс украинск[ого] яз[ыка], чего бы не могло быть, если бы Вы отрицали права этого языка». Далее последовало очень важное замечание: «Инцидент, возникший вокруг Вашего письма, газеты замолчали» [7. Д. 32. Л. 42–42 об.]. Отметим, что в теоретическом плане Ляпунов легко сочетал старое представление о соотношении восточнославянских языков с новой интерпретацией этого вопроса. Так, например, в некрологе А.И. Соболевскому он, отмечая заслуги покойного, писал о нем как о знатоке «языка русского во всем его диалектном разнообразии, или, как теперь предпочитают говорить, – языков русского литературного и великорусского, с одной стороны, и украинского и белорусского, с другой» [10. С. 32–33].

¹ О работе над университетским курсом белорусского языка «Короткі нарыс гісторыі беларускай мовы. Ч. I. Уступ і фанэтыка» Волк-Леванович писал Ляпунову 6 июля 1925 г. [7. Д. 50. Л. 4]. Под названием «Лекцыі па гісторыі беларускай мовы» работа была издана на средства автора в 1927 г. на гектографе. Перездана в 1994 г.

² За указание на этот документ приношу благодарность В.В. Скалабану.

Видимо некоторые ученые предполагали, что на конференции дело не обойдется без выпадов с политическим подтекстом, тем более что о «черносотенстве» Е.Ф. Карского в печати уже выступали видные белорусские деятели, такие, например, как Д.Ф. Жилунович (Тишка Гартный) [11. С. 65], поэтому отказались от участия в ней. Полную поддержку и одобрение решению Карского выразил А.И. Соболевский: «Хорошо сделали Вы, – писал он 6 февраля 1927 г., – что в Минск не поехали» [12. Оп. 1. Д. 131. Л. 55].

Кстати, конфликт между Волк-Левановичем и сторонниками Лёсика, к которому в какой-то степени примкнул и Бузук, ставший его основным собственно научным оппонентом, продолжился с новой силой и после конференции. Он все больше политизировался, участники конфликта все больше переходили на личности, множилось взаимные обвинения в «шовинизмах» «великодержавном» и «белорусском», к конфликту подключалась пресса, студенты бойкотировали лекции «реакционера» и т.д. (см., подробнее [13]).

Волк-Леванович продолжал жаловаться Ляпунову в ноябре 1926 г. на «всяких Лёсиков и их присных – ярых шовинистов, а главное невежд с большими претензиями. Меня здесь готовят съезть, т.е. попросту выгнать из Университета за то, что я, по их мнению, недостаточно “истинный” белорус» [7. Д. 50. Л. 9]. Уже тогда Волк-Леванович задумался о перспективе покинуть Белоруссию. Он просил Ляпунова поискать для него «в Ленинграде в каком-либо научном учреждении [...] местечко» и был готов согласиться «на место в любом университете, большой библиотеке или ином каком-либо научном учреждении в любом университетском городе» [7. Д. 50. Л. 9, 9 об.].

Можно уверенно считать, что именно эти настроения Волк-Левановича дали основание Ильинскому для его заключений об «осином гнезде белорусских шовинистов».

Приезда Дурново, научный авторитет которого был столь очевиден для всех, ждали обе враждующие группировки, но более других Волк-Леванович, писавший 28 марта 1928 г. Ляпунову: «Кроме того, я полагаю (таково мое намерение), что курса истор[ии] белор[усского] яз[ыка] в Белор[усском] ун[иверсите]те я более читать не буду и при первой же встрече с Н.Н. (Дурново. – М.Р.) предложу ему освободить от него меня, так же, как и от курса русской грамматики. Если бы даже я и остался в Минске, то не счел бы себя морально вправе читать эти курсы при наличии такого солидного ученого, как Н.Н. Я испытываю большое моральное удовлетворение, что могу передать эти курсы в такие надежные руки» [7. Д. 50. Л. 36].

Очутившись в Минске, Дурново довольно скоро составил себе ясное представление об абсолютной научной неподготовленности своих коллег по Белорусской академии наук, занимавшихся лингвистическими вопросами. Ученый особо обратил внимание и на неуместную в науке идеологическую предвзятость подобных исследований. «Их белорусский патриотизм, – писал Дурново 19 апреля 1929 г. Ляпунову, – часто выливается в форму нелепого и вредного шовинизма» [7. Д. 90. Л. 69–69 об.]. Заметим, что своего отрицательного мнения о деятельности некоторых национально ориентированных белорусских лингвистов ученый не изменил и позже. Уже находясь в заключении в Соловецком лагере, Дурново в показаниях прокурорской проверке констатировал: «Мне, как русскому, больно было видеть, как творцы украинского и белорусского литературных языков часто заботились не столько о том, чтобы они были действительно украинским и белорусским, сколько о том, чтобы они не были похожи на русский и наводняли их полонизмами, чехизмами и даже германизмами, не известными живому языку» (цит. по: [5. С. 79]). В современной белорусской литературе данная цитата Дурново неоднократно воспроизводилась Г. Цыхуном, однако, без приведения выделенных нами слов [14. С. 201; 15. Р. 47]. Мы полагаем, что такое усечение цитаты искажает научный характер замечаний лингвиста, глубоко знавшего проблему, и придает ей чисто декларативный характер. Нам представляется также некоррект-

ным, что претензии русских лингвистов, основанные на их научных воззрениях, Цыхун напрямую связывает с теми обвинениями, которые выдвигались карательными органами против белорусских ученых [15. Р. 47], когда процесс белорусизации был окончательно свернут.

Нам представляется, что выдвижение Дурново на выборах в действительные члены АН СССР осенью 1929 г. роковым образом повлияло на его положение в Белорусской АН и быстро привело к исключению из нее. Главными инициаторами выдвижения были Е.Ф. Карский и Б.М. Ляпунов (см. подробнее: [16. С. 362–363]). В представлении, составленном 21 сентября 1929 г., они предлагали «на освободившуюся по смерти академика А.И. Соболевского кафедру» кандидатуру Н.Н. Дурново, «чувствуя недостаток в специалисте по русскому языку во всем его временном и *пространственном* (выделено нами. – М.Р.) разнообразии» [12. Оп. 1. Д. 5. Л. 4]. В тот же день Карский еще раз уже вместе с профессорами С.П. Обнорским и М.Г. Долобко подписали аналогичное письмо с рекомендацией Дурново [12. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–3].

Именно это выдвижение вызвало начало травли Дурново в белорусской прессе. Одна из публикаций, подписанная «Научовый працownik», носит говорящее название «Рэакцыя на Дурнава – ня месца ў Акадэміі Навук», вторая – «Навукова-даследчая праца БАН у асьвятленьі балышавіцкай самакрытыкі», опубликованная в газете «Савецкая Беларусь» [17. Л. 8], принадлежит перу одного из вице-президентов Белорусской АН Н.И. Белуге. Содержание подобных публикаций вскоре стало известно в Москве. И у Ильинского были все основания писать Ляпунову 26 декабря 1929 г.: «Здесь мы все глубоко возмущены травлей почтенного Н.Н. Дурново белорусс[кими] учеными кругами. И всего ужаснее то, что его обвиняют в несуществующих преступлениях; напр[имер], он никогда не был “министерским братом”» [7. Д. 117. Л. 242 об.].

Движущей силой «дела Дурново» являлось Белорусское центральное бюро секции научных работников (ЦБ СНР). Эта организация направила в соответствующую союзную инстанцию отрицательное мнение об ученом. В свою очередь Центральный совет секции научных работников профсоюза работников просвещения СССР согласился 17 декабря [17. Л. 18] с мнением белорусских товарищей и направил в «Комитет по заведыванию учеными и учебными учреждениями ЦИК’а СССР» документ («О кандидатах в Академию наук») следующего содержания: «ЦБ решительно возражает против кандидатуры проф. Дурново, так как, по отзыву Белорусского ЦБ СНР, он является идеологически чуждым и реакционно настроенным научным работником» [17. Л. 17]. Подписал документ ответственный секретарь ЦБ СНР К.В. Островитянов, сделавший впоследствии впечатляющую академическую карьеру на ниве обоснования и развития такой научной дисциплины, как политэкономия социализма.

В названном Комитете ЦИКа, который отвечал и за выборную кампанию в Академию, было заведено соответствующее «дело». Надо полагать, что для убедительности обвинений, предъявлявшихся Дурново, к делу были приобщены и две упоминавшиеся статьи из белорусских газет, опубликованные еще до исключения Дурново из Белорусской АН. От ученого было затребовано объяснение, которое он написал 2 января 1930 г., озаглавив его «Заявление профессора Н.Н. Дурново» [17. Л. 7–1]³.

В основном «заявление», состоящее из десяти частей, посвящено ответу анонимному «научному работнику», чья заметка полна всяческих измышлений. Этот печатный донос завершился решительным выводом: «Дурново не должно быть места не только в Академии наук СССР, но также и в Белорусской академии наук» [17. Л. 8]. Содержится в «заявлении» также ответ обвинениям Н.И. Белуги в нападках на «марксистскую методологию».

³ За указание на этот документ приношу благодарность А.Л. Киштымову.

Дурново последовательно раскрывал в своем «заявлении» несостоятельность предъявляемых ему обвинений, начиная его с опровержения главного «политического» обвинения – попытки связать его близкими родственными отношениями с известными деятелями царской администрации. Весьма разветвленный дворянский род Дурново предоставлял богатый выбор заметных фигур из прошлого, родство с которыми в новых политических условиях могло служить поводом для разного рода репрессий: это и Иван Николаевич Дурново (1834–1903), председатель Комитета министров (1895–1903), и Петр Николаевич Дурново (1845–1915), директор Департамента полиции (1884–1893) и министр внутренних дел в 1905–1906 годы. Абсурдность подобных предположений должна была сразу бросаться в глаза, разница в возрасте, например, между П.Н. Дурново и Н.Н. Дурново составляет 29 лет, но выяснение таких подробностей не входило в задачу обвинителей.

Дурново, решительно опровергая подобные домыслы, представил такие факты из семейной истории, которые могли бы вполне положительно выглядеть в глазах инстанций. Он подчеркивал, что его отец «боролся путем печатного слова с царским правительством», обличал «русификаторскую политику правительства на окраинах и империалистическую политику на Ближнем и Дальнем Востоке». Особенно Дурново отмечал защиту отцом «прав грузинского народа» и в связи с этим статьи по «разоблачению деятельности» митрополита Владимира (Богоявленского, 1848–1918), экзарха Грузии Никона (Софийского, 1861–1908), священника И.И. Восторгова (1864–1918). Указывал ученый и на прямое родство с революционными деятелями. Так, он подчеркивал особую душевную близость отца с его двоюродной сестрой «народоволкой Елизаветой Петровной Дурново, вышедшей замуж за Эфрона».

Мы полагаем, что Дурново, имея горький опыт изгнания из Белорусской академии наук, старался, как ему представлялось, учесть политические и идеологические особенности момента. Так, упоминая об отце и его борьбе с властями, он не называет имени Николая Николаевича Дурново, своего полного тезки. Что же нам известно о Н.Н. Дурново-старшем? Каких-нибудь специальных исследований, ему посвященных, в настоящее время не существует, сошлемся на замечание современного исследователя, который призывает «не путать (Н.Н. Дурново-старшего. – *М.Р.*) с известным русским историком и филологом, также писавшим о Балканах, Н.Н. Дурново (1876–1937). Несмотря на обилие в российской прессе статей публициста Дурново, затрагивавших, в основном, церковные проблемы южных славян и народов Российской империи, сведений биографического характера о нем найти не удалось. Известно лишь, что он три раза посетил Сербию, с 1869 г. переписывался с митрополитом сербским Михайлом, был лично знаком с известными общественными деятелями Сербии И. Ристичем, М. Милоевичем, Н. Пашичем и другими» [18. С. 237]. Те же сведения исследователь повторил и в работе, опубликованной десятью годами позже [19. С. 136].

В.А. Бурбыга подчеркивал особую заинтересованность Дурново-старшего в непростых вопросах южнославянской действительности. Так, в четырехлетие, предшествовавшее началу Балканских войн, «старейшина российской журналистики опубликовал на страницах “Санкт-Петербургских ведомостей” свыше 25 статей, без сомнения, задававших тон выступлениям газеты по македонскому вопросу» [19. С. 136]. В нашу задачу не входит специальное рассмотрение взглядов Дурново-старшего по македонскому вопросу, отметим лишь, что в первой своей публикации В.А. Бурбыга утверждал: «Сущностью позиций Дурново являлась их антиболгарская направленность. Клеймя болгар “маловоспитанным гунно-татарским народом”, публицист все же признавал их наличие в Македонии» [18. С. 233]. Кроме того, по его мнению: «Красной нитью через его статьи проходит идея о виновности России “во всех бедах и смутах на Балканском полуострове”» [18. С. 233]. При этом исследователь ссылается на мнение редак-

ции «Санкт-Петербургских новостей», что ««престарелому публицисту-патриоту нельзя отказать в глубоком знании вопроса»» [18. С. 233]. В другой публикации Бурбыга отметил признание Дурново-старшим наличия в Македонии болгарского населения, но основной массой жителей Македонии публицист считал особую «славяно-македонскую» народность [19. С. 137].

Если обратиться к упоминаниям Дурново-старшего в работах, посвященных общественным и политическим течениям дореволюционной России, а также к его многочисленным статьям и книгам, то становится очевидным, почему Н.Н. Дурново предпочел не упоминать имени своего отца. «Старейшина российской журналистики» [19. С. 136] принадлежал к правому крылу русского общества. Исследователь консервативной печати последней трети XIX в. относит Н.Н. Дурново-старшего к течению, которое он определяет как «церковный традиционализм» [20. С. 18]. Начало XX в. связано в России с обостренным политической борьбы, с образованием и легализацией политических партий самой разной ориентации. В этот период Н.Н. Дурново-старший становится активным участником ожесточенной полемики внутри правоконсервативного лагеря по церковным вопросам. Он сотрудничает в черносотенных изданиях, таких, как главный орган Союза русского народа, газета «Русское знамя» и орган Московского союза русского народа газета «Русский стяг». Когда лидер Союза русского народа А.И. Дубровин публично обвинил митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского, первенствующего члена Святейшего Синода Антония (Вадковского, 1846–1912), в потакании либералам, сопроводив свое открытое письмо нападки и на личность митрополита, то к нему присоединился и Н.Н. Дурново-старший. Письмо Дубровина с приложением письма Дурново-старшего составило специальную публикацию [21]. Современный автор характеризует Дурново-старшего как «активного черносотенца», допускавшего нападки даже на Московского митрополита Владимира (Богоявленского), который занимал более правые позиции, чем митрополит Антоний [22].

Митрополит Владимир как объект «разоблачений» Дурново-старшего упоминается и в «заявлении» Н.Н. Дурново. Митрополит Владимир был виднейшим представителем Русской православной церкви, занимавшим за период служения три митрополичьи кафедры Российской империи, после кончины митрополита Антония он стал первенствующим членом Святейшего Синода⁴.

Другим объектом жестокой критики Дурново-старшего был священник И.И. Восторгов, известный миссионер и активнейший участник политической жизни страны, некоторое время он являлся «одним из трех членов Главной управы объединенного русского народа – руководящего органа черной сотни», после смерти В.А. Грингмута, возглавлял крайне правую Русскую монархическую партию [23. С. 57]. Но, как отмечается в исследованиях по истории черной сотни: «С 1908 года черносотенное движение начали сотрясать расколы, сопровождавшиеся подчас ожесточенной внутренней борьбой. На острие этой борьбы оказался о. Иоанн Восторгов. Сначала против него выступил с целой серией разоблачительных статей и брошюр известный консервативный публицист Николай Дурново. Он обвинял о. Иоанна во всех мыслимых и немыслимых грехах и преступлениях: от уступок левым и тайного конституционализма до слабости к женскому полу и сребролюбия. Правда, Дурново не удалось скрыть того факта, что деятельность о. Восторгова поддерживали и Всероссийский батюшка Иоанн Кронштадтский, и митрополит Владимир (Богоявленский), и крупнейший государственный деятель России Константин Петрович Победоносцев» [23. С. 58–59]. Как полагает А.Д. Степанов: «Нападки со стороны Дурново были неприятны, но не представляли опасности для о. Иоанна как одного из руководителей чер-

⁴ Жизнь митрополита закончилась трагически, он был убит после занятия Киева большевиками. В 1992 г. митрополит Владимир причислен к лику святых как священномученик.

ной сотни, поскольку автор разоблачительных брошюр был для монархического движения человеком внешним» [23. С. 59]. Такая характеристика Дурново-старшего, на наш взгляд, лишь подчеркивает его положение независимого публициста, не связанного организационно ни с одной из правых партий.

После 1917 г. Восторгов успел еще поучаствовать в деятельности Поместного собора, а в проповедях решительно осуждал новую власть [23. С. 64]. Как яркий представитель праворадикального движения он был слишком заметен, чтобы не попасть в поле зрения карательных органов советской власти. Восторгов стал одним из первых жертв «красного террора»⁵.

Н.Н. Дурново неслучайно отметил в «заявлении» особое внимание своего отца к «защите прав грузинского народа». В этой «защите» Дурново-старшего интересовала проблема взаимоотношений русской и грузинской церквей, занимавшая особое место в его историко-публицистических трудах [24]. Он был решительным сторонником возвращения грузинской церкви автокефалии, и в этом вопросе одним из его главных оппонентов выступал И.И. Восторгов, активный сторонник «русского дела» на Кавказе. Подвергался резкой критике Дурново-старшего и экзарх Грузии Никон, получивший назначение в Грузию в 1906 г. и убитый там террористом в 1908 г.

Отметим, что самая известная работа Дурново-старшего по данной проблематике «Судьбы грузинской церкви. По вопросу о Грузинской церковной автокефалии», опубликованная как издание редакции уже упоминавшейся газеты «Русский стяг», обрела в настоящее время необычайную популярность в интернете. Она помещена на нескольких грузинских сайтах [25], такое внимание к ней можно объяснить лишь тем, что Дурново-старший считал Абхазию канонической территорией грузинской церкви. Для нас важно отметить, что в обсуждениях, сопровождающих текст книги, возникает та путаница, о которой предупреждают специалисты-историки. Труд Дурново-отца приписывают Дурново-сыну, при этом серьезность и основательность положений книги подтверждается высоким научным авторитетом всемирно известного ученого слависта [26]. На одном из сайтов текст книги, переведенный на грузинский язык, даже сопровождается портретом Н.Н. Дурново-лингвиста [27].

Все вышеприведенное краткое описание взглядов и деятельности Дурново-старшего свидетельствует о том, что Н.Н. Дурново сильно преувеличивал образ отца, борца с царским правительством. Если же говорить о борьбе Дурново-старшего против «русификаторской» политики властей, то, например, в отличие от проблем Грузии, в польском вопросе эта борьба выглядит совсем иначе. Дурново-старший, признавая провал русификаторской политики в Польше, объяснял это ее слабостью, «потаканием» полякам. Раздел его книги «Русская панславистская политика на православном Востоке и в России» [28. С. 23–31], посвященный польской теме, полон самых резких высказываний и в адрес поляков, и, в особенности, в адрес католицизма, «ибо Рим питает поляков с молоком матери ненавистью к России» [28. С. 25]. Стоит отметить также, что Дурново-старший решительно противопоставлял славянофильство и панславизм. Он писал, что «учение панславистов сильно расходится с идеями славянофилов. Последние были кристальной чистоты и идеальной честности, проповедниками любви и правды, врагами всякого насилия», и «совсем в другом роде проявляется учение грубых и нечестивых панславистов» [28. С. 63, 64].

Таким образом, очевидно, что рассказывая о своем происхождении, Н.Н. Дурново очень тщательно дозировал информацию об отце. Внешне его образ мог выглядеть в глазах властей весьма положительно – противник внешней и внутренней политики царского режима, борец с клерикализмом. Еще более укрепить положительный образ отца должно было его отношение к двоюродной сестре, ко-

⁵ В 2000 г. И.И. Восторгов причислен к лику святых как священномученик.

тору он «любил больше всех родных». Е.П. Дурново (1853–1909), дочь гвардейского офицера, активно участвовала в революционном движении, неоднократно подвергалась арестам. Ей посвятил специальную главу «Лиза Дурново» в воспоминаниях знаменитый шлиссельбуржец Н.А. Морозов [29. С. 233–245]. На эти мемуары Морозова, опубликованные еще в 1917–1918 гг., ссылался в «заявлении» и сам Н.Н. Дурново. Ученый мог бы сослаться и на специальное исследование, посвященное Е.П. Дурново, вышедшее в декабре 1929 г. [30. С. 145–163], именно в тот момент, когда разворачивалась кампания по снятию его кандидатуры с выборов в АН СССР. Но, по-видимому, журнал «Каторга и ссылка» не входил в круг чтения ученого.

Нам кажется, что также неслучайно Дурново указал и на то, что его двоюродная тетка была замужем за Я.К. Эфроном, который вынужден был креститься, чтобы жениться на ней. Возможно, таким образом Н.Н. Дурново хотел подчеркнуть, что не причастен к великодержавному шовинизму, обвинения в котором были очень популярны в то время. Кстати, наличие перечисленных родственников у Н.Н. Дурново свидетельствует о том, что муж Марины Цветаевой С.Я. Эфрон приходился ученому троюродным братом.

В «заявлении» Дурново особый интерес представляет его информация о научной работе по белорусоведению, которую он успел сделать «за 20 месяцев пребывания членом Института белорусской культуры и Белорусской академии наук». За столь короткий срок им было реализовано в белорусской печати: «3 небольших статьи и 2 обстоятельных рецензии по белорусской диалектологии». Все эти работы вошли в опубликованную библиографию трудов Н.Н. Дурново под номерами 158, 163, 164, 165, 166 [31. С. 283–284]. Но чтобы понять, чего лишилась гуманитарная наука в целом и белорусская, в частности, в результате удаления из Белоруссии крупнейшего русского ученого-лингвиста, следует обратить внимание на перечисление подготовленных Дурново к печати работ и его дальнейших планов.

Итак, он «представил для напечатания в Записках Академии обширный отчет о научных занятиях в Москве, содержащий исследование о языке ряда старых белорусских памятников, отчет о научной командировке в Псков, обстоятельные замечания на проект реформы белорусского правописания и статью о реформе польского правописания». Ничего из названных работ света не увидело. «Кроме того, – продолжал Дурново, – я заявил о своем желании прочесть в заседаниях Института языка Белорусской академии наук ряд докладов по истории белорусского языка и по вопросу об отношении звуковой и морфологической системы современного белорусского языка к соответствующим системам соседних славянских языков. Эти доклады могут явиться только в результате той работы по изучению белорусского языка, какую я проделал дома и в библиотеках в 1928–1929 гг. Эти доклады я предполагал включить в приготавливаемую мною большую работу по истории белорусского языка». Следов этого исследования Дурново также не обнаружено.

Напомним, что перед переездом из Праги в Минск Дурново сетовал в письме Ляпунову, что «смолоду привык работать только по источникам, а в Минске их нет» [7. Д. 90. Л. 60–60об.]. Однако действительность опровергла это предположение ученого, и в Минске Дурново смог обратиться к рукописям. Он писал: «Я изучил с целью выявления памятников белорусского языка все рукописные хранилища Минска, пересмотрев для этого 400 старых рукописных книг, среди которых много белорусских и ряд старинных документов, изучил ряд старых белорусских памятников некоторых московских собраний, ездил два раза в разные районы Белоруссии для изучения говоров».

На обвинения «тов. Бялуги» в политико-методологических прегрешениях против марксизма, в отрицании ученым теории Марра, объявления ее «шарлатанством», Дурново заявлял: «Не помню, чтобы я называл теорию Марра шарлатанст-

вом. Я всегда полагал, что акад. Марр сам верит в свою теорию, а шарлатаны хотят убедить других в том, во что сами не верят. Возможно, что я передавал мнение какого-ниб[удь] другого ученого. Я действительно не разделяю теории Марра, но тов. Бялуга ошибается, предполагая, что я против яфетидологической теории именно потому, что она приближается к марксистской теории». Убеждения Марра и его методы ученый называл в письмах Ляпунову еще из Чехословакии «чистейшим психопатизмом» и «бредом» [7. Д. 90. Л. 38, 40]. Будучи уже в Белоруссии, Дурново ввиду того, что от него требовали «введения яфетидологии в программу для аспиранта», ознакомился с курсом введения в яфетидологию одного из ближайших последователей Марра И.И. Мещанинова. И вновь для него «откровения» Марра всего лишь повторяли «мнения, высказывавшиеся лингвистами лет 70–80 тому назад, несостоятельность которых давным-давно доказана» [7. Д. 90. Л. 75 об.].

В оправдание своей критики «нового учение о языке» Марра, как непротиворечащей и собственно марксистским оценкам яфетидологии, Дурново ссылаясь в своем «заявлении» на мнение Д.И. Поливанова и статью, появившуюся в журнале «На литературном посту». И действительно, не только представители старшего поколения не принимали марризма. Именно Поливанов в феврале 1929 г. предпринял попытку остановить победное шествие «нового учения о языке». Он выступил с докладом, длившемся почти три часа, «Проблема марксистского языкознания и яфетическая теория» в подсекции материалистической лингвистики Коммунистической академии в Москве, в котором доказал полную несостоятельность притязаний марризма как на лингвистическую ценность, так и на марксистскую его принадлежность (см. подробный анализ доклада и последовавшей дискуссии [32. С. 87–91]). А в журнале «На литературном посту» появилась статья за подписью «Языковед», в которой к марризму высказывался целый ряд претензий. Его «теневыми сторонами» назывались, например: «вульгаризация марксистского метода, когда в каждом предложении склоняется по всем падежам слово “класс” и т.д.; авторитарное поклонение учеников перед учителем, вследствие чего совершенно теряется столь необходимый для науки критический подход» [33. С. 55].

«Заявление профессора Н.Н. Дурново» было подшито в соответствующее дело, каких-либо положительных последствий оно не имело. Уже в который раз ученый оказался в крайне тяжелом материальном положении. «Бедный Н.Н. Дурново, – сетовал Ильинский в письме Ляпунову 29 января 1930 г., – в результате поднятой против него травли буквально оказался на улице: даже пенсия осталась под вопросом» [7. Д. 117. Л. 251 об.]. Коллеги пытались всеми силами облегчить положение Дурново. Так, М.Н. Сперанский подыскивая кандидатуры для работы по библиографированию рукописей Исторического музея, вспомнил прежде всего о Н.Н. Дурново, который «является в настоящее время “безработным” и наиболее нуждающимся в заработке» [34. Л. 23]. «Устрашающий пример судьбы кандидатуры Н.Н. Дурново» [7. Д. 117. Л. 258] стал для его коллег образцом того, как легко власть может решить судьбу выдающегося ученого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Возвращенные имена: сотрудники АН Беларуси, пострадавшие в период сталинских репрессий. Минск, 1992.
2. *Петрыкаў П.Ц., Токараў М.У., Галенчык М.І.* Стварэнне і дзейнасць Інстытута беларускай культуры // Інстытут беларускай культуры. Мінск, 1993.
3. *Фичи Ф.* Архив Н.Н. Дурново в Праге (Материалы по истории славистики 1924–1927 годов) // Славяноведение. 2005. № 4.
4. РГАЛИ. Ф. 2297. Оп. 1.
5. *Робинсон М.А., Петровский Л.П.* Н.Н. Дурново и Н.С. Трубецкой: проблема евразийства в контексте «дела славистов» (по материалам ОГПУ–НКВД) // Славяноведение. 1992. № 4.

6. *Токарев Н.В.* Академия наук Белорусской ССР: годы становления и испытаний (1929–1945). Минск, 1988.
7. ПФА РАН. Ф. 752. Оп. 2.
8. Памяць і слава: Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт. 1921–1941 / склад. С.М. Ходзін, М.Ф. Шумейка, А.А. Яноўскі. Мінск, 2006.
9. *Запрудскі С.М.* Акадэмічная канферэнцыя па рэформе беларускага правапісу і азбукі (1926) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 2004. № 3. Сер. 4. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка.
10. *Лянунов Б.М.* Академик А.И. Соболевский. Некролог и очерки научной деятельности // Известия Академии наук СССР. Отделение гуманитарных наук. 1930.
11. *Мушынскі М.І.* Літаратуразнаўства // Інстытут беларускай культуры. Мінск, 1993.
12. ПФА РАН. Ф. 292. Оп. 2.
13. *Рублевская Л., Скалабан В.* Лингвистическая дискуссия с расстрелом. Фрагмент биографии Осипа Волк-Левановича // Советская Белоруссия. 2009. 28. 08. № 161.
14. *Цыхун Г.А.* Пятро Бузук і славістыка 20–30-х гадоў (штрыкі да навуковай біяграфіі) // Беларуская мова і мовазнаўства на рубяжы III тысячагоддзя. Матэрыялы навуковай канферэнцыі, прысвечанай 70-годдзю Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа НАН Беларусі, 2–3 лістапада 1999 г. Мінск, 2000.
15. *Цыхун Г.* Институт белорусской культуры (Инбелкульт) и начало белорусской славистики // Histoire de la slavistique. Le rôle des institutions. История славистики. Роль научных учреждений. Paris, 2003. P. 47.
16. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.
17. ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 47. Д. 41.
18. *Бурбыга В.А.* Македонский вопрос в зеркале Российской печати 1904–1908 годов // Сборник в чест на професор Христо Гандев. София, 1985.
19. *Бурбыга В.А.* Российская печать о путях решения македонской проблемы накануне Балканских войн (1908–1912 гг.) // Македония – проблемы истории и культуры. М., 1999.
20. *Котов А.И.* Проблема государственного строительства в русской консервативной печати 70–90-х гг. XIX в. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. СПб., 2006.
21. Открытое письмо председателя Союза Русского Народа А. И. Дубровина митрополиту Санкт-Петербуржскому Антонию, Первенствующему члену Святейшего Синода (с приложением письма в редакцию «Русского знамени» Н. Дурново). СПб., б/г.
22. *Соловьев И.В.* Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский) и российская общественная жизнь в начале XX столетия. Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. М., 2002.
23. *Степанов А.Д.* Черная Сотня: взгляд через столетие. СПб., 2000.
24. *Дурново Н.* Судьбы грузинской церкви. По вопросу о Грузинской церковной автокефалии. М., 1907; *Дурново Н.* Исторический очерк автокефальных Церквей: Иверской и Имеретинской, со списками 120 епархий и католиков Мцхетского и Имеретинско-Абхазских. М., 1910.
25. <http://iremamari.livejournal.com/>; http://www.liveinternet.ru/community/lj_iremamari/blog; http://www.nplg.gov.ge/dlibrary/search.html?qs=ddc%3A27*&co=0&sort=title; <http://iberiana.wordpress.com/about/durnovo-2/>
26. <http://abkhazeti.info/war/20080412332993414150.php>
27. <http://iberiana.wordpress.com/about/n-durnovo/>
28. *Дурново Н.Н.* Русская панславистская политика на православном Востоке и в России. М., 1908.
29. *Морозов Н.* Повести моей жизни. М., 1933. Т. 2.
30. *Жук-Жуковский И.* Елизавета Петровна Дурново-Эфрон. Легенда о «Лизе Дурново» // Каторга и ссылка. М., 1929. № 12 (61).
31. *Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. М., 1969.
32. *Алтаев В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. М., 1991.
33. *Языковед.* Основные направления в современном языкознании // На литературном посту. 1929. № 20. Октябрь.
34. ПФА РАН. Ф. 247. Оп. 3. Д. 662.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПРОФЕССОРА Н.Н. ДУРНОВО

В белорусских газетах напечатано письмо «навуковаго працаўніка», озаглавленное «Рэакцыянеру Дурнаво ня месца ў Акадэміі Навук», и статья тов. Бялуги «Навукова-даследчая праца БАН у асьвятленьні большавіцкай самакрытыкі», в которых сообщаются обо мне неверные сведения.

1. В письме навуковаго працаўніка говорится, что я – брат бывшего царского министра. В действительности я ни в каком родстве с царскими министрами не состоял, и ни я, ни мой отец и никто из ближайших моих родственников никаких административных постов никогда не занимал; мой отец к тому же не имел ни-

какого состояния и всю жизнь занимался только тем, что боролся путем печатного слова с царским правительством, обличая, между прочим, русификаторскую политику правительства на окраинах и империалистическую политику на Ближнем и Дальнем Востоке. Последние годы его общественной деятельности были посвящены главным образом защите прав грузинского народа и разоблачению деятельности таких дельцов, как митрополит Владимир, экзарх Грузии Никон, Восторгов и т.п. Своей энергией борца он сходилась со своей двоюродной сестрой, народоволкой Елизаветой Петровной Дурного, вышедшей замуж за Эфрона, которую любил больше всех родных*. Моя мать рано умерла, и меня с братьями воспитывала бабушка, которая для того, чтобы нас содержать, должна была давать уроки музыки. По бедности я был и в гимназии, и в университете освобожден от платы за учебу.

2. Автор письма подчеркивает, что я «оказался в Белоруссии, приехавши из-за границы». Чтобы устранить возможность неправильного понимания этого факта, замечу, что за границу я был командирован с научной целью Академией Наук СССР. О выполнении этой командировки мною были представлены в Академию Наук два обстоятельных отчета; второй из них в настоящее время печатается в Известиях по русскому языку и словесности; извлечение из него о диалектологической поездке в Подкарпатскую Русь напечатано в Записках класса языка Отдела Гуманитарных наук Инбелкульта. По окончании командировки я не мог вернуться сразу, потому что не занимал никакого штатного места и не располагал деньгами, нужными на обратную дорогу, но принимал в этом направлении все меры, какие от меня зависели, охотно принял приглашение Института Белорусской Культуры и приехал в Минск немедленно, как получил деньги на дорогу.

3. Автор письма отмечает, что я, когда приехал в Минск, не состоял в профсоюзе. Для понимания добавлю, что я состоял членом профсоюза работников просвещения, когда был профессором Саратовского Университета, т.е. до 1921 г. В 1921 г. я по болезни (малярия в тяжелой форме и тяжелое расстройство нервной системы) должен был уехать из Саратова в Москву, где в течение 3-х лет не занимал никакого штатного места, не мог платить членских взносов в Профсоюз и таким образом из него выбыл. После этого я получил командировку за границу и только по возвращении из-за границы получил возможность снова вступить в Профсоюз.

4. Автор письма утверждает – и это главный его аргумент против меня, т.к. набран жирным шрифтом, будто я «в статье, посланной в Прагу», пишу, «что при советском правительстве нет никакой возможности для работы научным деятелем». Такое утверждение опровергалось бы моей собственной научной деятельностью. После перерыва в 1919–1920 г., в течение которых я ничего не напечатал по случаю тяжелой болезни, в следующие 18 лет (я начал печатать свои научные работы с 1900 г.)**, и моим участием в пражском журнале «Slavische Rundschau», редактор которого советский гражданин Р. Якобсон, стремится доказать в редактируемом им отделе положение как раз обратное тому, какое мне приписывает автор письма. По-видимому, приписываемое мне утверждение основано на неверно понятых словах написанного мною для журнала «Slavia» некролога акад. Соболевского. Там я упоминал о том, что после 1914 года, которым заканчивается напечатанный список трудов Соболевского, его «научная продуктивность в связи с затруднениями, вызванными войной и революцией, несколько сократилась. Тем не менее, и за этот период ему удалось напечатать» такие-то и такие-то работы. Некоторое сокращение научной работы для старика, которому в 1917 г. было 60 лет, и появление ряда работ после потрясений 1914–1917 гг. не свидетельству-

* О ней см. «Воспоминания» Н.А. Морозова («Лиза Дурново»).

** Из тех работ, какие были напечатаны за время моего пребывания за границей, не менее половины написано или, по крайней мере, подготовлено еще до моего отъезда за границу.

ет о «полной невозможности работы при советской власти», и это должно быть понятно каждому читателю. Если я говорил не только о войне, но и о революции как причинах некоторого сокращения научной деятельности Соболевского, то я имел в виду собственно революцию, т.е. государственный и общественный переворот, а не новый строй, явившийся результатом этого переворота. К тому времени, когда была восстановлена возможность спокойной научной работы, силы Соболевского были уже достаточно истощены. Некролог Соболевского, как и все статьи, какие я посылаю за границу, был мною представлен в Галаўліт при Наркамасьвете Белоруссии, упоминание о революции, как одной из причин сокращения научной продуктивности Соболевского, которое заведующий признал недопустимыми, было мною из некролога выпущено, и некролог был послан в том виде, в каком был одобрен Галаўлітом.

5. Неверно утверждение письма, будто я игнорирую профессиональные сходы. В 1928–29 г. я пропустил только два заседания месткома Академии Наук, в осеннем семестре 1929 г. был на обоих заседаниях, происходивших тогда, когда я был в Минске.

6. Неверно утверждение письма, что я «почти ничего не дал Белорусской Академии Наук», если принять во внимание, что по приезде в Минск я должен был прежде, чем дать что-ниб[удь] в изданиях Белорусской Академии Наук, проделать большую работу по изучению памятников белорусского языка и выяснению основных вопросов истории белорусского языка. За 20 месяцев пребывания членом Института Белорусской Культуры и Белорусской Академии Наук я напечатал в Записках 3 небольших статьи и 2 обстоятельных рецензии по белорусской диалектологии, представил для напечатания в Записках Академии обширный отчет о научных занятиях в Москве, содержащий исследование о языке ряда старых белорусских памятников, отчет о научной командировке в Псков, обстоятельные замечания на проект реформы белорусского правописания и статью о реформе польского правописания; кроме того, я заявил о своем желании прочесть в заседаниях Института языка Белорусской Академии Наук ряд докладов по истории белорусского языка и по вопросу об отношении звуковой и морфологической системы современного белорусского языка к соответствующим системам соседних славянских языков. Эти доклады могут явиться только в результате той работы по изучению белорусского языка, какую я проделал дома и в библиотеках в 1928–1929 гг. Эти доклады я предполагал включить в приготавливаемую мною большую работу по истории белорусского языка. Я привык работать медленно и печатать свои работы лишь после того, как собраны материалы и работа достаточно продумана. Некоторые из моих работ подготавливались много лет, пока я решил приступить к их печатанию. Для того, чтобы дать серьезную работу по изучению белорусского языка, мне необходимо было лучше ознакомиться с памятниками белорусского языка и с живым белорусским языком в его говорах и литературных формах. Эта работа требует много времени, т.к. до своего приезда в Минск я касался в своих работах белорусского языка только частично. И эту работу я веду и частью проделал: я изучил с целью выявления памятников белорусского языка все рукописные хранилища Минска, пересмотрев для этого 400 старых рукописных книг, среди которых много белорусских и ряд старинных документов, изучил ряд старых белорусских памятников некоторых московских собраний, ездил два раза в разные районы Белоруссии для изучения говоров.

7. Автор письма уверяет, что после своего приезда из-за границы я «уже смог дать несколько статей в заграничную прессу, да еще антисоветского характера». Полный список моих статей, напечатанных за границей после моего возвращения в СССР, а также и посланных за границу до октября 1929 г. имеется в Белорусской Академии Наук и в Академии Наук СССР. Значительная часть их была написана или начата и обещана разным заграничным изданиям еще до отъезда из Праги и только небольшая часть была целиком написана после приезда.

Среди последних преобладают небольшие рецензии о книгах, вышедших в СССР, и статьи осведомительного характера, т.к. я считаю долгом советского ученого знакомить иностранных ученых с успехами советской науки и научной жизни. Ничего носящего антисоветский характер я за границей не печатал. Полный список всего мною напечатанного имеется в Белорусской Академии Наук и Академии Наук СССР. Все мои работы, напечатанные за границей, имеются в разных библиотеках и в пределах Союза; из рассмотрения их можно видеть, что в них я провожу те же взгляды, что и в работах, напечатанных в СССР. Зато то, что мои работы, написанные в СССР, но напечатанные за границей, не заключают ничего антисоветского, ручаются разрешения, выданные мне Главлитом Белоруссии и Комиссией по вывозу за границу РСФСР. Достаточно взглянуть на список моих работ, напечатанных в 1924–1928 году, чтобы убедиться, что все время моего пребывания за границей я отдавал научной деятельности и не имел времени для какой-либо деятельности другого характера. Во время пребывания за границей я не прерывал связи с СССР, посылая из-за границы статьи для напечатания в советских изданиях и отчеты. После возвращения объем написанного мною для напечатания и часть напечатанного в СССР значительно превышает объем посланного для напечатания за границу.

8. В письме говорится, что я протестовал против критики моей деятельности на заседании Института языка. Я не протестовал против этой критики и не мог протестовать потому, что выступления против меня, которые автор письма называет критикой, происходили на заседании комячейки, на котором я не присутствовал, а из расспросов других лиц я не мог выяснить, в чем именно я обвинялся на этом заседании. На том заседании Института языка, где со мной случился нервный припадок (такие припадки со мной повторяются иногда без всякой причины с 1920 года, когда я был болен тяжелой формой полиневрита), который автор письма определяет, как «бессильно-злостный интеллигентский плач», я возражал только против фиксации числа часов, которые обязаны проводить в стенах Академии научные работники, работа которых для Академии не связана с пребыванием в стенах Академии, причем имел в виду даже не себя лично.

9. В конце письма автор его относит меня к числу врагов, которые посылают статьи в заграничную «контрреволюционную прессу» и «называют марксизм идиотизмом». Я посылаю за границу статьи только с одобрения Советских учреждений – Галаўлита при Наркамасьвете Белоруссии и Комиссии по вывозу за границу при Главнаке Наркомпроса РСФСР в журналы, в которых принимают участие многие ученые СССР. Марксизма идиотизмом я никогда не называл. Было бы идиотизмом называть идиотизмом учение, которое нашло такую массу последователей среди выдающихся ученых и общественных деятелей всего мира, пережило своего основателя на 50 лет и увлекло за собой массы.

10. Тов. Бялуга выдвигает против меня два обвинения: а) что я называю яфетическую теорию Марра шарлатанством и б) что моя теория языка буржуазная идеалистичная.

а) Не помню, чтобы я называл теорию Марра шарлатанством. Я всегда полагал, что акад. Марр сам верит в свою теорию, а шарлатаны хотят убедить других в том, во что сами не верят. Возможно, что я передавал мнение какого-ниб[удь] другого ученого. Я действительно не разделяю теории Марра, но тов. Бялуга ошибается, предполагая, что я против яфетидологической теории потому, что она приближается к марксистской теории. Наоборот, возражая против теории Марра, я указывал главным образом на такие положения этой теории, которые являются неприемлемыми и с марксистской точки зрения; в этом отношении я не расхожусь с некоторыми критиками этой теории, стоящими на марксистской основе, ср[авни] замечания по поводу нее проф. Поливанова, а также в статье о современном языкознании в № 20 журн[ала] «На литературном посту» за 1929 г. Сам тов.

Бялуга, основываясь, очевидно, на мнении авторитетного лица, признает в теории Марра «ряд ошибок и недоказанных положений».

б) В подтверждение того, что моя теория языка буржуазная и идеалистическая, тов. Бялуга приводит тот факт, что мои работы по языку «с большим удовольствием печатаются» в Пражских изданиях. Но в тех же Пражских изданиях с большим удовольствием печатают и работы многих советских ученых, марксизм которых вне подозрения (ср[авни] список советских сотрудников «*Slavische Rundschau*», в котором нет ни одного имени ученого реакционного направления). Те теоретические воззрения на язык, какие я провожу во всех своих работах, ни в какой мере не могут быть названы идеалистическими: в основе их лежит, с одной стороны, младограмматическое учение о механичности языковых процессов, с другой, – понимание языка, как явления социологического.

Николай Дурново

Москва, 2 янв[аря] 1930.

Адрес: Москва 69. Трубниковский пер. Д. 26, кв. 33.

ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 45. Д. 41. Л. 7–1 (обратная нумерация страниц).

© 2011 г. А.С. СТЫКАЛИН

ЮРИЙ КРИЖАНИЧ. ВЗГЛЯД СО СТАРОЙ ПЛОЩАДИ (ДЕКАБРЬ 1954 ГОДА)

Документ из фондов аппарата ЦК КПСС отражает изменение официальных оценок деятельности мыслителя XVII в. Юрия Крижанича в зависимости от состояния советско-югославских отношений и других переходящих внешнеполитических факторов.

The document preserved in the files of the CPSU Central Committee apparatus reflects, how the official standpoint towards the ideologist of the early Pan Slavism Yuri Krizanić was changing, depending on the evolution of the Soviet-Yugoslavian relations and other foreign-political factors.

Ключевые слова: Ю. Крижанич, советско-югославский конфликт, католицизм, Русская православная церковь.

Личность хорватского мыслителя XVII в. Юрия Крижанича (1617–1683), 17 лет проведенного в России, постоянно привлекает к себе внимание как исследователей идей славянской взаимности, так и специалистов по истории духовной культуры допетровской Руси и всего славянского мира. Неоднократно обращался к осмыслению его многогранного творческого наследия и журнал «Славяноведение» (см., например [1–4]). Между тем, отношение к Крижаничу в отечественном общественно-научном сознании не было неизменным, оно находилось в тесной зависимости как от состояния умов, доминирования в обществе тех или иных идейных течений, так и от колебаний политической конъюнктуры. Это касается в полной мере и советского периода российской истории. Как показывает публикуемый ниже документ из фондов аппарата ЦК КПСС, хранящихся в РГАНИ, иногда на протяжении всего лишь одного десятилетия Крижанич предстал в глазах партийно-идеологической номенклатуры СССР то в ипостаси неутомимого, легендарного борца за единение славян, то в облике злостного агента Ватикана, то (что ближе к истине) как не лишенная противоречий фигура, внесшая определенный позитивный вклад в развитие общественной (как политической, так и экономической) мысли России раннего Нового времени.

В дореволюционной России работы Крижанича неоднократно издавались, был опубликован не один десяток исследований по его творчеству. Однако в раннее советское время, когда торжествовал узкий классовый подход, этот далекий от революционных традиций мыслитель (один из первых идеологов российского абсолютизма и предтеча более поздних панславистских идейных течений) не мог занять достойного места в официально признанном культурном наследии. Ситуация медленно начала меняться с конца 1930-х годов, по мере перерастания революционной версии большевистской идеологии в доктрину, обслуживающую

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

великодержавные интересы сталинского режима. С началом войны идеи славянской взаимности и солидарности были извлечены из глубин культурных хранилищ, полностью реабилитированы и, более того, все активнее привлекались к решению текущих задач политической пропаганды. Крижанич с легкой руки известного историка С.В. Бахрушина, писавшего свою статью в самые тяжелые месяцы войны, окончательно вышел из мрака забвения, при этом во многом благодаря своему ранее сложившемуся образу радетеля славянской солидарности [5]. В новых условиях этот образ совершенно освободился от присущих ему в предшествующий период негативных коннотаций, связанных с «реакционным» панславизмом, наполнился однозначно позитивным содержанием. 15 февраля 1945 г. по инициативе общества по распространению научных знаний в Центральном доме актера в Москве была прочитана лекция «Юрий Крижанич – поборник свободы и единства славянских народов», с которой выступил работник агитпропа Б.Д. Дацюк. Он также писал о Крижаниче для бюллетеней ВОКСа (Всесоюзное общество культурных связей с заграницей), рассылавшихся по редакциям зарубежных печатных изданий, а через год опубликовал в Госполитиздате большим тиражом брошюру о хорватском мыслителе [6]. Изменение политической конъюнктуры дало возможность обратиться к наследию Крижанича и серьезным ученым, включая академика В.И. Пичету [7], для которого эта тема была не новой – свою первую работу о хорватском мыслителе XVII в. он написал еще до революции (см. [8]).

Но прошел всего лишь год после публикации статьи Пичеты, как конфликт между Сталиным и Й. Броз Тито разом обесценил и деактуализировал идею славянской взаимности, очистив имперскую идеологию сталинизма от любых панславистских окрасок, получивших широкое распространение в середине 1940-х годов. Между тем, советско-югославский конфликт не изменил планов Сталина по более активному использованию Русской православной церкви в качестве специфического инструмента имперской внешней политики руководства СССР, реализации его геостратегических планов, канала расширения влияния Москвы в Восточной Европе в противовес Западу (и Ватикану). Сталину в принципе не были чужды идеи утверждения в противовес Ватикану вселенскости РПЦ, в последней он видел силу, способную объединить православные церкви на антизападной платформе и уж во всяком случае противодействовать претензиям Ватикана на доминирующие позиции в духовной жизни стран советской сферы влияния в Центральной Европе, а также униатских областей советской Украины (см. [9]).

В условиях начавшейся холодной войны прежде пренебрежительное отношение Сталина к Ватикану («Римский папа, а кто он такой? Сколько у него дивизий?») сменяется отношением к католическому клиру как одному из наиболее эффективных и опасных орудий Запада в идеологической борьбе с СССР. Представленные в повестку дня задачи идеологического порядка требовали не только подключения к их решению Русской православной церкви, но и искусственного выстраивания исторической традиции отечественного противостояния Ватикану, его идейной экспансии на русские земли (как показательный образец пропагандистской продукции тех лет см.: [10]; своего апогея антикатолическая пропаганда достигла в феврале 1949 г., когда на фальсифицированном процессе в Будапеште предстал перед судом, приговорившим его к пожизненному заключению, глава венгерской католической церкви кардинал Миндсенти). И здесь оказалась весьма кстати фигура хорвата-католика Крижанича, приехавшего в 1659 г. в Россию с миссионерскими целями. Соблазн проиллюстрировать яркой фигурой Крижанича происки «черных воронов Ватикана» против России оказалась сильнее устойчивого, традиционного отношения к нему как к одной из фигур, символизирующих славянскую взаимность. Не помешало и апологетическое в сущности отношение Крижанича к российской государственности второй половины XVII в., ее растущим державным амбициям, формирующемуся абсолютизму

(см. [7]). Новый взгляд на хорватского мыслителя нашел законченное выражение в статье П.П. Епифанова, опубликованной уже после смерти Сталина [11]. В работах начала 1950-х годов по литературоведению и истории культуры отвергалась по сути дела вся современная Крижаничу духовная культура барокко как «реакционный продукт» католической контрреформации (см.: [12. С. 19–21]).

Но уже с 1953 г. маятник политической конъюнктуры медленно, но необратимо начал двигаться в обратном направлении. Советско-югославские отношения вступили в полосу нормализации (см. [13]). Осенью 1954 г. фактически сходит на нет антиюгославская пропаганда в советской прессе, распускаются антититовские организации югославских коммунистов, взявших в конфликте сторону Коминформа и нашедших прибежище в СССР. 20 октября «Правда», используя в качестве повода 10-летие освобождения Белграда от нацистов, провозгласила тезис о братстве народов двух стран. О готовности СССР пойти на сближение с Югославией говорилось и 6 ноября по случаю очередной годовщины Октябрьской революции. 20 декабря были начаты переговоры о торговых отношениях, завершившиеся в январе 1955 г. подписанием соглашения о товарообмене между СССР и ФНРЮ на 1955 г. Улучшение советско-югославских отношений давало историкам новый политический заказ, перевесивший необходимость разоблачения происков Ватикана – теперь предстояло выискивать исторические фигуры, способные символизировать общность устремлений, братство и сотрудничество русского и югославянских народов.

Таков был именно «югославский» фон принятия нижеприведенной резолюции аппарата ЦК КПСС об отношении к Крижаничу. Но на актуализацию идеи славянской взаимности, а значит и новый пересмотр отношения к Крижаничу (отказ от взгляда на него как на «агента Ватикана») работал и иной фактор: именно в 1954 г. широко прошли торжества по случаю 300-летия воссоединения Украины с Россией. Живший как раз в ту эпоху Крижанич, как явствует из нижеприведенного документа, мог быть востребован в интересах пропаганды российско-украинского единства – этому способствовало как его пребывание на Украине, так и некоторые его работы. Все-таки в отделе науки и культуры ЦК КПСС подходили к проблеме Крижанича довольно взвешенно, осторожно и выжидательно, без шарахания в крайности, поскольку в декабре 1954 г. еще трудно было предугадать, куда «повернется дело» с Тито, насколько далеко продвинется нормализация отношений с Югославией. Довольно обтекаемая, амбивалентная оценка деятельности Крижанича была дана не только в нижеприведенном документе, но и в научном труде, в связи с подготовкой которого была принята резолюция – в первом томе «Истории русской экономической мысли».

Более решительный шаг в переоценке Крижанича был сделан в июле 1956 г., через две-три недели после торжественного визита Тито в СССР. Концепция П.П. Епифанова подверглась открытой критике в выступлении Л.Н. Пушкарева в Институте истории АН СССР, опубликованном затем в «Вопросах истории» (см. [14–15]). Последующие непростые перипетии советско-югославских отношений уже никак не влияли на отношение к Крижаничу. Тесные связи мыслителя с Ватиканом также перестали вменяться ему в вину, в литературе признавалось, что, будучи сторонником унии православной и католической церквей, Крижанич видел в этом один из путей к культурному и политическому возрождению славян [16]. При этом на смену конъюнктурному использованию его творчества в интересах злободневной политической пропаганды пришло более углубленное и разностороннее изучение наследия выдающегося южнославянского мыслителя, опирающееся на публикацию его важнейших работ [17–18].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аллатов М.А. Историческая концепция Юрия Крижанича // Советское славяноведение. 1966. № 3.
2. Пащенко Е. «Политика» Крижанича как произведение литературы барокко // Советское славяноведение. 1983. № 5.
3. Рогов А.И. Ю. Крижанич и русский раскол // Советское славяноведение. 1986. № 6.
4. Жулинская Э.В. Взгляды Юрия Крижанича и Яна Амоса Коменского на школьное образование (вторая половина XVII в.) // Славяноведение. 1993. № 1.
5. Бахрушин С. Юрий Крижанич // Исторический журнал. 1942. № 1–2.
6. Дацюк Б.Д. Юрий Крижанич (Гуманист XVII века). Очерк политических и исторических взглядов. М., 1946.
7. Пичета В.И. Юрий Крижанич и его отношение к Русскому государству (1618–1683) // Славянский сборник. М., 1947.
8. Наумов Е.П. Ю. Крижанич в трудах академика В.И. Пичеты // Советское славяноведение. 1983. № 5.
9. Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века: Очерки истории. М., 2008.
10. Михневич Д.Е. Очерки из истории католической реакции (Иезуиты). М., 1953.
11. Епифанов П.П. Происки Ватикана в России и Юрий Крижанич // Вопросы истории. 1953. № 10.
12. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
13. Едемский А.Б. От конфликта к нормализации. Советско-югославские отношения в 1953–1956 годах. М., 2008.
14. Пушкарев Л.Н. Об оценке деятельности Юрия Крижанича (по поводу статьи П.П. Епифанова в «Вопросах истории») // Вопросы истории. 1957. № 1.
15. Обзор выступлений по докладу Л.Н. Пушкарева на заседании сектора истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР в июле 1956 г. // Вопросы истории. 1957. № 2.
16. Крижанич Юрий // Краткая литературная энциклопедия. М., 1978. Т. 9 (дополнительный).
17. Крижанич Ю. Политика. М., 1965.
18. Пушкарев Л.Н. Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984.

Предложения Отдела науки и культуры ЦК КПСС по поводу отношения к Ю. Крижаничу

ЦК КПСС

В Отделе науки и культуры ЦК КПСС рассмотрена представленная Госполитиздатом верстка книги «История русской экономической мысли», т. 1, ч. 1-я, подготовленная Институтом экономики АН СССР.

При ознакомлении с книгой возник вопрос об освещении роли в развитии истории русской экономической мысли хорвата Ю. Крижанича.

Первоначально авторы книги намечали сказать о Ю. Крижаниче как о тайном агенте Ватикана, обманным путем пробравшемся в Россию с целью склонить царя Алексея Михайловича и его приближенных к объединению Русской православной церкви с католической и тем самым подчинить Россию Римскому папе. Соответственно этому экономические взгляды Ю. Крижанича характеризовались как крайне реакционные. После постановления ЦК КПСС о книге Ф. Константинова «Исторический материализм»¹ авторы «Истории русской экономической мысли» решили ничего не говорить о Ю. Крижаниче.

Однако до 1953 года в нашей экономической литературе, так же как и в книге Г.В. Плеханова «История русской общественной мысли», Ю. Крижанич оценивался как прогрессивный мыслитель, сторонник реформ, содействующих экономическому развитию России, неутомимый защитник славянства.

Вопрос о подлинных целях, преследовавшихся Крижаничем в России, вызывал и раньше в нашей литературе споры. Например, П. Епифанов в статье, опубликованной в журнале «Вопросы истории» № 10 за 1953 г., утверждал, что Ю. Крижанич – агент Ватикана. Другие авторы: С. Бахрушин, В. Дурденевский, Б. Дацюк, В. Покровский считали, что Ю. Крижанич в пятидесятих годах порвал с Ватиканом и искренне встал на защиту интересов славянских народов. В книге Г.В. Плеханова вопрос о целях миссии Крижанича в России не затрагивается. Споры по этому вопросу нельзя считать завершенными².

Однако это не должно являться основанием для того, чтобы умалчивать о Ю. Крижаниче в книге по истории русской экономической мысли.

Ю. Крижанич находился в России с 1659 по 1677 год, и почти все его работы связаны с Россией. В 1659 году, в бытность его на Украине, Крижанич написал «Беседу с черкасами» и «Усмотрение о царском величестве», в которых он призывал украинский народ добровольно присоединиться к России. В своих челобитных к царю Алексею Михайловичу и в таких произведениях как «Думы политичны», «Разговоры о владельстве», «Об благу»³ и в некоторых других Крижанич, высоко оценивая значение централизованного государства в России для дальнейших судеб как русского, так и других славянских народов, предлагал русскому царю ряд экономических мер по улучшению сельского хозяйства и развитию ремесел. Он предлагал также закрыть границы для иностранного торгового капитала, оградить национальную торговлю от конкуренции иностранных купцов. В его работах содержатся интересные мысли о благе народа, о народонаселении, о роли государства в экономике.

Учитывая характер работ Ю. Крижанича о России, полагали бы целесообразным, не причисляя Ю. Крижанича к русским экономистам, кратко сказать в книге о работах хорвата Крижанича, а также о его письмах и донесениях царю по экономическим вопросам, так как они отражают в известной мере тогдашнее состояние экономики России и объективно являются одним из выражений состояния русской экономической мысли и экономической политики того периода. Одновременно следовало бы отметить, что в работах Ю. Крижанича содержались противоречивые высказывания.

Что же касается целей приезда Ю. Крижанича в Россию, то следовало бы сказать, что этот вопрос не имеет непосредственного отношения к содержанию его работ и за отсутствием подлинных документов остается недостаточно выясненным.

Просим Вашего согласия передать это мнение Институту экономики АН СССР и Госполитиздату, готовящему книгу к выходу в свет⁴.

Зав. отделом науки и культуры ЦК КПСС А. Румянцев⁵
Инструктор Отдела И. Мрачковская⁶

9 XII 1954 г.

Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 5. Оп. 17. Д. 466. Л. 151–152.

Примечания

¹ Речь идет о книге будущего академика Ф.В. Константинова «Исторический материализм как наука» (1-е издание – 1949, переиздание – 1951). В записке зав. отделом науки и культуры ЦК КПСС А. Румянцева и зам. зав. отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС П. Кованова в ЦК КПСС от 15 сентября 1954 г. говорится о том, что при новом переиздании в июле 1954 г. Политиздатом книги Ф.В. Константинова были оставлены «политически ошибочные формулировки, которые могут нанести политический ущерб интересам Коммунистической партии и внешней политике Советского государства». Это касалось, в частности, советско-югославских отношений – руководство ФНРЮ было названо по инерции «шпионской кликой Тито – Ранковича», вынашивающей злые умыслы в отношении стран «народной демократии». В соответствии с вынесенной резолюцией распространение отпечатанной части тиража было приостановлено, виновные были привлечены к ответственности (см. РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 468. Л. 183–184).

² Их нельзя было считать законченными и в 1980-е годы, см. из более поздней литературы: *Лушкарев Л.Н.* Юрий Крижанич. Очерк жизни и творчества. М., 1984; *Лавров А.С.* Ю. Крижанич в современной буржуазной историографии // Критика концепций современной буржуазной историографии. М., 1987; *Džambo J., Kessler W.* Jurij Križanič – ein katholischer Eiferer in Russland // *Deutsche und Deutschland aus russischer Sicht* 11. – 17. Jahrhundert. München, 1988.

³ Язык работ Крижанича чрезвычайно своеобразен: сказались предпринятые им попытки создать общеславянский литературный язык.

⁴ В книге была дана довольно нейтральная оценка личности и деятельности Юрия Крижанича: «Для характеристики экономики и экономической мысли рассматриваемого времени известный интерес представляют работы хорвата Юрия Крижанича (1617–1683), написанные им во время длительного пребывания в России. В своем основном сочинении – «Думы политичны» («Политика») – Крижанич разрабатывал вопрос о способах увеличения богатства в стране. Говоря о необходимости развития производительных сил страны, Крижанич намечал широкие планы мероприятий в области торговли, финансов, промышленности, сельского хозяйства и государственного устройства.

Работа Крижанича “Политика” не получила огласки. Она была сдана в царскую библиотеку и опубликована лишь в середине XIX века» (История русской экономической мысли. М., 1955. Т. I. Эпоха феодализма. Ч. 1. IX–XVIII вв. / Под ред. А.Н. Пашкова. С. 223 (автор главы об основных направлениях экономической мысли России в XVII в. – Е.С. Яранцева).

⁵ Румянцев Алексей Матвеевич (1905–1993) – экономист, академик АН СССР. В 1953–1955 гг. зав. отделом науки и культуры ЦК КПСС. В разные годы был главным редактором журналов «Коммунист», «Проблемы мира и социализма», недолго – газеты «Правда». Обладал репутацией одного из наиболее либеральных представителей советской партийно-идеологической номенклатуры. Во время идеологических чисток, предпринятых после подавления Пражской весны был в 1971 г. освобожден от обязанностей вице-президента АН СССР, ответственного за общественные науки, а в 1972 г. снят также с поста директора Института конкретных социальных исследований АН СССР.

⁶ На документе содержится рукописная помета от 3 января 1955 г. о том, что по договоренности с Политиздатом вопрос о Крижаниче будет рассмотрен редколлекцией готовящегося труда совместно с руководителями Политиздата и Института экономики АН СССР.

Р. СТАНКОВА. Срѣбската книжнина през XIII в. (контекст и текст). София, 2007. 229 с.

Р. СТАНКОВА. Сербская литература XIII в. (контекст и текст)

Рецензируемая монография болгарской исследовательницы Р. Станковой является первой за многие десятилетия обобщающей работой о сербской средневековой литературе в болгарской медиевистике. Учитывая новейшие достижения в этой области, автор предпринимает попытку с исчерпывающей полнотой охарактеризовать ранний период развития сербской книжности в рамках «формирующего ее контекста – византийской и древнеболгарской литературы» (с. 16).

Работу предваряет Введение, посвященное проблемам сравнительного анализа средневековых южнославянских текстов и содержащее важные методологические посылки. Так, исследовательница предлагает анализировать средневековые тексты, определяя содержание и значение двух составляющих их «уровней» – синтагматики (т.е. линейной структуры текста) и парадигматики, связанной с ролью отдельно взятого текста как используемого в богослужении. Одна из важных задач монографии состояла в прояснении роли монастырских книжных центров в создании общего литературного фонда сербов и болгар на протяжении XIII в. Оно позволило выделить типологические схождения и расхождения в развитии двух культур, определить значение сербской литературной традиции по отношению, с одной стороны, к кирилло-мефодиевской традиции и, с другой – к современной ей болгарской литературе.

Первая глава исследования носит название «Кирилло-мефодиевские традиции в сербских землях в XII–XIII веках». Один из важнейших тезисов автора состо-

ит в том, что древнеболгарский язык X в. эпохи царя Симеона принимается как полифункциональный, универсальный язык формирующейся славянской православной общности и что в течение XI–XII столетий в процессе проникновения древнеболгарской культуры и книжности на северо-запад, в сербские земли, формируется общий южнославянский литературный фонд. Говоря о месте появления и области распространения сербской редакции старославянского языка, Р. Станкова основывается на положениях Д. Богдановича, который определял область севернее Скопье (вне границ первого сербского государства) как контактную зону (область постоянного соприкосновения сербского народа со старославянской книгой), однако считал необходимым подчеркнуть однонаправленность культурного влияния Болгарии на Сербию в то время. Приводя обзор мнений медиевистов (Й. Враны, А. Алексеева, Л.П. Жуковской, И. Добрева и др.) относительно осуществлявшихся в период формирования славянского фонда переводов с греческого языка на славянский богослужебных книг, Р. Станкова особо выделяет тезис в. Десподовой, которая указывает, что «Мирославово Евангелие» (ок. 1185 г.) относится к числу полных апракосов, связанных с климентовской традицией, и отражает новую редакцию текста, кодикологически и литургически структурированную в Охридской литературной школе.

Второй раздел главы посвящен отражению в сербских списках XIII – начала XIV в. литературного наследия «золотого века» болгарской книжности, типологи-

ческим особенностям сербского литературного наследия по отношению к древнеболгарским памятникам. Так, автор указывает, что наиболее ранние среди сербских сборников ораторской прозы – Гомилиарий Михановича XIII в. и Милешевский панегирик конца XIII – начала XIV в. – относятся к общему преславскому архетипу, который имеет устойчивое ядро из ранних древнеболгарских переводов (IX–X вв.) византийских гомилетических сочинений и оригинальных произведений Климента Охридского. Говоря о прологах, исследовательница отмечает сходство в составе болгарских и сербских сборников этого типа, в которые включаются памяти местных сербских и болгарских святых и западноболгарских отшельников XI–XII вв. Так, состав сербских Румянцевского и Хлудовского прологов показывает сходство со среднеболгарскими – Лесновским прологом и прологом Ковачевича.

Основные выводы первой главы представляют Сербию как наследницу всего общеславянского литературного фонда, что, по мнению Р. Станковой, делает возможным изучение оригинальной древнеболгарской книжности по сербским спискам.

Во второй главе книги – «Сербия и Болгария в XIII в. Монастырские центры и литературная традиция» автор знакомит читателя с историей христианизации сербов, процессами объединения сербского государства, созданием сербской архиепископии, церковно-законодательной деятельностью св. Саввы. Здесь приводится, помимо прочего, обзор результатов исследований, посвященных так называемой Кормчей св. Саввы. Подробно излагается мнение Н. Драговой, которая рассматривает две южнославянские редакции Кормчей: сербскую, восходящую к исчезнувшему архетипу, введенную св. Саввой, и болгаро-русскую, для которой источником являлся номоканон Тырновской патриархии XIII в.

Посвящая специальный раздел главы монастырским литературным центрам в Сербии и Болгарии в XIII в., Р. Станкова анализирует типологические различия, касающиеся роли монастырей в развитии культуры двух стран. Она отмечает важность наблюдений К. Ивановой относительно центростремительных тенденций развития культов святых в Болгарии, территориально сосредоточенных в одном литературном центре – Тырнове и центробежных (двойной культ Симеона и Саввы, территориально рассредоточенный по

множеству монастырей) в Сербии. Особое внимание исследовательница уделяет тырновскому культу св. Саввы в связи с историей посвященных ему проложных житий. Касаясь общих тенденций в развитии книжности в двух странах в этот период, автор отмечает, что в составе богослужебных сборников как у сербов, так и у болгар открывается общий композиционный принцип совместного почитания памяти только что канонизированных местных святых наряду с уже установившимися южнославянскими культурами.

Оригинальной сербской литературе XIII в. посвящена последняя, третья глава книги. Один из источников формирования специфики сербской литературы Р. Станкова усматривает в житиеподобных элементах сербских грамот, которые, по ее мнению, во многом определили агиографическую схему созданных позднее житий св. Симеона. Она подробно описывает принципы использования в грамотах и житиях целого ряда агиографических топосов. В первых сербских житиях XIII в., по мнению автора, развитие культа св. Симеона осуществляется в рамках двух агиографических поджанров – монашеско-киторского жития преподобного и властительского жития типа «властитель-святая». При этом одним из важнейших принципов на уровне макроструктуры текста сербских житий является композиционный принцип «концентрического наслоения», суть которого заключается в постоянном воспроизведении и дополнении инновациями создаваемых в житиях нарративных моделей. В качестве основной посылки она принимает тезис Х. Бирнбаума о том, что в сербской литературе каждое житие святого служит образцом для последующего. Этот термин – «концентрическое наслоение» – исследовательница предлагает использовать вместо предложенного проф. Р. Маринкович термина «поэтика традициональности».

В данной главе книги подробно рассматриваются проблемы жанровой принадлежности первых сербских властительских житий (и жития архиепископа Саввы) в связи с использованием ряда библейских топосов и мотивов, обусловивших, с точки зрения исследовательницы, создание новых агиографических топосов в сербской литературе. Одной из наиболее самобытных особенностей сербской литературы рассматриваемого периода Р. Станкова считает развитие «двойного» культа властителя и архиепископа – св. Саввы и св. Симеона. Касаясь богослужебной ли-

тературы у сербов, она отмечает, что гимнографические композиции XIII столетия в сербской книжности относятся к типу ранних доиерусалимских служб с краткими по объему текстами и обнаруживают типологическое сходство со службами Кириллу Философу, св. Мефодию и св. царю Петру. В этой главе также подробно анализируются ранние службы в честь свв. Симеона и Саввы.

Исследование Р. Станковой об основных тенденциях в развитии сербской литературы XIII в. – заметное явление в современной славистике. Автор хорошо знаком с рукописными источниками и владеет новейшими методами анализа средневековых памятников. Исследовательница стремится как можно более полно представить основные этапы формирования сербской книжности, учитывая и систематизируя при этом богатый опыт своих предшественников: палеографов, лингвистов и литературоведов-медиевистов. Она дает самостоятельные оценки многим литературным и культурным явлениям жизни средневековой Сербии, вводит ряд новых терминов для определения тех из них, которые являются наиболее характерными именно для сербской книжности. Лучше всего, по нашему мнению, Р. Станковой удалось разделы, в которых исследуются проблемы типологических аналогий в развитии болгарской и сербской литератур. Это и неудивительно, поскольку, как отмечалось ранее, основную свою задачу автор видит в «исследовании оригинальной сербской книжности на широком фоне древнеболгарской литературной традиции» (с. 185), при этом последняя рассматривается как формирующая возникающую позднее сербскую традицию. Другая, непосредственно связанная с предыдущей, сторона исследования заключалась в анализе сербской книжности XIII в. как материала для изучения самой древнеболгарской литературы более раннего периода.

Перечисленные аспекты являются в работе основополагающими, что, разумеется, необходимо было отразить и в ее названии. К сожалению, в монографии не затрагивается (даже на уровне анализа

мнений современных ученых) явно дискуссионный вопрос о том, в какой степени сербскую средневековую книжность можно считать «дочерней» по отношению к древнеболгарской. При этом, видимо, следовало принять во внимание, что степень актуальности вопроса о «национальных границах» литературы среди создававших общий южнославянский книжный фонд православных славян в XII–XIII вв. была явно меньшей, чем нам теперь это кажется. Кроме того, вопрос о взаимоотношениях болгарской и сербской книжности в древности мог бы решаться во многом иначе в случае нашего знакомства с несохранившимися памятниками сербской письменности раннего периода. Можно также отметить, что, характеризуя поэтику памятников сербской житийной литературы XIII в. (роль отдельных ее художественных элементов в тексте, структуры и схемы, иллюстрирующие различия и сходства в содержании агиографических сочинений) автор нередко забывает о необходимости анализа особенностей художественного замысла агиографов в целом. Этот недочет приводит порой к неверным, с позиций средневековой эстетики, выводам. Таким, например, выглядит заключение Р. Станковой о «перегруженности» написанных Доментианом житий библейскими цитатами или о его «граничащем с излишеством многословии».

Наши замечания ни в коей мере не умаляют значения книги Р. Станковой как серьезного научного исследования. Оно основано на результатах новейших изысканий в области южнославянской рукописной традиции и дает читателю возможность познакомиться с рядом важных этапов формирования южнославянского книжного фонда. В нем прослеживается история формирования сербской гимнографической и житийной традиции в ее отношении к традиции древнеболгарской, определяется степень типологической близости двух родственных средневековых литератур и осмысливаются многие специфические особенности их развития.

© 2011 г. Л.К. Гаврюшина

Slovník súčasného slovenského jazyka. I zväzok. Bratislava, 2006. 1134 s.

Словарь современного словацкого языка. I том.

Первый том «Словаря современного словацкого языка» (А–Г) вышел в свет в 2006 г., в данный момент готовится к выходу в печать второй том. Всего в серии планируется издание восьми томов общим объемом более двухсот тысяч слов. Публикация «Словаря современного словацкого языка» представляет собой значительную веху в словацкой лексикографии, поскольку последнее издание многотомного толкового словаря словацкого языка состоялось более сорока лет назад. На данный момент наличествуют два основных толковых словаря словацкого языка: это шеститомный «Словарь словацкого языка» под редакцией Ш. Пецьяра, вышедший в 1958–1968 гг., и «Краткий словарь словацкого языка», последнее, четвертое, издание которого вышло в 2003 г. С обоими толковыми словарями «Словарь современного словацкого языка» связывает как ряд общих черт, так и ряд отличительных особенностей.

Подобно словарю 1958–1968 гг., новое издание представляет собой толковый словарь большого объема, что предполагает максимально широкий отбор лексических единиц. Основные различия между ними состоят в принципах отбора данных и в объеме предоставляемой информации.

«Словарь современного словацкого языка» базируется на материалах Словацкого национального корпуса, который представляет репрезентативный срез состояния современного словацкого литературного языка за последние пятьдесят лет. Сообразно источнику материала одной из задач «Словаря современного словацкого языка» является фиксация реально-состояния лексического состава современного литературного языка. Помимо общеупотребительной лексики, в составе литературного языка вычлняются устаревшие лексемы, кроме того, авторы фиксируют также неологизмы и заимствования, показывая процесс вхождения в состав литературного языка новых лексем. Далее, авторы включают в состав словаря разговорно-обиходную лексику, что выра-

жается в пометах «разговорное» и «сниженное». В обоих случаях в «Словаре современного словацкого языка» приводятся литературные, «нормативные» эквиваленты соответствующих лексических единиц. Авторы словаря не включают сленг в состав литературного языка, но отталкиваясь от фактического состояния литературного языка, фиксируют литературный язык как феномен стабильный и одновременно гибкий, что обеспечивает ему необходимую выразительность.

С большим объемом словаря связан следующий круг представленных в нем лексем: это профессиональная, терминологическая лексика, в каждом случае отмечается конкретная профессиональная сфера употребления той или иной лексемы. Критерием для включения того либо иного профессионализма в состав словаря является его высокая частотность за пределами профессиональной сферы. Характерно, что впервые для составления толкового словаря была привлечена широкая сеть профессиональных консультантов, являющихся признанными специалистами в своей области. Это обеспечивает высокую точность толкования терминов.

Современный «Словарь современного словацкого языка» отличается от словаря 1958–1968 гг. не только большим разнообразием и современностью представленных данных, но также большим объемом информации, приводимой непосредственно в толковании каждой лексемы. Из аспектов, касающихся плана выражения языковой единицы, приводятся данные по произношению (твердому либо мягкому) отдельных согласных в заимствованных словах – подобной информации в предыдущем словаре не было представлено. Расширена информация по грамматическому словоизменению, например, у прилагательных приводятся формы со всеми родовыми окончаниями в единственном числе, у глаголов – формы повелительного наклонения и *l*-вого причастия прошедшего времени.

В случае заимствованных лексических единиц, помимо данных по степени адаптации в словацком языке (особенностям произношения, склонения и т.п.), приводится также информация по источнику заимствования данной единицы.

При описании плана содержания также наблюдаются нововведения, которых не было в предшествующем издании. Толкование в «Словаре современного словацкого языка» устроено неоднородно, иерархически. В нем вычленяются когнитивный и коммуникативный компоненты. Первый связан с понятийным содержанием соответствующей лексической единицы; второй – с особенностями речевого употребления лексемы: с субъективным отношением говорящего к данной реалии, с отношением говорящего к партнеру по коммуникации на момент речевого акта, а также с особенностями употребления данной лексической единицы в конкретной среде. В толковании центральной является когнитивная составляющая значения, коммуникативная предваряет ее и приводится в скобках. Далее, в когнитивном компоненте вычленяются центральные компоненты значения, равным образом реализуемые во всех контекстах употребления лексемы, и периферийные, появляющиеся лишь в некоторых типовых контекстах, они также приводятся в скобках. Таким образом, иерархизация, характерная для макроуровня структурирования лексического состава словацкого литературного языка, последовательно проводится авторами нового словаря также на микроуровне толкования лексической единицы.

После толкования приводятся возможные синонимы и антонимы лексемы, а также фразеологизмы и паремии, содержащие данную лексическую единицу.

Новой чертой по сравнению со словарем 1958–1968 гг. является также способ представления ойконимов. Названия населенных пунктов Словакии приводятся не в тексте словаря, но дифференцированно, отдельным списком в конце каждого тома. Помимо информации по специфике словоизменения соответствующей лексемы, а также информации по локализации обозначаемой реалии, возле каждого названия населенного пункта приводятся производное от него прилагательное и лексемы, обозначающие жителей данного населенного пункта.

По характеру представленной информации «Словарь современного словацкого языка» как большой толковый словарь объединяет в себе свойства краткого тол-

кового словаря, терминологического словаря, словаря синонимов и словаря иностранных слов. Ряд общих черт сближает «Словарь современного словацкого языка» и «Краткий словарь словацкого языка», в первую очередь способ представления материала, учитывающий новейшие достижения современной лексикографии, а также «базовый» лексический фонд. Авторский коллектив «Краткого словаря словацкого языка» ориентирован в первую очередь на фиксацию основного фонда литературного языка, который обеспечивает ему необходимую стабильность. Авторы «Словаря современного словацкого языка» ставят перед собой задачу более сложного и масштабного порядка, поскольку в словаре продемонстрирована система иерархических взаимоотношений и взаимодействий между основным лексическим фондом и маркированной лексикой. Это, с нашей точки зрения, в большей степени может способствовать общему повышению культуры литературного языка, поскольку устанавливается система полных и частичных соответствий между лексемами литературными и лексемами, разговорно маркированными. С другой стороны, меньший объем «Краткого словаря словацкого языка» делает его более мобильным и удобным в практическом применении, однако лишь в тех случаях, когда текст в минимальной степени содержит периферийные элементы.

Авторы «Словаря современного словацкого языка» ставят перед собой чрезвычайно важную и масштабную задачу: показать литературный словацкий язык во всем богатстве его лексического состава и разнообразии выполняемых им функций. Особый акцент в словаре делается на парадигматику лексемы, в толковании максимально широко показаны связи конкретной лексемы со всеми остальными.

Для российских специалистов словарь представляет большой интерес, причем необходимость данного издания ощущается сразу в нескольких профессиональных сферах. Во-первых, данный словарь является чрезвычайно важным справочным изданием в преподавании словацкого языка как иностранного, особенно на старших курсах, поскольку в этот период предполагается освоение базовой терминологической лексики, которая в нем широко представлена. Кроме того, в словаре максимально широко дана необходимая информация по лексической парадигматике, грамматическому словоизменению, а также по специфике употребления слу-

жебных частей речи. Во-вторых, «Словарь современного словацкого языка» будет являться неоценимым справочным изданием в сфере письменного перевода – как технического или юридического, так и художественного. В процессе профессиональной практики переводчики сталкиваются с лексемами, относящимися к самым разным профессиональным сферам и функциональным стилям. Имеющиеся на сегодняшний момент двуязычные, в том числе

терминологические словари, а также одноязычный «Краткий словарь словацкого языка» не вполне покрывают лексическую сферу соответствующих текстов. Выходом в данном случае служит использование одноязычного толкового словаря значительного объема, что повысит качество и точность итоговых переводов.

© 2011 г. *Д.Ю. Анисимова*

О XV МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

Национальный комитет славистов Российской Федерации сообщает, что на состоявшемся 14–16 августа 2010 г. в Великом Новгороде заседании Международного комитета славистов был утвержден окончательный перечень тем и вопросов, которые предлагается обсудить на XV съезде славистов в Минске в 2013 г. В связи с этим НКС РФ просит желающих принять участие в работе XV съезда представить до **15 июня 2011 г.** тезисы докладов, соответствующих прилагаемой тематике, по электронной почте annaplotn@mail.ru. Объем – 0,5–1 стр. печатного текста (не более 2000 знаков).

Заявки для участия с докладами на **круглых столах** принимаются также до **15 июня 2011 г.** Просим в соответствии с заявленной тематикой представить в НКС РФ (по адресу annaplotn@mail.ru) тезисы предполагаемого доклада объемом до 2000 печатных знаков.

Заявки на **тематические блоки**, организуемые российскими учеными, принимаются на рассмотрение НКС РФ по указанному адресу annaplotn@mail.ru до **25 мая 2011 г.** Тематический блок должен включать основного докладчика, 2–3 содокладчиков и одного дискуссионта. Докладчики должны представлять разные страны, при этом организатор тематического блока обязан обеспечить публикацию докладов.

ТЕМАТИКА XV МЕЖДУНАРОДНОГО СЪЕЗДА СЛАВИСТОВ

(Минск, Белоруссия, 2013 г.)

1.0. Языкознание

1.1. Славянские языки в сравнительно-историческом и ареальном аспектах

История славянских языков в связи с проблемами этногенеза и глоттогенеза. Локализация праславянского языкового пространства и его структура. Славянская этимология и ономастика. Балто-славянские языковые взаимосвязи. Славяно-германские, славяно-италийские, славяно-иранские, славяно-угрофинские, славяно-кельтские и славяно-тюркские языковые отношения в прошлом.

1.2. Историческое описание славянских языков и диалектология

Историческая грамматика славянских языков. Внутренняя и внешняя история языка. Проблемы языкового пограничья. Славянские языки в языковых союзах. Славянская лингвогеография и диалектография. Полесье в этнолингвистических и лингвогеографических исследованиях.

1.3. Славянские языки и культуры

Славянская письменность на разных этапах ее развития. Кирилло-Мефодиевская письменная традиция у славян. Литературно-лингвистическая ситуация в Великом княжестве Литовском. Феномен «простой мовы» и литературного многоязычия. Китабистика как раздел славистики.

1.4. Языковые ситуации в славянском мире

Состояние современных славянских стандартных (литературных) языков. Внутренние и внешние факторы в формировании и трансформировании славянских стандартных языков. Тенденции развития систем славянских языков в начале XXI века. Славянский языковой мир, проблемы глобализации и проблемы преподавания славянских языков. Языковая политика и эколингвистика. Славянские литературные макро- и микроязыки. Проблемы языковой идентификации и самоидентификации. Социолингвистические, психолингвистические и социокультурные аспекты изучения современных славянских языков и диалектов. Смешанные формы речи и их типы у славян.

1.5. Синхронно-типологическое и сопоставительное исследование славянских языков

Фонология и акцентология. Грамматика, словообразование и синтаксис. Проблемы славянской аспектологии. Инновации в системах современных славянских языков. Славянская лексикография, лексическая семантика и фразеология. Лингвистика текста. Дискурсивный анализ современных славянских языков.

1.6. Языковые картины мира у славян

Когнитивный, этнолингвистический, лингво-культурологический и лингво-прагматический подходы к изучению разных уровней славянских языков.

1.7. Компьютерная и корпусная лингвистика в исследовании славянских языков

Корпусы славянских языков. Проблемы грамматики и лексикологии в перспективе корпусной лингвистики. Проблемы автоматического анализа и перевод. Создание и использование интернет-ресурсов.

2.0. Литературоведение, культурология, фольклористика

2.1. Славянский фольклор, мифология и традиционная духовная культура

Проблемы и перспективы компаративного исследования фольклора. Народные верования, обрядовые практики и обрядовый фольклор: текст и контекст. Традиционный фольклор и проблемы национальной идентификации. Аутентичный фольклор и отражение в нем ментальных особенностей славянских этносов. Фольклор пограничья и славянских диаспор. Современные формы фольклора; постфольклор. Взаимосвязь и взаимодействие традиционных и современных форм славянского фольклора. Фольклор и художественная литература.

2.2. История славянских литератур и анализ художественного текста

Славянские литературы в контексте европейского и мирового культурно-исторического процесса. Традиционное и новаторское в славянской прозе, поэзии, драматургии. Проблемы жанров в славянских литературах. Текст и интертекстуальность в исследованиях славянских литератур. Направления в славянских литературах; роль и значение иностранных влияний в их генезисе и развитии, национальная специфика направлений. Национальная мифология и ее художественное конструирование в славянских литературах. Памятники славянских литератур, текстология и эдиционная практика.

2.3. Литература и религия

Проблема литературного взаимодействия в рамках *Slavia Orthodoxa* и *Slavia Romana*. Конфессиональное самоопределение и литературная динамика. Народная религиозность, канонические и апокрифические литературные традиции. *Slavia Christiana* в отражении поэтического эпоса славянских народов. Синтез фольклора и библейских традиций в славянской культуре. Библейские переводы. Библейские аллюзии в современных славянских литературах.

2.4. Славянский перевод и межславянские переводы

Роль перевода в становлении старых, новых и современных славянских литератур. Социокультурные, эстетические, языковые особенности межславянского перевода.

2.5. Литература – философия – идеология

Эстетическое и этическое, национальное и интернациональное в славянских литературах Нового времени. Место писателя в социально-политической жизни эпохи. Национальное

возрождение и его отражение в славянских литературах. Специфика формирования белорусской литературы.

2.6. Литературная критика и публицистика

Литературные журналы в литературном процессе в славянских странах. Эстетическое и социальное в славянской литературной критике. Значение литературных журналов в социально-исторических изменениях в славянских странах: Новое и новейшее время.

2.7. Проблемы современных славянских литератур

Диалог актуального художественного мышления с национальной литературной классикой. Литература диаспоры и изменение литературного канона в славянских странах. Постмодернизм в пространстве традиционного общества и классической культуры. Славянские литературы и кино. Роль молодежных субкультур в славянской литературе последних лет.

3.0. История славистики

3.1. Международные съезды славистов: традиции, достижения, перспективы.

3.2. История и современное состояние славистики в мире.

Темы для круглых столов

1. Скориниана в славянском и европейском контексте.
2. Язык, литература, культура Великого княжества Литовского в славянском и европейском контексте.
3. Национальные типы постмодернизма в славянских литературах.

Юбилейные торжества всегда были нелегким испытанием для исторической науки, хотя и предоставляли немалые возможности для серьезных исторических исследований. Не стало исключением и празднование 300-летия Полтавской битвы, рекордное по числу состоявшихся конференций, выставок и публикаций. Если к этому добавить множество телевизионных фильмов и передач, посвященных битве под Полтавой, то картина получается очень внушительная.

Юбилей происходил на фоне достаточно напряженных российско-украинских отношений, празднования 350-летия «украинской победы над русскими» под Конотопом, что еще больше накладывало ответственность на историков за соблюдение профессиональной этики и деполитизацию истории. И это в условиях, когда депрофессионализация истории становится крайне распространенным явлением на постсоветском пространстве. Мы имеем в виду то, что судить об исторических событиях, давать им какие-то оценки позволяют себе люди, не имеющие исторического образования. Для них источниковедческий анализ, текстология, палеография, историография – являются отстраненными понятиями. Да и к чему заниматься кропотливыми научными изысканиями, когда гораздо проще строить красивые и броские схемы, базируясь на одной-двух прочитанных монографиях. Ладно, когда в жаркие псевдонаучные дискуссии пускаются завсегдаитаи интернета. Хуже, когда этим занимаются журналисты, имеющие доступ к серьезным и авторитетным средствам массовой информации. И уже совершенно недопустимо, когда профессиональные историки скатываются в болото популистских лозунгов.

К большому огорчению, вынуждена отметить, что ряд глубоко уважаемых мною историков пошли по этому зыбкому пути, дав себя увлечь политикам и покинув привычное поле научной полемики. Мы уже не говорим о некоторых «остепененных» господах, которые позволяют себе на страницах научных изданий рассуждать о «воровстве газа» в контексте истории Украины XVIII в. [1. С. 131–132].

Между тем, можно (и нужно) действовать совершенно по-иному. Великолепный пример – строго научные выставки, которые состоялись в Эрмитаже и Московском Кремле. Не могу не процитировать М.Б. Пиотровского: «История Полтавского сражения давно уже стала эпосом о Полтавской битве. В нем действует могучий герой-победитель, авантюристичный молодой герой-неудачник и трагически-злостный предатель [...] Этот эпический характер позволяет относиться к событиям трехсотлетней давности с некоторой мудрой отстраненностью» [2. С. 6]. Например, И. Мазепе в этом издании дается такая характеристика: «Украинский политический и военный деятель [...] был деятельным сподвижником Петра I» [2. С. 71]. Эта взвешенность в подходе полностью перекликается с высказыванием известного российского специалиста по петровской эпохе Е.В. Анисимова: «Мы излишне упростим дело, если будем видеть в Мазепе человека, чуть ли не родившегося изменником, морального уродца, давным-давно вступившего на путь предательства. Все гораздо сложнее, ибо в истории Мазепы, как в капле воды, отразились проблемы и трагедия всей Украины» [3. С. 160]. Сугубо научный характер носит и монография П.В. Кротова, посвященная военным аспектам Полтавской битвы [4].

Такой прагматично-отстраненный характер отношения к историческим событиям (столь характерный для питерской школы) представляется мне гораздо более оправдан-

ным и полезным для смягчения общества, чем нарочито-патриотичный и воинствующий псевдоправославный (ибо истинное православие не может быть воинствующим) тон.

Спешка, эмоции, политический задор заставляют ученых писать популярные брошюры вместо спокойных и взвешенных научных исследований, которые должны способствовать переводу споров в сугубо академическую плоскость. Вместо этого отталкивают рассудительных и образованных читателей, которым упрощенные штампы наскучили еще в советские времена.

Между прочим, времена смутных 1990-х, когда все историки переживали «детскую болезнь», создавая новые концепции и подходы – прошли. Казалось бы, мы уже научились слушать друг друга, а значит – уважать мнение соседа, даже если не соглашаешься с ним. Шведы активно участвуют в мероприятиях, связанных с Полтавской битвой и не делают из своего давнего поражения национальной трагедии. На заседаниях российско-украинской комиссии историков идет спокойная и плодотворная работа, даже когда речь заходит о болезненных вопросах XX в. Вообще, искать политическую подоплеку в событиях 300-летней давности – по-моему, смешно и глупо.

Между тем, из одного издания в другое продолжают кочевать избитые штампы и фактические ошибки. В частности, заочному противостоянию активистам интернета поддался В.А. Артамонов, что, безусловно, принижает интересные наблюдения и находки, сделанные им [5–6]. Чего стоят только подобные заявления: «Не зафиксировано ни одного высказывания (Мазепы. – *Т.Т.*) о бессилии тогдашней Речи Посполитой» [5. С. 11]. Между тем, широко известно замечание, сделанное И. Мазепой во время встречи с французским послом Жаном де Балюзом, что «Корона Польская [...] идет, как Древний Рим, к упадку» [7. С. 105]. Странно выглядит и такая декларация: «На Гетманщине в то время не было ни языкового, ни этнического, ни государственного противопоставления России» [5. С. 16]. А как же тогда быть с переводчиками с «малороссийского» языка в Посольском приказе и Каламакскими статьями, запрещавшими открытое противопоставление Украинского гетманства («гетманского регимента») и России? Уважаемым ученым в спешке было сделано много и других фактических ошибок. Например, довершая картину злодея-Мазепы В.А. Артамонов переписывает ошибочное утверждение Г.А. Санина, что Мазепа якобы учился в иезуитском колледже [5. С. 8]. Между тем, Мазепа получил образование в Киево-Могилянском коллегииуме, а завершил его на Западе (в Голландии, Италии, Германии и Франции). В то же время, в иезуитском колледже Львова учился Б. Хмельницкий, что как известно, совершенно не пошло ему во вред.

Несколько публикаций в связи с юбилеем Полтавской битвы вышли и на Украине. Прежде всего, хотелось бы отметить популярные, но выполненные очень профессионально и политически нейтрально работы А. Сокирко, украинского эксперта военной истории [8]. Ряд публикаций источников, интересных работ, лишенных политической эмоциональности, со свежими, нестандартными подходами содержит и полтавский сборник [9]. Наряду с этим появились нарочито-пропагандистские издания, например «Иван Мазепа в вопросах и ответах» (явно смахивает на аналогичные издания советского периода только с другим полярным знаком) (см., например [10]).

Значительно хуже получилось с юбилеем Конотопа. Ряд российских и украинских ученых схлестнулись на принципиальном неприятии определенных источников (см., например [11. С. 254]) и посчитали важнейшим моментом спор о количестве участников, погибших и пленных. Интереснейший политический момент событий, предшествовавших и последовавших за Конотопом, остались не охваченными. Я высказала свое развернутое мнение о Конотопе на страницах СМИ [12], и потому не считаю нужным возвращаться к этому вопросу. Отмечу только, что сражение под Конотопом явно не заслуживает такого внимания, которое ему уделяется. Потому особенно обидно, что в спор, поддавшись эмоциям, вступил даже такой выдающийся знаток архивов, как Ю.А. Мыцьк.

Возможно и не следовало бы уделять такого внимания обратной стороне юбилеев. Однако этот тон популярно-эмоциональных работ зачастую стал проникать и в обычные исследования. Историки порой делают категорические заявления о вопросах, остающихся предметом многолетних (если не многовековых) научных споров и полемики, в которых не являются специалистами. Например, главный редактор сборника «Единогор» А.В. Малов, блестящий знаток военной истории, комментируя статью автора данного письма, опубликованную в журнале [13], затрагивает сферу, которая находится очень

далеко от его профессиональных интересов, а вступая на чуждую ему территорию, он становится уязвимым. Начнем с того, что взгляды автора статьи совершенно не являются «характерными для большей части современной украинской историографии». Любый мало-мальски знакомый с современными украинскими историческими школами знает, что там сейчас для оценки восстания Б. Хмельницкого используется термин «украинская национальная революция» (который я не приемлю) и наоборот практически отмечается термин «Руина» (широко используемый мною). В последние годы на страницах ведущих украинских научных изданий шла ожесточенная полемика с коллегами – по вопросам терминологии и оценок истории Украины раннего Нового времени [14]. Это нормальная академическая практика, не обижающая ни одну из сторон. Что касается Гетманщины как государственного образования (никто не говорит о сложившемся украинском государстве), то о какой «российской историографии» данного вопроса может идти речь? Во всяком случае, никак не о работах И.Б. Бабулина, просто потому, что он не знаком с историографией вопроса и не проводит источниковедческого анализа (в частности, ссылается на слабую работу И.Л. Андреева). Что касается его ссылки на работу А.С. Смирнова, то с таким же основанием можно ссылаться на Л.Н. Гумилева или А.И. Солженицына.

Эти авторы не знают многотомные, основанные на широчайшем архивном материале, труды В.А. Мякотина, В. Барвинского, Л. Окиншевича, И. Крипякевича, Н. Томашевского, рассмотревших различные аспекты административной, экономической и финансовой деятельности Украинского гетманства. И незнание языка не является оправданием. Даже студента-первокурсника вначале спрашивают, какими языками они владеют, а затем уже дают им соответствующую тему.

Дело не в том – было ли Украинское гетманство государством или нет. Важно убедительно, на основании источников, опровергнуть все доказательства и выводы предшественников и лишь тогда высказывать собственное мнение.

Явные ошибки, незнание целых пластов историографии или многих источников – порождают ответную реакцию в виде резкой критики с противоположной стороны (и что самое обидное – не безосновательной [15]). А все вместе – новый виток никому не нужного противостояния.

В заключении, хотелось бы высказать пожелание к коллегам: оставим политику политикам, популизм – журналистам, а историческую науку – историкам.

© 2011 г. *Т.Г. Таурова-Яковлева*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Полторак С.Н.* О мазепеведении и иудознавстве // Клио. СПб., 2007. № 3 (38).
2. «Совершенная виктория». К 300-летию Полтавского сражения. Каталог выставки. СПб., 2009.
3. *Анисимов Е.В.* Петр Великий. Личность и реформы. СПб., 2009.
4. *Кротов П.А.* Битва при Полтаве. СПб., 2009.
5. *Артамонов В.А.* Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. и Мазепа. М., 2008.
6. *Артамонов В.А., Кочегаров К.А., Курукин И.В.* Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. Образы и трагедия гетмана Мазепы. СПб., 2008.
7. *Мацків Т.* Гетьман Іван Мазепа в західноєвропейських джерелах 1687–1709. Київ; Полтава, 1995.
8. *Сокирко О.* Український рубікон. Полтавська битва 27 червня 1709 о. Київ, 2009. Ч. I, II.
9. Полтавська битва 1709 року. Погляд крізь призму трьох століть. 1709–2009. Полтава, 2009.
10. *Ковалевська О.* Іван Мазепа у запитаннях та відповідях. Київ, 2008.
11. *Бабулин И.Б.* Поход Белгородского полка на Украину осенью 1658 г. // Единорог. М., 2009. Вып. 1.
12. <http://www.lenta.ru/conf/tairova> 2.12.2009
13. *Таурова-Яковлева Т.Г.* Иван Выговский // Единорог. Материалы по военной истории Восточной Европы. М., 2009. Вып. 1.
14. *Яковлева (Таурова) Т.Г.* К вопросу о проблемах исследования Гетманщины сер. XVII века // УГО. Київ, 2002. Вип.8; *Яковлева (Таурова) Т.Г.* Открытое письмо оппоненту («Так жить не-

- льзя») // УГО. Київ, 2003. Вип. 9; *Яковлева (Таирова) Т.Г.* Пророки и третейские судьи: (Відповідь на рецензію Віктора Горобця) // УГО. Київ, 2001. Вип. 5; *Яковлева (Таирова) Т.Г.* Україна в XVII веку: руїна, революція // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2005. Вип. 5; *Горобець В.* Немає пророка у своїй вітчизні. А в чужій? // Український гуманітарний огляд. Київ, 200 . Вип. 2; *Горобець В.* Платон мені друг. І це – найдорожче? // Український гуманітарний огляд. Київ, 200 . Вип. 5; *Чухліб Т.* «Руїна» Гетьманщини чи боротьба за утвердження Української козацької держави? // Україна в Центрально-Східній Європі. Київ, 2004. Вип. 4.
15. *Яценко В.* Українські фрагменти в студіях російського військового історика Александр Малова // Збірник харківського історико-філологічного товариства. Нова скрія. Харків, 2009. Т. 13.

К ЮБИЛЕЮ ЛЮДМИЛЫ АЛЕКСАНДРОВНЫ СОФРОНОВОЙ. ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

Людмила Александровна Софронова, блестяще окончившая филологический факультет Московского университета за четыре года (вместо положенных пяти), в 1962 г. была принята в Институт славяноведения по приглашению и рекомендации Игоря Федоровича Бэлзы, который заведовал сектором истории культуры славянских народов (позднее – отдел историко-культурных проблем). Культурологическое направление в Институте тогда только формировалось. И хотя Людмила Александровна была лингвистом и защищала диплом по грамматике венгерского языка на кафедре общего языкознания (где мне пришлось выступать ее оппонентом), И.Ф. Бэлза сумел разглядеть в молодой выпускнице будущего гуманитария-слависта широкого профиля. Дальнейший научный путь Людмилы Александровны полностью оправдал его ожидания. С 1988 по 2007 г. она возглавляла отдел историко-культурных проблем, и за эти годы изучение истории культуры славянских народов превратилось в одно из магистральных направлений деятельности Института, в наибольшей степени реализующих программный для Института принцип комплексного междисциплинарного подхода. В значительной степени этот расцвет историко-культурных исследований определялся личными талантами, широтой интересов и организаторскими способностями Людмилы Александровны, но он обязан также и общей атмосфере гуманитарной науки второй половины XX в., решительно стиравшей границы между отдельными дисциплинами и активно осваивавшей пограничные области на стыках наук. Отнюдь не случайно, что свою кандидатскую диссертацию Людмила Александровна защищала (1969) в Тартуском университете, прославленном центре семиотических исследований, где проходили знаменитые симпозиумы и издавались «Труды по знаковым системам», и одним из ее оппонентов был сам Ю.М. Лотман. Столь же показательным, что докторскую диссертацию (1984) она защищала в Пушкинском доме, где одним из ее оппонентов выступил акад. Д.С. Лихачев.

Собственное научное творчество Людмилы Александровны вдохновляется тем же сознанием и ощущением внутреннего единства объекта гуманитарного знания: истории и литературы, языка и фольклора, мифологии и ритуала. Ее истинное призвание – стирание всех и всяческих границ в пространстве культуры, ее влекут к себе прежде всего пограничья: географические, государственные, культурные, на которых действуют силы притяжения и отталкивания и формируются особые культурные феномены и механизмы взаимодействия разных традиций (в работах Людмилы Александровны главным ареалом стали Польша, Украина и Россия XVII–XIX вв.). Это также пограничья во времени, переклички эпох, следы ушедшего в последующем, возвращения к старому и повторы прошлого. Это и пограничья между дисциплинами – она одинаково свободно оперирует данными и приемами лингвистики, фольклористики, этнографии, театроведения, семиотики. Это пограничье между культурой высокой, письменной, книжной и – устной, низовой, народной, между культурой сакральной и светской. Это также пограничья и смешение жанров, откуда преимущественный интерес к театру как синтетическому виду культуры, объединяющему слово и действие, и к тексту как общекультурному явлению (вербальному, ритуальному, мифологическому). Это, наконец, пограничья и смешение художест-

венных приемов и стилей, откуда постоянное внимание к поэтике вообще и к барокко в частности.

Этим разнообразным «пограничьям» посвящены главные книги Людмилы Александровны: «Древнерусский сюжет в польской драматургии XVII века» (1977, книга депонирована), «Поэтика славянского театра XVII – первой половины XVIII в. Польша, Украина, Россия» (1981), «Польская театральная культура эпохи Просвещения» (1985), «Польская романтическая драма. Мицкевич – Словацкий – Красиньский» (1992), «Старинный украинский театр» (1996), «Три мира Григория Сковороды» (2002), «Российский феатрон. Московский любительский театр XVIII в.» (2007), «Мифопоэтика Гоголя» (2010). Мало кто из коллег Людмилы Александровны может сравниться с ней по числу изданных книг, разнообразию их тематики, богатству идей и материала и в то же время по внутреннему единству их проблематики. А ведь есть еще многие десятки статей! Изданный в 2006 г. сборник ее избранных, программных статей «Культура сквозь призму поэтики» насчитывает 70 печатных листов.

Людмила Александровна не просто вписывается своими работами в широкий контекст гуманитарного знания, она сама создает этот контекст. Ее неустанная научная «интерактивность», потребность и способность не только творить самой, но и откликаться на самые разные движения мысли своих коллег, будь то историки, искусствоведы, литературоведы, философы, лингвисты, побуждать их к диалогу делает ее центром притяжения для множества коллег и учеников. Ей принадлежит инициатива проведения большой серии конференций, симпозиумов, «круглых столов», к участию в которых привлекались десятки маститых ученых и начинающих исследователей. По материалам этих конференций под ее редакцией и с ее предисловием изданы сборники, составившие целую библиотеку исключительно богатых по содержанию и актуальных по проблематике книг: «Историко-культурные проблемы барокко» (1979), «Барокко в славянских культурах» (1982), «Становление национальной классики» (1992), «История культуры и поэтика» (1994), «Культура и история» (1997), «Автопортрет славянина» (1999), «Книга в пространстве культуры» (2000), «Миф в культуре: человек/не-человек» (2000), «Утопия и утопическое в славянском мире» (2002), «Оппозиция сакральное/светское в славянской культуре» (2004), «Культура сквозь призму идентичности» (2006), «Оппозиция жизнь/смерть в славянской культуре» (2008), «Знаки времени в славянской культуре: от барокко до авангарда» (2009). В 2008 г. издан своего рода дайджест этих публикаций под названием «Категории и концепты славянской культуры. Труды отдела истории культуры», отразивший основные темы и направления исследований сотрудников отдела последних десятилетий.

Научные труды Людмилы Александровны получили признание не только со стороны ее коллег и учеников, которые черпают в них импульсы и вдохновение для своей работы. Ее монография о польской культуре эпохи Просвещения удостоилась премии в Польше как лучшая иностранная книга о польской культуре, а монография об украинском театре – премии Союза театральных деятелей Украины. Как член авторского коллектива цикла совместных российско-польских исследований «Русско-польские литературные и культурные связи в европейском контексте. Взаимное видение в литературе и культуре» Людмила Александровна была награждена медалью и премией Польской и Российской академий наук (2008).

Связав всю научную судьбу с Институтом славяноведения, Людмила Александровна Софронова сумела стать не только одной из главных фигур, которые принесли славу и высокий авторитет нашему Институту, но и, благодаря таланту, благородному служению науке, верности своему пути, доброжелательности и вниманию к коллегам, мужеству, личному обаянию, неподражаемому юмору, сумела завоевать искреннюю любовь и уважение всех, кому посчастливилось с ней работать и дружить. Я с удовольствием присоединяю свой голос к общему хору юбилейных поздравлений и пожеланий Людмиле Александровне здоровья и долгих лет творчества на благо нашей науки.

© 2011 г. С.М. Толстая

Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, редколлегия и редакция журнала «Славяноведение» присоединяются к поздравлению и желают члену редколлегии журнала Людмиле Александровне здоровья и творческих успехов.

К ЮБИЛЕЮ ОНУФРИЕ ВИНЦЕЛЕРА

Известный румынский филолог-славист, доктор филологических наук, профессор Онуфрие Винцелер, ныне почетный профессор Клужского университета, продолжающий свою плодотворную деятельность «на службе слова», празднует свой юбилей. В списке его печатных трудов более 35 монографий, в том числе основательные словари румынского языка, и свыше 400 статей по проблемам морфологии, синтаксиса, исторической лексикологии, ономастики на материале русского, украинского и румынского языков, опубликованные как в румынских изданиях, так и на русском языке в Москве, Санкт-Петербурге (Ленинграде), Киеве, Кишиневе, Тбилиси, Прешове (Словакия) и др. Особое место занимают исследования О. Винцелера, посвященные славяно-румынским языковым контактам, наряду с очерками по истории славистики в Румынии, а также работы по славянской и румынской ономастике, не говоря о вкладе ученого в изучение говоров русских староверов-некрасовцев, а тем более об учебной литературе по русскому и украинскому языкам, предназначенной и румынским школьникам, и студентам-славистам.

О. Винцелер родился 10 августа 1930 г. в с. Кэптэлан на р. Муреш (ком. Ношлак, уезд Альба). Получив начальное образование в 1937–1944 гг. в сельской школе коммуны Ношлак, он осваивает в 1945–1949 гг. специальность слесаря-механика в профессиональном училище при паровозном депо в г. Брашове и в г. Сибиу. После двухгодичной учебы на рабочем факультете в Брашове он поступает в 1952 г. на филологический факультет Бухарестского университета, а в конце первого курса ему предлагают продолжить учебу в Советском Союзе. С минимальными познаниями в русском языке, наскоро усвоенном на подготовительных занятиях, Винцелер становится в 1953 г. студентом второго курса Саратовского университета им. Н. Г. Чернышевского. Упорное чтение и целеустремленность помогли студенту заполнить пробелы в образовании. С четвертого курса О. Винцелера переводят в МГУ им. М.В. Ломоносова, где ему вновь пришлось доучиваться и догонять однокурсников. Он посещает лекции С.Б. Бернштейна, В.В. Виноградова, В.А. Звегинцева, А.А. Реформатского, В.Н. Ярцевой, а научным руководителем его дипломной работы, посвященной румыно-славянскому языковому взаимодействию, становится Вяч. Вс. Иванов, явно передавший своему ученику и навыки компаративистики, и любовь к этимологии. Особый интерес к судьбе румынского студента проявил С.Б. Бернштейн, а в силу своих «романистических» симпатий также Р.А. Будагов.

По возвращении в Румынию молодой ученый с 1957 г. работает последовательно лаборантом, ассистентом (с 1958 г.), преподавателем (с 1961 г.), а впоследствии доцентом (с 1976 г.), профессором (с 1990 г.) и профессором-консультантом (с 1996 г.) на кафедре русского языка и славянской филологии Клужского университета им. Бабеша-Большая. В том же университете всю жизнь трудилась его жена, специалист по древнерусской литературе – Алла Винцелер (урожденная Мищенко, 1934–2009). В 1960 г. О. Винцелер поступает по конкурсу в докторантуру МГУ. Степень д-ра филол. наук он получает за исследование «Предложные конструкции, выражающие объектные отношения в современном русском языке» (М., 1965).

Среди трудов, представляющих вклад О. Винцелера в лексикографию, можно назвать посвященные румынской лексике «Словарь антонимов» (Бухарест, 1974, в соавторстве с М. Букэ), неоднократно переиздававшийся и дополнявшийся, «Словарь синонимов» (Бухарест, 2001), «Словарь неологизмов» (Бухарест, 2002), «Толковый и этимологический словарь румынского языка» (Бухарест, 2004), «Словарь омонимов русского языка» (Клуж-Напока, 1984, в соавторстве) и «Украинско-румынский словарь» (Клуж-Напока, 1999). Особо стоит упомянуть «Тематический словарь (румынский, французский, испанский, английский, русский языки)» (Клуж-Напока, 1999).

Учебная и методическая литература, естественно, широко представлена в списке работ профессора О. Винцелера. Это прежде всего исследования и пособия по русистике: «Синтаксис русского языка» (Клуж-Напока, 1973), «Развитие речи у учеников, изучающих русский язык» (Бухарест, 1974, в соавторстве), «Русский язык (для студентов юридического факультета)» (Клуж, 1975, в соавторстве), «Русский язык (для студентов исторического факультета)» (Клуж, 1977 – в соавторстве) и др. Нельзя не отметить и самостоятельные по теоретическому осмыслению рассматриваемых проблем книги «Предлог, союз и частица» (Клуж-Напока, 1978), «Синтаксические семинары» (Клуж-Напока, 1982) и «Проблемы синонимии» (Бухарест, 1983).

Другую область научного интереса ученого представляет «Монографическое исследование коммуны Ношлак» (Клуж-Напока, 2004), посвященное истории, природным особенностям, ономастике и, прежде всего, людям родного для автора селения, одновременно являющееся культурно-историческим обобщением, а отчасти и включающее воспоминания автора. В сугубо историческом отношении с ним перекликается небольшая монография «За кулисами борьбы за Трансильванию» (Клуж-Напока, 2003, в соавторстве); историко-этимологические же разыскания Винцелера обобщены в книге «Вначале было слово ARDEAL» (Клуж-Напока, 2003).

Что касается жанра воспоминаний, самый широкий отклик получила книга О. Винцелера «Портреты и книги» (Клуж-Напока, 2005. Т. 1). В ней представлены очерки о 26 ученых, большей частью о лингвистах, с которыми автору посчастливилось общаться. Это портреты таких видных румынских филологов, как С. Драгомир, Н. Дрэгану, И. Евсеев, А. Граур, Г. Михаилэ, О. Патруц, Л. Вальд и др. Немало теплых страниц посвящено в книге русским учителям и друзьям клужского слависта – профессору Саратовского университета О.Б. Сиротининой, московским лингвистам В.И. Абаеву, С.Б. Бернштейну, Р.А. Будагову, петербургским филологам-романистам Р.Г. Пиотровскому и Т.А. Репиной, киевлянину С.В. Семчинскому. За этими воспоминаниями последовал небольшой сборник, названный (по одному из трех включенных в него очерков из области лингвистической историографии) «Трагедия советской лингвистики» (Клуж-Напока, 2006). В предисловии к этому очерку он не просто напоминает читателям о трагических судьбах таких выдающихся лингвистов, как Н.С. Державин, Н.Н. Дурново, А.М. Пешковский, Е.Д. Поливанов, А.М. Селищев, Н.С. Трубецкой и других, но представляет их научную позицию как подвиг мысли и гражданственности.

Жизнь и труды клужского слависта О. Винцелера – такой же подвиг по преодолению многих проблем, без которых немислима сама человеческая жизнь. В ней было немало и трудностей, и утрат. Но не случайно свою статью в сборнике, посвященном семидесятипятилетию ученого, Илие Рад озаглавил «Онуфрие Винцелер, или Жизнь как дар» (Клуж-Напока, 2005). Пусть же, перешагнув порог восьмидесятилетия, профессор О. Винцелер сохраняет бодрый дух и здоровье для служения избранной им профессии хранителя слова – хранителя культуры.

© 2011 г. *Н. Л. Сухачев*

ПАМЯТИ ЛИДИИ ЕГОРОВНЫ СЕМЁНОВОЙ (1931–2010)

Ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, доктор исторических наук Лидия Егоровна Семёнова (27 января 1931 – 5 октября 2010) – автор более 150 научных трудов, нескольких монографий и изданий архивных источников. Придя в науку в трудные послевоенные годы, она, можно сказать, возродила румынистику в нашей стране и вскоре стала ведущим специалистом по позднесредневековой истории Юго-Восточной Европы, охватив своим исследовательским взглядом историю Дунайских княжеств и их внешних сношений с XIV по XIX в.

Монографические труды Л.Е. Семёновой всегда становились важнейшим событием для мировой румынистики. В российской исторической науке дореволюционного времени серьезное внимание уделялось и политическим отношениям, и культурным связям России и Молдавии, но тема отношений с Валахией оставалась неразработанной. Работы Л.Е. Семёновой «Русско-валашские отношения в конце XVII – начале XVIII вв.» (М., 1969); обобщающий труд о роли Дунайских княжеств в системе международных отношений «Дунайские княжества в международных отношениях в Юго-Восточной Европе (конец XIV – первая треть XVI в.)» (М., 1994); а также книга «Княжества Валахия и Молдавия. Конец XIV – начало XIX в. (Очерки внешнеполитической истории)» (М., 2006), в которой рассмотрены самые разные аспекты внутренней истории и внешних сношений Валахии и Молдавии, это положение решительно изменили.

К истории русско-румынских связей Лидия Егоровна всегда проявляла особый интерес. Отношения между этими странами – важнейший сюжет и русской, и румынской истории, ведь наши народы так близки: исторически соседи, с одной верой и большую часть истории с общим литературным языком. Трудно переоценить роль российского фактора в румынской истории, однако наш интерес друг к другу никогда не был симметричен, и потому русскому специалисту по Румынии всегда приходилось решать задачи сколь обширные, столь и трудоемкие. В работах Л.Е. Семёновой впервые так подробно и обстоятельно охарактеризованы попытки населения Дунайских княжеств освободиться от османского господства, опираясь на русскую помощь и поддержку. Подробно изучено место Молдавии и Валахии во внешнеполитических планах российских государей, в первую очередь Екатерины II и Александра I. Ряд статей ученой посвятила роли Церкви в отношениях России и Дунайских княжеств, торговым взаимоотношениям, а также судьбе молдово-валашских переселенцев в Россию (а особенно такой значимой фигуре и молдавской, и русской истории, как Дмитрий Кантемир).

Другой не менее важной темой трудов Л.Е. Семёновой был характер связей Дунайских княжеств с Османской империей в XV–XIX вв. Подробно описан процесс установления вассальной зависимости Дунайских княжеств от империи, разобраны проблемы их статуса и его изменений в имперской системе с XV по начало XIX в. Внимательно исследован вопрос о происхождении так называемых капитуляций (ряда соглашений между княжествами и Портой, сохранившихся в списках конца XVIII – начала XIX в.). «Капитуляции»

долгое время рассматривались в исторической науке как документы, определявшие статус Дунайских княжеств во время их подчинения Османской империи. Л.Е. Семёнова показала, что эти документы не средневекового происхождения, но их следует рассматривать как памятники идеологии нарождавшегося народно-освободительного движения: они отражали попытки добиться более выгодного положения княжеств в системе Османской империи.

Лидия Егоровна рассматривала историю внешних связей Дунайских княжеств в общем контексте международных отношений Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, а потому немало внимания уделяла и таким вопросам, как, например, связям с Польшей и в целом фактору польской политики в этом регионе. Ее также интересовали валашско-сербские связи, особенно в период Первого сербского восстания (1804–1807). Некоторые статьи Л.Е. Семёновой касаются и внутреннего положения в Молдавии и Валахии, социально-экономического развития княжеств, специфике институтов власти.

Лидия Егоровна собрала огромный корпус источников из российских и зарубежных архивов. Этот документальный материал по истории международных отношений в Европе стал основой для ряда сборников публикаций архивных источников, редактором и составителем которых она была. Л.Е. Семёнова выступила составителем, автором комментариев и аннотированных указателей в трехтомном труде «Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII в. Документы и материалы» (М., 1965. Т. I.; М., 1968. Т. II.; М., 1970. Т. III), до сих пор сохранившем научную актуальность. Совместно с коллегами она также подготовила фундаментальную публикацию источников из российских и зарубежных архивов по международным отношениям в Восточной и Юго-Восточной Европе в 1650-х годах – «Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в.» (М., 2007). Эти издания впервые ввели в научный оборот большое количество ценнейших архивных источников из многих стран Европы.

В 2008–2009 гг. Л.Е. Семёнова участвовала в российско-молдавском проекте РГНФ, посвященном изучению документальных источников XV–XVII вв. по истории Молдавского княжества. Результатом этой работы стал каталог славяно-молдавских грамот рассматриваемого периода в хранилищах России и ряда зарубежных государств. Вместе со вступительной статьей, написанной в соавторстве с А.А. Туриловым, он будет опубликован в скором времени в одном из академических журналов в Республике Молдова.

Л.Е. Семёнова была соредактором, автором отдельных глав по истории Молдавии, Валахии и Трансильвании в коллективных изданиях по истории региона. В первую очередь стоит упомянуть трехтомный труд «Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы» (М., 1984–2001), охватывающий огромный период истории отношений Османской империи с северными и западными соседями со второй половины XV и до начала XVIII в., и не имеющий аналогов в мировой науке. Большое значение имеют также изданные при ее активном участии исследования «Очерки внешнеполитической истории Молдавского княжества (последняя треть XIV – начало XIX в.)» (М., 1987), «Русская и украинская дипломатия в Евразии: 50-е годы XVII века» (М., 2000), издания трудов Двусторонней комиссии историков России и Румынии и ряд других. Также она является автором глав по истории Дунайских княжеств периода Средневековья и раннего Нового времени в коллективных обобщающих изданиях: «Краткая история Румынии» (М., 1987), «История Европы», «История Балкан. Век Восемнадцатый» (М., 2004), в университетском учебнике «История средних веков» (М., 1997).

Лидия Егоровна была сотрудником Института славяноведения и балканистики с 1968 г. За более чем сорок лет работы она проявила себя не только как талантливый ученый, но и организатор научной жизни. Много лет она выполняла работу ученого секретаря Отдела истории средних веков, работала как секретарь и затем заместитель секретаря российской части Двусторонней комиссии историков России (СССР) и Румынии, возглавляла ряд международных проектов. Кропотливая забота в научных коллективах, ее внимательный подход к проблемам, чуткое отношение к коллегам и исследовательская смелость стали основой для многочисленных научных мероприятий, без которых трудно представить себе развитие отечественной исторической науки.

Лидия Егоровна Семёнова останется в нашей памяти светлым человеком и увлеченным исследователем, чей энтузиазм и трудолюбие всегда служили примером для коллег и вносили неоценимый вклад в отечественную и мировую науку.

© 2011 г. *Коллеги и друзья*

Славяноведение, № 2

ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ НИКОЛАЕВНЫ МОЛОШНОЙ (1932–2010)

Ушла из жизни Татьяна Молошная. Для нас, сверстников, ее уход не только напоминание о том, что наше поколение завершает свое земное существование, но и о начале нашей жизни в науке. С ее именем и участием связан героический период в истории советского языкознания. В середине пятидесятых годов, а именно в 1955-м, в советские естественные науки была допущена кибернетика, а в языкознание – структурная лингвистика, которая, как считалось тогда, будет «точной» и математической. В единстве числа и слова виделись захватывающие перспективы перевода с языка на язык с помощью электронно-вычислительных машин, которые уже работали в Институте прикладной математики АН СССР. Энтузиаст машинного перевода математик А.А. Ляпунов искал лингвистов, которые хотели бы заняться новой областью приложения их знаний, и каждому вручал рукопись своей статьи, где объяснял принцип работы вычислительной машины, аббревиатура названия которой звучала как УМ – «условная машина». Именно в 1955 г. Т.Н. Молошная, тогда просто Таня, пришла на работу в Институт прикладной математики и приступила к работе над англо-русским машинным переводом. Центром притяжения студентов, аспирантов, младших научных сотрудников лингвистических специальностей МГУ и АН СССР был в то время семинар по математической лингвистике на филфаке МГУ, которым руководили В.В. Иванов и В.А. Успенский. Многие его участники стали впоследствии известными лингвистами. Таня была его активным участником и выступала с докладами, которые неизменно пользовались успехом. Их успех усиливался тем, что сухие истины математической лингвистики произносила юная красавица с модной тогда прической – «конским хвостом». В дальнейшем интеллектуальную атмосферу этих семинаров уже не удавалось воспроизвести нигде. Всех участников семинара связывали не только общие научные интересы, но просто дружба. Все были друзьями и встречались не только на семинарах, но и в домашней обстановке, где Таня всегда была в центре внимания. Она неизменно выступала с докладами на ежегодных конференциях по структурной лингвистике и машинному переводу, которые организовывались вместе с лабораторией прикладной лингвистики Института иностранных языков им. М. Тореза. После аспирантуры под руководством А.А. Реформатского она с блеском защитила кандидатскую диссертацию, которая была событием в сообществе структурного языкознания. Ей всю жизнь везло на научное окружение. Ее дальнейшая творческая жизнь прошла в секторе структурной типологии Института славяноведения РАН, где собрался цвет советского языкознания, откуда вышли три академика: В.В. Иванов, В.Н. Топоров, А.А. Зализняк и член-корреспондент РАН Т.М. Николаева. За время работы в секторе, а затем в отделе, она защитила докторскую диссертацию, написала 150 работ, среди которых четыре монографии, статьи, некоторые из них переведены на иностранные языки, выступала с докладами на многих научных конференциях. Она прожила достойную жизнь, полную творческого труда и больших достижений в науке о языке. Однако в памяти сверстников она останется юной красавицей с прической «конский хвост», которая стоит на кафедре и говорит о математической лингвистике.

© 2011 г. *М.В. Софронов от лица друзей и коллег*

CONTENTS

ARTICLES

<i>Kochegarov K.A.</i> (Moscow). Relations Between Zaporizhzhya Sich, Rzecz Pospolita, Port and Crimea During Last Years of Life of Ataman Ivan Serko.....	3
<i>Sazonova L.I.</i> (Moscow). To the History of Creation of «The Rhymologion» by Simeon Polotsky .	19
<i>Afanasyeva T.I.</i> (St. Petersburg). Service against Lack of Rain in Slavic Missals in XI–XVI Centuries	36
<i>Gluszkowski P.</i> (Warsaw – Moscow). Faddey Bulgarin in a World of Identities in the Russian Empire.....	46
<i>Agapkina T.A.</i> (Moscow). Symbolism and Ritual Functions of Dance and Dances in a Ring in Slavic Traditional Culture.....	56
<i>Krashennnikova Yu.A.</i> (Syktyvkar). From the Observations on the Color Symbolism in the Russian Wedding Recitatives	71

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Shevtchuk I.I.</i> (Brest). Minks Period in N.N. Durnovo's Life	78
<i>Robinson M.A.</i> (Moscow). «Professor Durnovo's Statement»	86
<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). Yuri Kryzhanich. View from the Old Square (December 1954)	101

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Gavryushina L.K.</i> Радослава Станкова. Сръбската книжнина през XIII в. (контекст и текст) ...	107
<i>Anisimova D.</i> Slovník súčasného slovenského jazyka. I zväzok	110

SCHOLARLY LIFE

Themes on the XVth International Slavic Studies Congress	113
--	-----

LETTER TO THE EDITOR

Tairova-Yakovleva T.G.	116
-----------------------------	-----

ANNIVERSARIES

<i>Tolstaya S.M.</i> Towards the Anniversary of Ludmila Alexandrovna Sofronova. Eulogy	120
<i>Sukhachev N.L.</i> Towards the Anniversary of Onufrie Vinzelera	122

OBITUARIES

In Memoriam of Lidia Egorovna Semyonova	124
<i>Sofronov M.V.</i> In Memoriam of Tatyana Nikolaevna Moloshnaya	126

Сдано в набор 28.12.2010 Подписано в печать 03.02.2011 Формат бумаги 70 × 100^{1/16}
Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отг. 3,2 тыс. Уч.-изд.л. 12,1 Бум.л. 4,0
Тираж 301 экз. Зак. 1081

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография «Наука»», 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ПОДПИСКА-2011

ПЕРВОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1. Российские и зарубежные газеты и журналы
2. Книги и учебники

ПРЕС

1 РОС
И З
ГАЗ
И Ж
ТОМ

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе "АПР"